

КОНТРОЛЕР
ЮРИЙ
НИКИТИН

ЮРИЙ НИКИТИН

Человек
из будущего

Человек
из будущего

КОНТРОЛЕР

—ЮРИЙ
НИКИТИН

2

3

—ЮРИЙ
НИКИТИН

К О Н Т Р ● Л Е Р

Книга четвертая

Человек
из будущего

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Разработка серии *Е. Савченко*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Никитин, Юрий Александрович.

Н62 Контролер. Книга четвертая. Человек из будущего / Юрий Никитин. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Контролер. Фантастика Юрия Никитина).

ISBN 978-5-699-89607-3

Девяносто девять процентов населения мыслями и чувствами еще в XX веке, потому к таким, как Владимир Лавронов, зачастую относятся со сдержанной враждебностью... И это в лучшем случае. Неудивительно, что и в собственной стране Лавронову приходится жить, как на густо заминированной территории: смотри под ноги и по сторонам, следи за тем, что говоришь, врага уничтожай быстро и безжалостно, с побочными потерями не считайся, ведь этих двуногих на планете — восемь миллиардов...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89607-3

© Никитин Ю., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Часть I

Глава 1

Мещерский выглядит несколько не в своей тарелке. По его виду понятно, что-то стряслось, но это заметно лишь мне да, возможно, нашему штатному психологу.

Он кивком пригласил в свой кабинет, включил глушилку и сказал, понизив голос:

— Владимир Алексеевич, садьте, пожалуйста. И возьмитесь за подлокотники. Или обопритесь о стол.

Я сел, спросил с интересом:

— Давайте вашу новость.

— Вам, — сказал он непререкаемым тоном, который я очень не люблю, — предстоит лететь в Штаты. Сегодня.

— Ого, — ответил я. — Значит, моя молитва, что пора наладить самые плотные связи с их секретными службами, попала богу в уши?

Он чуть запнулся, но тут же светски и почти естественно улыбнулся.

— Попала, Владимир Алексеевич. Попала. Еще как попала! Видимо, чтобы это у вас лучше прошло, он и устроил небольшое землетрясение у берегов Америки.

Мне он показался чуточку смущенным, тоже мне интеллигент, за американских людей переживает, но ответил ему с беспристрастной твердостью ученого:

— Там это обычное дело, Аркадий Валентинович. В Калифорнии в год около тысячи мелких землетрясений, несколько средненьких и два-три полукрупных. Видимо, что-то необычное?

— Дело в том, — сказал он, — что землетрясение подводное...

— Еще легче, — сказал я успокаивающе. — Небольшая волна пойдет на берег. Если землетрясение не ого-го, то мало кто заметит даже на пляже.

Он вздохнул.

— Это заметят.

— Что-то стряслось? — поинтересовался я с вежливым интересом.

— Даже очень, — ответил он. — Разлом прошел как раз по нашей закладке с атомными минами. К счастью, не вдоль, а поперек. Но одну мину зацепило крепко. Взорваться, конечно, не могла, такое возможно только по сигналу от нас, но вырвало из грунта и теперь волнами катит к берегу. Через несколько часов прибьет.

— К отмели?

— Да, в зону песчаных пляжей. Выкатит на сушу, а там на нее наткнутся быстро. И еще неизвестно, кто будет первым.

Я бы присвистнул, если бы умел.

— Ого. Местные умельцы наверняка постараются побыстрее разобрать такую диковинку... пока власти не нагрянули. Местные фермеры все приспособят для коровников.

Он сказал успокаивающе:

— Взрыва не будет, повторяю, если вы о нем подумали. Даже если разберут все-все прямо в сарае... Но ситуация отвратительная, как вы понимаете.

— Начинаю догадываться, — пробормотал я.

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Владимир Алексеевич, мы надеемся, вы с вашим талантом улаживать щекотливые дела не просто сгладите впечатление, но и вообще убьете, как обычно делаете, двух, а то и больше зайцев.

— Аркадий Валентинович?

Он пояснил:

— Установите связи с секретными службами, мы дадим рекомендательные письма... по особым каналам, и заодно развеете неприятное впечатление из-за этого... инцидента. Скажете, никто применять не собирался, это закладка со времен... ну, старых времен.

— Хрущевских? — спросил я с сомнением. — Вроде бы эту идею академика Сахарова, как он ни пробивал ее в верхах, отвергли?

Он ответил с неохотой:

— В том-то и дело, что да, тогда отвергли.

— Ого, мина более новая?

Он вздохнул.

— А что нам оставалось делать, когда их военные базы все ближе и ближе?.. В общем, постарайтесь сгладить впечатление и как-то не дать ухудшиться ситуации. Я на вас рассчитываю, вы сумеете даже проигрышную ситуацию повернуть в нашу пользу!.. Билет уже заказан. Вылет через два часа. К сожалению, из-за разницы во времени прилетите вечером, в конце рабочего дня.

— А следующий рейс?

— Завтра в это же время. Хотя есть не прямой, что доставит вас завтра в обед.

Я поколебался, покачал головой.

— Лучше уж сегодня. Завтра мину может выкатить на берег, верно?

— Хорошо, — ответил он, — если на нее наткнутся просто пляжники. Но и среди них могут оказаться очень практичные люди. Это же, знаете ли, протестантская этика...

— Все понял, — ответил я. — Лечу сейчас. Правда, мышей не успел покормить...

— У вас автоматическая кормушка, — напомнил он. — И поилка.

— Все-то вы знаете, — ответил я с обидой. — Разве можно за своими следить так плотно?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Владимир Алексеевич, а вы еще не ощутили, что находитесь достаточно высоко в нашей иерархии?

— Да я пошутил, — сказал я. — Прекрасно понимаю, устанавливайте камеры где угодно. Скоро так будет в квартирах каждого, чего бы я стал возражать против победной поступи прогресса?.. Но насчет Америки, мне кажется, это слишком серьезно, чтобы мне решать такие вопросы, как эти мины.

— Почему?

Я пояснил:

— А кто меня воспримет всерьез?.. Да и вы не сможете предоставить мне такой статус.

— Верно, — признался он, — но мы не зря называемся секретными службами. Что значит никаких документов, переговоры обычно негласные... а если и частично гласные, то все равно не для прессы. Однако мы доверительно сообщим через

свои каналы, что вы вовсе не рядовой сотрудник... пусть гадают, какое место занимаете в нашем ведомстве. Так даже лучше. Они знают, что у нас нередко ключевые посты не за теми, у кого на погонах звезд больше... Владимир Алексеевич?

Я поднялся, кивнул.

— Вопросов больше нет. Машина внизу?

— Подъезжает, — ответил он и протянул руку, прощаясь.

Выйдя из его кабинета, я еще из коридора позвонил Геращенко — если что, пусть ищет меня в Штатах, дал по скайпу распоряжения своей команде в отделе по ликвидации глобальных катастроф, которые они упрямо называют Центром, намекая на будущий рост.

Никто поездке на другую сторону планеты особенно не удивился, теперь мир без границ, хотя на штатовской таможне надо предъявить кучу документов, проверят от и до, заглянут в желудок и в задницу в поисках бомбы, сравнят с фотографиями всех разыскиваемых преступников мира, а если все же пропустят, то с таким видом, что позволили попасть на их святую землю пока еще не попавшему в списки самому опасному гаду на свете, что всех перебьет, насрет на центральной улице и ударит палкой собаку президента.

А так, да, мир без границ, хотя теперь границы не только в воздухе, но и в космическом пространстве.

К подъезду подкатил автомобиль, рослый шофер в хорошо подогнанном костюме и при галстуке вышел и, обойдя со стороны багажника, распахнул дверь с таким видом, словно повезет президента.

Я сбежал с крыльца, из окна вроде бы смотрит Мещерский, но пусть смотрит, я же знаю, едва отъедем, позвонит с последними инструкциями.

Автомобиль мягко выкатил на трассу, а дальше, как я и предположил, на спинке переднего сиденья вспыхнул экран, я узнал кабинет Мещерского. Из коридора вошел в неизменно элегантнейшем костюме от Гриффина Бримли высокий красавец Бондаренко, заведующий общим отделом, образцовый шпион и джентльмен старых фильмов, с приятной улыбкой и развитой мускулатурой, хотя пистолетную кобуру в подмышечной впадине замечаю даже отсюда.

За ним в проеме показалась толстая и красная морда генерала Кремнева, следом вошел аристократ, что элегантностью посрамит и Бондаренко с Мещерским, весь элитный и сдержанно консервативный от и до майор Бронник, второй помощник Мещерского.

Мещерский сказал с экрана быстро:

— Все в сборе!.. Владимир Алексеевич, делаем в спешке, но у нас надежда, что вы, как человек хорошо разбирающийся в людях и ситуациях, сумеете на месте сориентироваться и выбрать наилучшую линию поведения.

Все четверо уставились в экран, будто сейчас вытащу из шляпы ушастого зайца.

Я ответил в некотором затруднении:

— Так я еду устанавливать связи с разведками насчет глобальных катастроф... или же предупредить о мине?

Бондаренко вздохнул, у Кремнева вид таков, что выругается, а Мещерский ответил, как мне показалось, в затруднении:

— То и другое, и мы даже не можем сказать, что для нас важнее. Стратегически важнее насчет глобальных катастроф, но мину катит к их пляжам волнами именно сейчас...

— Понял, — ответил я. — Для них этот вопрос будет тоже важнее всех прочих. Хорошо, сосредоточусь на нем. А насчет глобальных катастроф... я там буду искать встречи со специалистами, а вы пока налаживайте связи с ЦРУ.

Бондаренко поинтересовался сдержанно:

— А с МИ-6, ИЗИ, РАВ?..

Я отмахнулся.

— Те поверят Штатам на слово. А не поверят, все равно подчинятся. Нам же придется предупредить ЦРУ о своих ударах с воздуха, объясняя и предоставляя материалы.

— А о диверсионных группах? — уточнил Бронник тихонько.

Я притворился, что не заметил ловушки, посмотрел с удивлением.

— Зачем? Я думал, вы знаете, что тайные операции потому и называются тайными. О них не стоит докладывать даже нашему правительству. Там тоже болтунов хватает. Объявлять заранее нужно о том, чего все равно не скрыть. Это запуск «Сатаны» не спрячешь, заснимут не только место удара и взрыв, но и посекундно проследят на радарх, откуда выпущено. Потому полное объяснение, зачем и почему, все-таки в данном вопросе у нас со Штатами абсолютно никаких разногласий. Разница в том, что мы жестче и решительнее, а они пока что рассуждают, как это делать с наименьшими потерями.

Кремнев сказал с отвращением жестким голосом:

— Штаты — все еще благополучная страна, это ее и губит. У нее не было ни двадцати миллионов погибших в мировую войну, ни опустошающих революций, ни чудовищной ломки режима, ни дефолта... Потому мы злее и крепче, а также готовы выдерживать новые испытания.

— Да, — сказал я коротко, — да, конечно.

Он взглянул на меня утрумо и сказал весомо:

— Я в своем штабе проработаю варианты ударов с кораблей. Вы там сосредоточьтесь насчет атомной мины.

Мещерский сказал с предостережением в голосе:

— Генерал...

Кремнев пояснил:

— Наш москитный флот сейчас, к ужасу наших противников, расползается по всем морям и океанам. Доктрина авианосных групп устарела: один крохотный кораблик одним залпом уничтожит и пустит на дно любой авианосец, и никто не в состоянии перехватить его гиперзвуковые ракеты.

Бронник кашлянул, прерывая Кремнева, сказал деликатно:

— Генерал, это прекрасно. Но мы сейчас бьем не по Штатам, хотя и хочется, признаю, эти наглые ублюдки всех достали, а вместе со Штатами намерены бить по явной и непосредственной угрозе, что может стереть с лица земли и нас, и Штаты. И всяких там разных шведов, если еще есть такая нация.

— Под Полтавой были, — блеснул эрудицией Бондаренко, — хотя Полтава вроде бы не в Швеции. А потом... не знаю. Куда-то делись, наверное.

Мещерский сказал со вздохом:

— Хорошо бы наладить со Штатами взаимный обмен.

— Обмен шпионами налажен, — напомнил Бронник.

— Я говорю, — уточнил Мещерский, — у них богатая сеть специалистов, раскинутая по всему миру. Нам бы их данные пригодились.

— Даже у нас разместили пару миллионов, — буркнул Кремнев и, поймав его недоумевающий взгляд, пояснил: — Пятая колонна, что открыто принимает гранты от ЦРУ как бы на демократические реформы и открытое для штатовцев общество.

— Да, — согласился Бронник, — денег у них полно. Доллары сами печатают сколько хотят. Жулье!.. Но, думаю, особо возражать не будут, если ударом с корабля снесем какую-то лабораторию в горах Шри-Ланки или Цейлона. Лишь бы прислали им описание, кого и за что.

Кремнев сказал зло:

— А чего мы перед ними должны отчитываться?

— Международный жандарм, — напомнил Мещерский с улыбкой.

— Мы не слабее!

— Жандарма тоже можно завалить, — согласился Мещерский, — но в поимке опасных преступников лучше сотрудничать. Только сперва нужно встретиться, договориться, утрясти спорные вопросы и сгладить острые углы. Надеюсь, доктор Лавронов справится.

Они все четверо снова повернулись к экрану, я ответил как можно увереннее:

— Я же не дипломат!.. Так что буду только о деле. Нашем общем со Штатами. Если в самом

деле настолько деловые, как хвастливо сообщают о себе, то должны понять наши доводы.

Мещерский сказал со вздохом:

— Все, подъезжаете к аэропорту. Успеха вам, доктор!

Глава 2

В полете над океаном ничего интересного, да и не первый раз в Штаты, приходилось бывать на конференциях, посвященных операциям на ДНК, так что даже задремал, а проснулся, когда стюардесса веселым танцующим голосом велела пристегнуть ремни — самолет идет на посадку.

Внизу у трапа поджидает моложавый мужчина в гражданской одежде. Я сразу понял, кого именно встречает, по его прицельному взгляду, что поймал меня еще на трапе и не отпускал до последней ступеньки.

— Мистер Лавроноф? — сказал с подъемом, слегка растягивая слова, что выдает в нем уроженца Юга. — Я Джон Арнольд, послан встретить вас и доставить на место встречи!

— Прекрасно, — ответил я, успев подумать, что «Арнольд» для россиян больше ассоциируется с именем, — но, может быть, сперва в отель, где брошу вещи?

Он широко улыбнулся.

— Зачем лично?.. Закажите по скайпу. А вещи можно отправить прямо сейчас... Кстати, а где ваш багаж? Мы поторопим.

— Все со мной, — ответил я. Он посмотрел в изумлении, я покачал головой. — Омниа мэа мэкум порто, как говорили древние римляне. Все

мое ношу с собой. Я не жить приехал. Что вещи... Человек тоже вещь ценная, хотя кто об это помнит?

Он улыбнулся чуть растерянно, нас, докторов наук, военные и силовики понимают как-то не так, ответил вежливо и даже почтительно:

— Нам в эту сторону... Кстати, у вас прекрасный английский.

— У вас тоже, — ответил я любезно.

Он покровительственно улыбнулся.

— Но я американец...

— Но и английским владеете неплохо, — похвалил я снисходительно. — Чувствуется обучение в частной школе. Поторопимся?

— Да, сэр.

Придерживая меня под локоть, он повел к выходу с летного поля. Я поглядывал по сторонам, но, похоже, такое здесь в порядке вещей, это хоть и гражданский аэропорт, но настолько близко к Пентагону и ЦРУ, что пользуются им практически только военные, а у них свои причуды, секреты и страшные тайны.

За пределами аэропорта из крупного черного лимузина вышел водитель и остановился у двери, глядя в нашу сторону. Когда приблизились, умело и вышколенно распахнул перед нами заднюю дверь, при этом выпуклость под мышкой обозначилась четче.

Джон пропустил меня вперед, в лимузине достаточно просторно, чтобы вытянуть ноги, передние два сиденья отделены прозрачной стенкой, с виду хрупкой, но, как понимаю, пуленепробиваемой и вряд ли такую просадишь даже топором.

Когда выкатили на дорогу, я посмотрел по сторонам.

— Едем не в ЦРУ?

Он ответил с замедлением:

— Нет. У нас решили не привлекать к вашему визиту внимания.

— Да, я мелкая сошка, — заметил я скромно.

Он кивнул.

— Дело не в этом. Как вы знаете, любого входящего и выходящего из здания наши противники тайно снимают с дальнего расстояния, вносят в базы, заводят досье. Потому, чтобы затруднить им действия, в здание ЦРУ нередко привлекают совсем посторонних людей, пусть над их фото ломают головы команды спецслужб других стран. А своим встречи назначают только на конспиративных квартирах...

— ...которые постоянно меняются?

— Верно.

— Так мы на конспиративную?

Он покачал головой.

— В Пентагон.

Я тоже умолк, никому в мире объяснять не надо, что такое Пентагон. Это такое же олицетворение, как Кремль или Москва, хотя Пентагон — всего лишь здание в форме пятиугольника, потому и пентагон, а Кремль всего лишь здание в виде кремля, каких немало по России, как тот же Ростовский кремль, Белгородский и прочие-прочие.

В Пентагоне утеснилось Министерство обороны Штатов, но американцы привыкли все сокращать и упрощать, потому Пентагон — это все, что относится к военным, а Кремль — это все тоталитарное и антидемократическое.

Да, так им жить проще, американцы — очень простая нация. А прогресс двигают либо понаехавшие иностранцы, либо редкие уникалы вроде

гениального Маска, который вообще-то понаехавший тоже... К счастью для земной цивилизации даже одного человека бывает достаточно, чтобы приподнять весь наш биологический вид на ступеньку выше.

Пентагон не в Вашингтоне, как считается, а в городке Арлингтон, хотя и недалеко от Вашингтона.

Я не смотрел по сторонам, Штаты не Европа, архитектурой не блещут, здесь конек хай-тек, где они впереди планеты всей, а такое не всегда заметно из окна автомобиля.

Джон, который Арнольд, с любопытством поглядывает на меня, лицо простецки американское, наконец вежливо поинтересовался:

— Как вам Штаты? Вы увидите, у нас очень богатые музеи. Даже богаче, чем в Европе.

— Если честно, — сказал я, — мне все эти музеи до задницы.

Он охнул.

— Что так?

— В музеях, — пояснил я, — только старый хлам, который простой народ послушно считает чем-то ценным. Но когда спрашиваешь, чем же ценный, начинает мямлить что-то про историю, в которой тоже ни уха ни рыла.

— Гм, — сказал он в затруднении, — а я хотел побахвалиться нашей культуркой...

— Она вся в хай-теке, — ответил я. — Здесь вы лучшие, а весь мир смотрит с надеждой и завистью. Вам есть чем хвалиться, не оглядываясь на старый Запад.

Он чуть приободрился, хотя и выглядит малость сконфуженным. В Сети я ничего не нашел о нем, что и понятно, хоть и самая мелкая сошка,

но все же цэрэушник, потому все личные данные в файлах ЦРУ, а там у них своя сеть, изолированная от глобального Интернета.

Вскоре впереди показалось самое крупное, даже крупнейшее офисное здание в мире. Работают там, как сказано в справочниках, тридцать тысяч человек, хотя сколько на самом деле и сколько из них действительно работает, не знает и сам министр обороны.

Зато несколько тысяч абсолютных бездельников, устроенных туда по протекции родни, говорят многозначительно и с гордостью, дескать, работаю в Пентагоне, и тут же умолкают, пусть додумывают остальное. Не признаваться же самим, что разносят бумаги по почти тридцатикилометровому коридору.

Работу сканеров я ощутил еще задолго до момента, когда мог бы представлять для Пентагона угрозу. Редкие прохожие, что идут мимо в поле зрения сканера, на отвратительное мрачное здание внимание не обращают, всего пять этажей, высота двадцать три с половиной метра, на небоскреб не тянет точно, и не важно, сколько там этажей вглубь, в счет идет только то, чем можно ткнуть соседа в глаза.

Джон с некоторым запозданием ответил на запрос «свой—чужой», хотя чего это я придираюсь, он не чувствует излучение радара, это я сразу уловил сигнал опознавателя, а Джон еще и потому не спешит, что мы далеко, к тому же знает, и после ответа все равно следящая аппаратура не отпустит, проведет до стоянки, где тут же, едва выйдем из автомобиля, тщательно обмерит с головы до ног и пошлет данные на сервер.

Думаю, по прибытии мы еще не успели отойти от автомобиля и на шаг, как в базах данных

быстро и с маниакальной подозрительностью, что с компьютеров возьмешь, сличили все-все, что только можно засечь при визуальном осмотре, но пока ничего подозрительного, хотя, понятно, слежка за нами будет продолжена и в самом здании.

— Нам в левое крыло, — сказал Джон. — Так ближе.

Я поинтересовался:

— Это в него засадили самолет романтики из Саудовской Аравии, вашей самой дружественной страны?

Его лицо мгновенно дежурно омрачилось, произнес торжественно и почти перешел на церемониальный шаг.

— Да, здесь помещалось командование Военно-морских сил. Здание рухнуло почти целиком.

— Ну, не совсем, — уточнил я, — только часть...

— Погибло сто двадцать пять человек, — сказал он трубно, — не считая шестидесяти четырех пассажиров авиалайнера.

Я сказал успокаивающе:

— Вы правы, чего их считать. Так, побочные потери, хоть и американцы, а не какие-то шведы. А своих сотрудников, да, жалко.

Он бросил на меня растерянный взгляд.

— Здание восстановили, но теперь в этом крыле создан мемориал в память погибших наших сотрудников и пассажиров самолета.

— И пассажирам? — переспросил я.

Он кивнул, сказал уже по-американски деловым голосом:

— Ну да, а чего им отдельно? Общий дешевле.

— Всего-то пару слов на доске дописать, — согласился я. — Ваша нация умеет деньги считать.

Немцы, принеся свое протестантство, сделали этот народ великим.

Он, судя по его лицу, не понял, при чем тут какие-то немцы и какое-то протестантство, если он по штату гей, и сказал с той же надлежащей торжественностью:

— А возле здания построен мемориал, как вы могли заметить...

— Еще бы такой не заметить, — сказал я.

— ...в виде парка со ста восьмьюдесятью четырьмя скамейками. Все торжественно обращены лицом к зданию, где погибли... Люди погибли, не скамейки, а то все из Европы придиричivéе.

— Прекрасный парк, — согласился я. — Только не понял, почему сто восемьдесят четыре, если погибли сто двадцать пять ваших и шестьдесят четыре каких-то там никому не нужных пассажиров?

Он спросил испуганно:

— А сколько должно быть?

Я отмахнулся.

— Наверное, плохо считаю. Или это военная тайна. Все-таки Пентагон — не какая-то никому не нужная Лига Наций. Или ООН. А то и вовсе, стыдно выговорить, МАГАТЭ.

— Видимо, да, — сказал он с облегчением.

— Здесь все строго, — согласился я.

— Очень!

— Хотя военный министр почему-то гражданский.

Он на миг запнулся.

— Наверное, это с чем-то связано...

— Половой ориентацией, — предположил я. — Военные все-таки военные, а гражданские как бы гражданские... Гражданские всегда злее.

Он спросил нерешительно:

— Это результаты опросов?

— Психологии, — пояснил я. — Не им же воевать, это военные все предпочли бы миром, чтобы служить и не воевать. Жалованье у ваших военных такое, что лауреаты нобелевских премий завидуют!

— А какая отдача от лауреатов? — спросил он. — Военные одним своим видом и высоким жалованьем страну защищают.

Я кивнул на большую группу разношерстных людей у главного входа.

— Туристы?

— Да, — ответил он, — нам придется пройти с ними, чтобы не привлекать внимания.

Я кивнул, хорошая мера предосторожности, в Пентагон прут экскурсии за экскурсиями со всех концов страны и мира. Шпионы разорятся снимать всех входящих, вносить в базы, а потом долго и тщательно сверять портреты и прочие антропологические параметры, пытаясь установить, кто из них шпионнее.

На входе снова охрана, но больше декоративная, слишком мундирные, рослые и красивые. Явно наняли из службы эскорта знатных дам, одели в мундиры и велели стоять у входа со значительными лицами.

Здесь, как и везде, главное — сканеры и следящие за мимикой камеры. Мы прошли мимо неподвижных часовых, этих красавцев и тех, что дальше в коридоре, но и те тоже для красоты и значимости, настоящие стражи теперь везде незримы.

На нас никто и не взглянул, народу как муравьев, вот куда уходят деньги налогоплательщиков, да и наши тоже, доллары покупаем за рубли, поддерживая их проклятую валюту... которая на

самом деле вообще-то нужна всем, но как не побурчать, это же чуть ли не единственное право, что осталось в странах свободной демократии.

— Нам сюда, — сказал Джон. — Не отставайте.

Мы сдвинулись за колонну в каком-то стиле, а там по коридору, где охранник кивнул ему молча, свернули за угол, лифт тут же приглашающе распахнул блестящие створки.

В кабинке Джон сказал успокаивающе:

— Это недолго. Здание спроектировано так, что в самый дальний уголок можно попасть за семь минут.

— Но мы идем не в самый дальний?

Он широко, по-американски улыбнулся.

— Прибудем через две минуты!.. Хотя длина коридоров тридцать километров.

— Ого, — сказал я, — а я слышал, только двадцать восемь.

Он смутился только на долю секунды, сказал почти с российской беспечностью:

— Просто округлил. Мы же американцы, а не какие-то немцы.

— Где встреча? — поинтересовался я. — В надземных или подземных этажах?

Он снова улыбнулся.

— Что вы, какие подземные?.. На самом верху! Можно сказать, пентхаус. Кстати, мы ехали долго, показать вам туалет по дороге?

— Который для белых, — поинтересовался я, — или для черных?

Он натянуто улыбнулся.

— Сейчас это уже несущественно. Хотя, чтобы показывать свою мультикультурность, белые сотрудники Пентагона все чаще предпочитают демонстративно посещать туалет для черных.

— И как?

Он кивнул.

— Вы правы, малость раздражают работающих здесь афроамериканцев.

Мы прошли молча мимо ближайших туалетов, их здесь вдвое больше, чем полагается на тридцать тысяч человек, туалеты для белых и черных при строительстве Пентагона располагали отдельно.

— Жаль, — сказал я невинно, — что президент Рузвельт всей своей властью сумел запретить вешать таблички «Для белых», «Для черных». По стране они у вас еще висели двадцать лет!

Он дернулся, посмотрел с неуверенностью.

— Почему... жаль?

— Могли бы показывать туристам, — сказал я, — как пример того, как много ваша страна сделала, чтобы уничтожить неравенство. У вас даже президентом побывал негр, половина программистов негры, и вообще негры, судя по фильмам и сериалам, самые умные и рулят во всем. В Америке и Зимбабве.

Он сказал неуверенно:

— У нас говорят «афроамериканцы».

— А я не подданный вашего президента, — напомнил я. — Так что завидуйте нашей свободе слова молча.

Мы прошли мимо двух десятков дверей, наконец он сказал бодро:

— Сюда, в этот зал.

— Там отдел ЦРУ? — спросил я шепотом.

Он покачал головой.

— Нет, просто даже местные не должны знать, кто вы и к кому прибыли.

Он распахнул передо мной, как перед королем, двери. Из помещения пахло величием,

словно я попал в зал для приемов важных дипломатов времен королевы Екатерины.

В комнате прохаживаются вдоль стены с дисплеями от пола и до потолка вельможи, это первое и самое сильное впечатление, хотя почти у всех на плечах четырехзвездные погоны.

В нашу сторону покосились только двое, остальные занимаются обсуждением, судя по их виду, как распорядиться с этой мелковатой для их замыслов вселенной.

Джон кивнул этим двоим, они быстро подошли, Джон сказал негромко:

— Я доставил вашего гостя, сэр Чарльз.

Тот, к кому он обращался, сказал отрывисто:

— Спасибо, Джон. Можете идти.

Джон поклонился и незаметно вышел в коридор, а сэр Чарльз протянул руку.

— Чарльз Карпентер, младший агент. А это мой коллега Грег Робинсон.

Грег тоже протянул мне руку и сказал тихо:

— Уходим.

Ладонь его горячая и крепкая, будто из хорошо просушенного дуба, и, продолжая пожимать мои пальцы, вывел меня в коридор и, похлопывая по плечу, указал взглядом на дверь наискось напротив чуть дальше.

Глава 3

Мне показалось, что даже здесь, в коридорах Пентагона, оба стараются не привлекать к себе внимания и, только переступив порог, почувствовали себя свободнее. Хотя, как вижу, никаких глушилок, наблюдение за нами ведется в обыч-

ном режиме. Вернее, запись, которую по необходимости можно просмотреть позже.

Комната представляет собой скудно обставленный рабочий кабинет, один-единственный стол, четыре экрана: один на столе и три на стене, полдюжины стульев.

У стены двое немолодых бывалых парней, а из-за стола поднялся плечистый и крепкий мужчина с квадратной челюстью, протянул мне руку.

— Дуайт Харднетт, — назвался он. — Старший агент. Нас предупредили, что вы с неофициальным визитом, что хорошо, так что все будет быстрее и проще. Позвольте представить моих коллег... Грант Чарльстон и Крис Дейли, агенты по особым поручениям.

Я пожал обоим руки, за моей спиной молча стоят Чарльз Карпентер и Грег Робинсон, что всего лишь младшие агенты. Они с Грантом и Крисом обменялись кивками, я сказал вежливое:

— Очень приятно, коллеги.

Дуайт сказал отрывисто:

— Прошу садиться. Мистер Лавроноф...

Я чуть сдвинул предложенный мне стул, чтобы обозначить свое личное пространство, но остался стоять, обвел их взглядом. Все пятеро смотрят внимательно и ожидающе.

Понятно, встреча проходит в абсолютно секретном режиме, хотя, конечно, все пишется в высоком разрешении, чтобы специалисты проанализировали и мою мимику, а не только слова и жесты.

— Коллеги, — сказал я, — а также друзья, так как у нас один враг, и, чем плотнее будем сотрудничать, тем быстрее с ним покончим. Я имею в виду не только простой терроризм...

Крис Дэйли уточнил:

— Что вы называете простым?

— При котором страдают посетители кафе или школ, — ответил я. — Даже Одиннадцатое сентября, как ни покажется вам кощунственным, простой терроризм в сравнении с Тем, когда под угрозой не школа или стадион, даже полный зрителей, а существование всего человечества.

По их лицам увидел, уже работают над этой проблемой, но пока больше в плане обсуждения и недопущения, ясно, издержки болтливой демократии.

Дуайт Харднетт сказал быстро:

— Ваши предложения?

— Есть, — ответил я. — И очень серьезные. Позвольте, сделаю первый шаг к сотрудничеству и поделюсь информацией. Помимо множества угроз в различных точках мира, мы обнаружили на территории вашей страны несколько мест, из которых идет явная и неприкрытая опасность.

Дуайт сказал с легкой улыбкой:

— Поделитесь с нами, коллега, что же происходит в нашей стране, чего мы не знаем...

— И о чем ГРУ знает лучше, — добавил Крис с откровенной насмешкой.

— Охотно, — ответил я. — Охотно. Как вы знаете, как бы мы ни расходились в выборе дорог к будущему, но расхождения наши не так велики, как могут показаться простому обывателю, которого журналисты пичкают страшилками во имя поддержания тиражей и рейтингов. Мы кровно заинтересованы, чтобы Штаты усиливались и продолжали свой победный путь к прогрессу... Потому вот первая угроза...

Я вытащил из кармана флешку.

— Обратите внимание, как умело в горах группа фанатиков ведет работы над бактериологическим оружием нового поколения. К сожалению, они близки к завершению работы. У вас здесь, надеюсь, сеть локальная и нет выхода в Интернет? Прекрасно. Просмотрите, там карта и все данные.

Крис взял ее из моей руки так, словно я передаю гранату с выдернутой чекой, тут же сунул Грегу Робинсону.

— Возьмите и проверьте.

Дуайт сказал мне с извиняющейся улыбкой:

— Простите, мистер Лавроноф, наши специалисты сперва посмотрят, не подцепился ли по дороге какой-нибудь вирус... хе-хе. Вдруг простуда...

Я кивнул.

— Да, нормально. Продолжаю. Также на флешке под номером два указана база неких крутых ребят, что разрабатывают вирус короткого срока действия. Как я понимаю, это не в интересах Америки. И остального мира тоже. И, как я уверен, они сумели скрыться от любых наблюдающих органов.

Дуайт спросил с интересом:

— От нас сумели, а от вас нет? Любопытно.

— Все на флешке, — напомнил я кротко. — Мне нравится ваш оптимизм. Надеюсь, вы не растеряете его, когда ознакомитесь с предоставленными вам данными.

Он напомнил:

— А третья угроза?

Я ответил с неохотой:

— Третья угрозу миру не представляет, разве что опосредованно, а вот Штатам вред нанести может немалый. Нет, вообще-то малый, если смотреть в масштабах страны. Что такое для трех-

сотмиллионных Штатов потеря даже Нью-Йорка с его двенадцатью миллионами? А я уверен, целю будет город помельче...

Они помрачнели, я читал в их лицах, как в открытой книге, что угрозы миру — это серьезно, но куда серьезнее угроза Соединенным Штатам, потому что это и есть мир, его ось, его мозг и сердце. Угроза их стране намного серьезнее, чем гибель двух-трех миллиардов человек на другой стороне планеты.

Дуайт сказал несколько напряженным голосом:

— Думаю, вы привезли нам не пустышку. Большое спасибо за предоставленную ценную информацию.

— За ценнейшую, — уточнил Крис, не отрывая взгляда от дисплея. — Судя по всему, те ублюдки продвинулись достаточно далеко. Образцы уже готовы, осталось только сделать небольшой запас, чтобы запустить сразу с разных концов страны!

— Значит, — сказал я, — вирус быстро мутирует? И вскоре потерял бы смертоносные свойства?.. Да, это знакомо. В этом опасность безобидных вирусов, но и хорошее в опасных. Надеюсь, меры будут приняты...

Он кивнул.

— Сегодня же их арестуют, а туда нагонят специалистов. Пусть все осмотрят, проверят и перепроверят, опишут, а мы подумаем, какие принять меры предосторожности на дальнейшее... А что насчет третьей опасной точки?

Я вздохнул.

— Мне очень неловко о таком говорить, потому что как бы косвенно наша вина, но мы спешим предупредить вас, чтобы вы успели принять

меры. В общем, помните то недавнее подводное землетрясение у Атлантического побережья?

Он кивнул, глаза стали настороженными.

— Да. На берегу, к счастью, разрушений было немного, людских жертв нет, всех предупредили своевременно, спасатели проверили, чтобы народ покинул опасную зону.

— Прекрасно, — сказал я. — Это землетрясение, к сожалению, затронуло одну из глубоководных мин.

Дуайт спросил в недоумении:

— Мин?.. Каких мин... О господи, вы о ваших русских минах?

— Увы, да.

Он вздрогнул, посмотрел на мое лицо и спросил почти шепотом:

— Ядерных?

— Да, — ответил я с неловкостью. — Вы же знаете, наша экономика всегда была слабее вашей. Содержать равную вашей армию для нас слишком тяжело, потому и прибегали к асимметричным ответам... Да и сейчас прибегаем.

Он вскрикнул:

— Но тот жуткий план академика Сахарова так и не осуществили!

— Совершенно верно, — согласился я. — Наши военные называли его слишком кровавым и отказались в таком участвовать.

Он перевел дыхание.

— Слава богу! А то я уже подумал...

— И не зря подумали, — подтвердил я. — Через тридцать лет, когда Советский Союз перестал существовать, все атомные боезаряды были вывезены с Украины в Россию. Наши военные, а если быть точнее, военная разведка, приняли меры,

чтобы значительную часть зарядов упрятать достаточно надежно. Когда безжалостно резали на металлолом наши военные самолеты, в том числе новейшие бомбардировщики и истребители, эти заряды удалось сохранить. Помимо тех, которые по договору оставались на вооружении армии.

Он покачал головой.

— Это ужасно...

— Совершенно согласен, — сказал я. — Они бы так и остались в подземных хранилищах, однако НАТО начал поспешно придвигаться к границам России и окружать ее военными базами. Наши силовые структуры заволновались...

— Неужели вы тогда...

Я с горестным видом развел дланями, подумал и еще пожал плечами, это же американцы, им нужны жесты подступнее.

— А вы бы поступили иначе?.. Да, к тому времени за эти сорок лет были разработаны куда более мощные средства доставки. Да и сама конструкция глубоководных мин, сами знаете, усовершенствована по самые эти штуки. А неучтенные ядерные заряды очень даже пригодились для начинки этих мин.

Он ухватился за голову, остальные застыли, как сосульки в Антарктиде. Я прекрасно понимал их состояние, мины всегда головная боль наступающей стороны. Чрезвычайная простота конструкции, легкость изготовления и эксплуатации, а цена в сотни раз ниже, чем у тех же противокорабельных ракет.

— И сколько зарядов?

— Не знаю, — ответил я честно. — Я же совсем по другому вопросу. Землетрясение случилось как раз там, где закопалась одна из мин. Ее выбро-

сило на поверхность, а сильная волна погнала к берегу, где вот-вот выбросит то ли в безлюдном месте, то ли на пляж.

— Господи!

— Плохо будет, если первыми наткнутся как раз мародеры. А так все хорошо, пляжникам даже весело. Девочки будут делать селфи.

Младшие и специальные молчат, соблюдая субординацию, а Дуайт выругался:

— Эти мародерные сволочи всегда появляются раньше спасателей.

— Что делать, — сказал я. — Американцы не исключение... Поторопитесь.

Он проглотил обидный намек, из-за таких мародеров национальная гвардия получила приказ стрелять на поражение после любого урагана или цунами, обрушившегося на побережье.

Грег спросил напряженным голосом:

— Насколько это...

— Опасно? — договорил я. — Абсолютно безопасно. Никакого взрыва не будет! Это исключено.

Он поинтересовался быстро:

— Где именно мина может оказаться?

— Дайте карту восточного побережья, — попросил я.

Он протянул планшет, карта появилась красочная, четкая. С указанием всех баров на берегу, пабов и десятка борделей.

Я указал пальцем.

— Вот в этом месте. Возможно, уже выбросило. Потому поторопитесь. После того подводного землетрясения на берегу смыло только забытые шезлонги, туда снова хлынул народ. Как мне кажется.

Дуайт отошел в дальний угол кабинета и что-то нашептывал во встроенный в воротник микро-

фон. Остальные смотрели на меня отчаянными и одновременно злыми глазами.

Робинсон тихонько охнул.

— А что, если...

— Взрыва не будет, — повторил я поспешно. — Там такие меры предосторожности... чтобы не взорвалась раньше времени, безопасность полнейшая!

Дуайт, закончив разговор, нажал пуговицу на воротнике, голос его прозвучал резко и отрывисто:

— Бригаду к вылету!.. Готовность нулевая, вылет немедленно... Инструкции получите в полете... Мистер Лавроноф, какое-то спецоборудование понадобится?

— Никакого, — заверил я. — Разве что поднять в вертолет или в автомобиль, вручную будет тяжело. Так что домкрат или погрузчик...

— А противорадиационные костюмы?

— Не нужно, — ответил я. — Если бы радиация выделялась, эти мины легко бы обнаружили под толщей морского дна. Так что меры были приняты еще на стадии конструирования.

— А повредить?

— Исключено, — заверил я. — Корпус из таких сплавов, что термоядерным взрывом, да и то изнутри только.

— Мина из новых?

— Одна из самых старых мин, — сообщил я. — Сама по себе взорваться не может даже при землетрясении! А остальные девяносто процентов закладок практически все сконструированы по новейшим технологиями. Компактнее и гораздо более мощные.

Он задал уже скорее дежурный вопрос:

— Перехват?

— Аналоговые системы, — заверил я. — Прimitивно, особенно в наше цифровое время, зато перехват управления абсолютно исключается.

Он кивнул.

— Да-да, это я зря. Простите...

Он отошел в сторону и, активировав пуговичку микрофона на рубашке, говорил и совещался долго, а мы с Чарльзом и Греггом обсуждали перспективы сотрудничества в области противодействия мировым угрозам, но оба отвечают как-то бледно и растерянно, хотя информацией владеют, заметно, кое-какие работы у них ведутся, причем широкой сетью и по всей стране, чего не скажешь про нашу.

За это время я еще раз пробежался по всей их Сети, просмотрел все блоки и порывлся в суперкомпьютере, установленном в самом нижнем зале, нам бы такой. Вот куда идут наши рубли, когда покупаем доллары. И чем больше купим, тем больше напечатают взамен.

С того момента как я переступил порог, добавилась пара терабайт достаточно ценной информации, я и ее скопировал и забросил в свое личное и в самом деле защищенное хранилище в облаке.

Оба вздохнули с облегчением, когда Дуайт закончил разговор, во время которого пару раз вытягивался в струнку и чуть ли не отдавал рукой честь.

— Мистер Лавроноф, — сказал он быстро, — мы прервемся с обсуждением в связи, как вы понимаете, в связи с чрезвычайной ситуацией...

— Да, — ответил я легко, — да, пожалуйста.

— А за это время, — уточнил он поспешно, — подготовимся к обсуждению глобальных рисков

получше. Младший агент Арнольд отвезет вас в отель.

Я поклонился.

— Рад. Спасибо. Понимаю, вам сейчас не до глобальных катастроф, когда есть риск, как вы полагаете, вашему побережью.

— Мистер Лавроноф...

— Но вы убедитесь, — договорил я, — что все под контролем, и, успокоившись, вернетесь к нашим более важным делам.

— О, я уверен!

— Буду готов, — сказал я, — как и сейчас. Спасибо.

В коридоре уже ждет, как прилипший к стене, Джон Арнольд. Лицо его засияло счастьем, едва я вышел из кабинета.

— Ну и долго же вы!.. А русские же ленивые, для них и пятиминутный разговор в тягость, верно?

— А вы попробуйте выговорить по-русски «Берег был покрыт выкарабкивающимися лягушками», — предложил я доброжелательно, — и увидим, кто не способен даже длинные имена и фамилии запоминать, всегда укорачивает.

Он широко улыбнулся, подача принята, сказал бодро:

— Пойдемте, мы забронировали номер в отеле неподалеку.

— А бар там есть?

Он охнул шокированный:

— Мы что, не американцы?

— Тогда и блек-джек со шлюхами?

Он улыбнулся шире.

— Какой же отель без этих радостей?.. Не русские, поди, это у вас в каждой гостинице церковь и толстый поп с кадилом.

— И толстые диаконы, — подтвердил я. — Правда, монашки обычно готовы насчет самых разных услуг... Ваша культурка и туда добралась.

Он подумал, кивнул.

— Да, так даже интереснее. Кто бы подумал, русские тоже могут развлекаться? А я думал, вы только цитатник Мао разучиваете.

— Цитатник Мао сейчас в Чайна-таунах разучивают, — сказал я зловеще. — Говорят, китайцев в Америке уже почти половина?

Он отмахнулся.

— Если считать с мексиканцами.

— А с неграми две трети?

Он ответил уже серьезно:

— С афроамериканцами никогда не договорятся! Там почти все мусульмане.

— Они за ИГИЛ?

— Что делать, — ответил он с вытянувшимся лицом, — это какое-то сумасшествие. Хорошо, хоть пока не все разом.

— Молодцы, — одобрил я. — Разделяй и властвуй.

Глава 4

Автомобиль по взмаху его руки осторожно порулил навстречу. Мы перехватили его на полпути, Джон сел за руль, а когда я опустил на сиденье рядом и пристегнулся, погнал красиво и уверенно, чуточку рисуясь совсем не американской лихостью, это чтоб русский чувствовал себя как дома.

Отель сравнительно недалеко, немцы строят все расчетливо, у них Пентагон и ЦРУ вообще

в разных городах, но когда от Пентагона до ЦРУ рукой подать, как и до Вашингтона, то понимаешь, какой рациональный народ они выковали на основе своей протестантской этики труда.

Автомобиль понесся, плавно снижая скорость, к массивному зданию в неоколониальном стиле. Сейчас это снова входит в моду, ностальгия, население стремительно стареет, хоть и живет дольше.

Фасады домов справа и слева как будто из старых фильмов, а внутри, понятно, все напичкано такой техникой, что даже в Японии не снилось.

— Достойный отель, — сказал Арнольд ободряюще.

— Я не капризный, — заверил я.

Он коротко усмехнулся.

— А урон авторитету?

— Я прибыл неавторитетно, — напомнил я. — Так, турист...

— Ну да, — согласился он. — Мы все туристы. Даже в своей стране.

— Романтично, — заметил я.

Он посмотрел с интересом.

— И вам тоже? А мне вот уже иногда, но только иногда... уже начинает казаться, что нужно как-то без романтики, хотя работа все-таки сама по себе как бы вот да...

— Без романтики жить грустно, — ответил я. — Мужчина должен быть романтиком. Это женщинам нельзя, романтическая женщина просто дурочка, как Ассоль какая-то...

Он не спросил, кто такая Ассоль, в Штатах чем актриса выглядит глупее, тем популярнее, потому во всем мире запоминают только штатовских актрис.

У входа неизбежные сканеры, в Америке каждый дом живет как осажденная крепость в чужой стране. Однако молодцы, даже это ставят себе в заслугу: дескать, у нас демократия с человеческим лицом, мы только защищаемся, никого не репресслируем, у нас свобода и пропаганда ненасилия.

Фойе залито светом, хотя в широкие окна бьется яркое солнце, в этом американцы особенно хороши, люблю яркий свет, он отгоняет хмурое настроение и делает мир праздничнее.

Портье взглянул на Арнольда и молча протянул мне цветную карточку электронного ключа.

— Вэлкам, — сказал он с по-американски настолько широкой улыбкой, что только марсианам разве что не покажется фальшивой. — Надеюсь, вам у нас понравится.

— Уже в восторге, — заверил я. — Страна великих возможностей! Всяких, разных.

Арнольд дружески подхватил меня под локоть и уверенно повел к стене с одинаково блистающими дверьми кабинок лифта.

На моем этаже он остановился сбоку, когда я открыл дверь и переступил порог, словно прикрывает от нападения со спины, затем вошел следом.

— Ого! — сказал я. — Мне что, выделили президентский номер?

Он ответил довольно:

— Что вы!.. Наш президент падает и спит там же, где и работает! Не выходя из Белого дома.

— А для всяких-разных? — поинтересовался я. — Встреч с мониками?

Он ответил с той же откровенной улыбкой:

— С Моникой президент сексуалил прямо в Овальном кабинете, не отрываясь от подписывания важных договоров.

— Наверное, с Россией, — предположил я. — Чтобы хоть как-то скрасить день... Дремучее было время, верно? Теперь президента никто не осуждает, что впендюривает всем своим помощникам, секретаршам и даже секретарям, чтобы не обвинили в сексуальном неравенстве.

— Правда, — спросил он с удовольствием, — хорошее время наступило?

— Время свобод, — согласился я. — Истинных американских свобод!

Он с удовольствием огляделся.

— Сюда какую женщину ни приведи, от порога начнет раздеваться!..

— Надеюсь, — пробормотал я.

— Ладно, — сказал он благодушно, — обживайтесь. Завтра за вами пришлют машину.

— В котором часу?

— В десять утра, — сообщил он и добавил: — если это вас устроит. Вы же все русские спите долго...

— Так то в берлогах, — возразил я, — а в таком отеле разве уснешь?

— Да, — согласился он, — здесь такой персонал... До завтра!

Я закрыл за ним дверь и еще раз огляделся. Номер шикарен, но по Арнольду видно, как наше привычное мышление не поспевает за переменами.

Женщины теперь в любом номере сразу же начинают раздеваться или хотя бы задирают платье для быстрого и необременительного секса, как и в коридоре, лифте, туалете, кустах, автобус-

ной остановке и везде-везде, даже на движущемся эскалаторе метро, супермаркета или подземной парковки.

В желудке требовательно квакнуло. Время ужина, моему организму не нужна напоминка в часах, когда мне есть, когда пить, а когда опорожнять мочевой пузырь.

Дверь захлопнулась легко, но я уже оценил ее сложный замок и систему сигнализации. Если кто-то попытается сунуть отмычку, в комнате охраны тут же раздастся сигнал тревоги, и сюда примчится военизированная охрана.

Ресторан в нижнем зале прост, американцы все-таки пуританская нация, стремление к чрезмерной роскоши привносят иностранцы и понаехавшие, но и у тех оно постепенно подавляется. Не за богатство человек заслуживает уважение, а за то, как им распоряжается, себе в скотское удовольствие или на благо обществу.

Половина мест свободна, так что метрдотель, чтобы отыскивал, куда меня посадить, не понадобился. Я выбрал столик у окна, вряд ли кто-то возьмет меня на мушку из вон того здания через площадь.

Еще не успел опустить задницу в удобное пластмассовое кресло, явно полученное целиком из тридэшного принтера, как весело простучали женские каблучки.

Быстро подошла молоденькая официантка, миловидная, с живыми озорными глазами и удивительно ладной фигуркой. Чувствуется, что и сама себе нравится, легкая и быстрая, у таких все всегда получается, у них запас жизнелюбия и стойкости повышен, чтобы уж точно не сдаться в этой трудной жизни.

— Сэр?

Я взял меню из ее руки, она чуть игриво придержала, чтобы я еще раз взглянул в ее лицо и обратил внимание на вырез блузки, где кокетливо приподнимаются белые холмики, незатронутые вульгарным загаром.

— Ого, — сказал я, — как много всего. Слишкомногабуков, как говорят истинные американцы, что впадают в тоску от длинных слов. Взгляни на меня и сама определи, что мне принести.

Она с улыбкой смотрела, как я закрыл папку с листками меню и отложил на край стола.

— Желудок в порядке?

— И все остальное, — заверил я.

— Хорошо, — ответила она с вызовом, — тогда не жалуйтесь!

— С трепетом жду.

Она еще раз взглянула оценивающе, а эти существа с пеленок уже опытные женщины, улыбнулась и быстро пошла в сторону кухни, такая же легкая, подтянутая, в туго облегающей, даже обтягивающей юбчонке, где ягодички просвечивают так, будто юбка из промасленной бумаги.

Я прикидывал, как повернется дальше. Когда мину отыщут, специалисты тут же определяют, что взрыв такой одной-единственной в нужном месте может вызвать цунами, что снесет с побережья город или хотя бы городок и надолго уничтожит пляжи.

А если сложить взрывы десятка таких мин, ущерб не в десять раз больше, как сочтет малограмотный, а в сотни, взаимодействие никто не отменял, все прибрежные города могут и будут сметены.

Сотни ядерных мин заложены не для того, чтобы подстраховаться, а чтобы волна пошла дальше побережья...

Снова весело и задорно простучали каблочки, словно копытца молодого олененка. Я вскинул голову, официантка идет к моему столику, держа в обеих руках широкий поднос с горкой жареного мяса, как показалось издали.

Когда опустила поднос на край стола и принялась переставлять тарелки, я рассмотрел коричневую тушку зажаренного молодого гуся, приправы в крохотных емкостях.

— Африканский карликовый гусь, — сказала она победно. — Выращен специально для ресторанов.

— Чтобы сожрать в одиночку? — догадался я.

— Именно, — подтвердила она. — Нежнее нежного.

— Вообще-то у меня зубы в порядке, — сообщил я, — даже тебя сумел бы укусить за попку, хотя она выглядит, как тугой шар для боулинга.

— Ой, — сказала она опасливо, — как один?

— Как два, — заверил я. — Зато какие!.. А это соус или что-то вообще ужасное?

— Попробуйте, — сказала она заговорщицки. — Даже вегетарианцев не удастся оттащить за уши!

— Рискну, — сказал я. — Если что не так, страдают ваши нежные розовые ушки! Или попка.

Она ушла с дустым подносом, весело посмеиваясь, а я вонзил острие ножа в горячую тушку с блестящей коричневой кожей. В трещине запузырился сладкий сок, пахнуло обжигающим ароматом.

— Здесь умеют покушать, — пробормотал я. — А что еще надо демократам?.. Поестъ всласть, выпить, подмять жену соседа... Хорошо бы еще и дочку для полноты счастья и американской мечты...

Вся стена слева отдана под грандиозно оформленный бар, глаза разбегаются от величайшего множества вин, коньяков, виски, рома и прочей хрени, которой травит себя человек, потому что все равно помирать, так какая разница: прожить восемьдесят лет, отказывая себе в таких чудесных излишествах, или же семьдесят, не отказывая себе ни в чем?

Ничего, подумал я с некоторым злорадством, вот у вас начнется ломка, когда вдруг дойдет, что с этими излишествами точно не доживете до эры бессмертия, а вот при полном воздержании и правильной диете шансы очень большие на то, чтобы обрести вечную жизнь...

У бара на высоких стульях сидят молодые и не очень женщины, любительницы одноразового секса с незнакомцами, все хотя бы по разу посмотрели в мою сторону, некоторые начали вытягивать ноги, барные стулья позволяют показывать их во всей красе, другие зазывно улыбались.

Я не стал ждать, когда какая-то подойдет и деловито предложит потрахаться, допил апельсиновый сок и, оставив деньги на столе, отправился в свой номер.

В мозгу сталкиваются, вышибая искры, невеселые мысли насчет того, что с террористами бороться не так уж просто даже при всей мощи государственного аппарата. Это только кажется, что здесь неиссякаемая ресурсная база, милли-

оны кадров, готовых выполнить любое задание, а там у противника горстка сумасшедших фанатиков.

На самом деле у них своя разведка, зачастую не уступающая нашим западным, а во-вторых, очень часто ее пополняют по самым разным причинам бывшие наши кадры из силовых структур.

Одни обижены на медленное продвижение по службе, другие где-то проворовались или превысили полномочия, третьим вдруг халифат начал больше нравиться по идейным соображениям, у четвертых и пятых какие-то еще мотивы, но факт в том, что эти перебежчики из западных спецслужб, элитных частей, спецназа, бывшие морпехи и командос привносят западный опыт, умения, знания и особенности, берутся натаскивать местных, а вот перебежчиков в обратную сторону что-то не наблюдается.

Конечно, двойных агентов вербуем, но это на местах, однако ни в КГБ, ни в ЦРУ нет перебежавших из халифата кадровых разведчиков. Все то же самое, что и в столкновении конфессий: ислам победно наступает по всему миру, в том числе и в твердыне христианства — Европе, одни христиане постоянно отступают, другие еще и принимают веру пророка.

В дверь постучали, я прислушался, а когда посмотрел в коридор через камеру, перед моим номером стоит официантка из нижнего зала.

Я торопливо распахнул, изобразил на лице изумление.

— О, как здорово!.. А я только что о тебе подумал!

— В какой позе? — спросила она.

— Да ладно, — ответил я, — ничего необычного. Ты же видишь, я прост, как рыба без специй.

Она засмеялась.

— Это хорошо, от сложностей можно устать. Я тоже простая... Как догадалась прийти? Да видела, как ты смотрел. До сих пор твои ладони везде чувствую.

— Да ладно, — возразил я. — Так уж и везде. Пятки вроде бы не трогал...

— А почему до сих пор щекотно?

Отшучиваясь, она сбросила блузку, открыв крепкие молодые груди, небольшие, но с широкими розовыми ореолами вокруг бодро и весело торчащих сосков.

Я протянул руки, собираясь помочь ей расстаться с юбчонкой, но она избавилась от нее в одно мгновение и охотно пришла в мои горячие ладони.

Она еще подросток, мелькнула мысль, вон как отдается этому делу с азартом и воодушевлением, приобретая опыт и сноровку для замужества. Это раньше невеста должна была быть девственницей и уметь только лежать на спине, раздвинув ноги, не шевелясь, чтобы не сочли позорно чувственной, а теперь лучше взять не умеющую готовить, чем не умеющую весело и с удовольствием совокупляться, моментально выполняя все наши желания.

Когда она так же быстро соскочила с кровати и одевалась, я протянул ей с десятков сто долларовых бумажек.

— Держи.

Она в изумлении вскинула брови.

— Что это?

— Чаевые.

Она посмотрела в мое лицо.

— За что... Ах да, ну ты и негодай...

Я сказал нерешительно:

— Вдруг подумалось, что если у тебя просрочена плата за комнату, что снимаешь пополам с подругой, то это деньги как раз пригодятся. Тебе же стипендию не платят?

Она чуть отшатнулась, взгляд стал испуганным.

— Кто ты? Откуда... знаешь...

— Вид у тебя девочки из хорошей семьи, — объяснил я. — Фразы строишь правильно, простонародной вульгарности нет и в помине... Потому и предположил, что в универе где-то на втором-третьем курсе. А что комнату пополам с подругой... Разве не так все снимают? И дешевле, и удобнее. Даже одни и те же платья и туфли можно носить, если сильно повезет...

Она перевела дух.

— Фух, что я только не подумала. Ты прав, но я не занимаюсь такой подработкой. Просто вдруг какое-то странное доверие к тебе... А если уж размяться, то не с официантами, а с таким, как ты, красивым и загадочным иностранцем.

Я засмеялся.

— Наверное, потому, что я профессор!

Она тоже засмеялась оригинальной шутке.

— Ладно, возьму... А ты что, такой богатый?

— Легко пришли, — ответил я, — легко уходят...

— Хорошо, — сказала она, — но ты деньгами не швыряйся. Сразу видно, иностранец из дикой страны. Деньги счет любят. А то ты прям как русский. Те чаевые оставляют такие, на них можно купить еще три таких ужина!

— А здесь бывали русские?

— Нет, но о русских рассказывают всякое... жуть просто. А в кино они вообще. Не хотела бы хоть с одним встретиться.

— Я тоже, — сказал я.

Она крепко поцеловала меня в губы, прислушалась, что там за дверью, и выскользнула в коридор.

Глава 5

Ночью я систематизировал данные, что нарыл в компьютерной сети Пентагона. Там помимо тридцати тысяч постоянно обновляемых персоналок на столе каждого сотрудника, еще и экзафлопный суперкомпьютер на втором подвальном этаже, а ниже — только свой ядерный реактор.

Ядерный реактор не так интересен, как входящий в сотню самых мощных суперкомпьютер. Данных в нем многовато, многовато в том смысле, что не упорядочено, хаотично, перепутано, многие важные моменты недоступны даже для тех, кому как раз необходимы...

Впрочем, это стратегический противник, так что ладно, у себя я все это систематизировал сразу еще при перезаписи в мое личное хранилище, там все на месте, ничего не перепутано, осталось только легкое разочарование, что никаких тайн, ничего особенного, люди работают над безопасностью страны. А так как люди разные, то и работают по-разному, частенько так, что лебедь, рак и щука для них образец слаженности и взаимодействия в команде. А еще все постоянно ищут

и находят в своих рядах иностранных агентов и даже шпионов, за что получают бонусы в виде повышения по службе и поощрений.

Утром, когда завтракал, искал взглядом ту девушку, что поднялась ко мне вчера в номер, но то ли сегодня не ее смена, то ли работает с обеда, а спросить как-то неловко, да и что за время такое, даже имени не спросил...

А вот так, не спрашивая, я не должен знать, что ее зовут Джеми, Джеми Франклин, учится в университете, постоянного бойфренда нет, не избегает и лесбо, но предпочитает мужчин, кроме учебы посещает еще и школу танцев, то-то показалась очень гибкой и пластичной, бедная девочка, еще ухитрится и здесь подрабатывать официанткой, старается заработать и выбиться в люди сама, не рассчитывая подцепить богатого мужа.

Мобильник тихонько звякнул, я выгудил из кармана, на экране появилось квадратное лицо Дуайта.

— Не разбудил, — спросил он с несвойственной ему деликатностью, — мистер Лавроноф?.. Ах да, вижу, вы уже завтракаете, прекрасно... Вижу, у вас хороший аппетит, здесь вы не отличаетесь от американцев.

— Это похвала или оскорбление? — поинтересовался я. — У нас могут такой комплимент толковать так и эдак. Смотря на какой стороне баррикады... Ладно, какие новости?

— Я заеду за вами, — пообещал он. — По дороге расскажу в двух словах.

— Где вы сейчас?

— В двадцати минутах, — ответил он.

— Это в ЦРУ? — спросил я. — Тогда я еще чашечку кофе успею освоить, булочки здесь просто

великолепные. Понимаю, почему американцы самые толстые в мире.

— Уже через восемнадцать минут, — сообщил он. — У нас задержек на дороге не бывает.

— Да, — согласился я. — У вас автомобили дорогие даже для местных. В основном китайские покупаете.

— Да, — подтвердил он, — мы разместили там почти все наши автомобильные заводы!..

Экран погас, я остался неспешно прихлебывать горячий кофе. Видеонаблюдение отеля захватывает большой участок дороги, автомобиль Дуайта я заметил издали, расплатился и вышел из ресторана как раз в момент, когда он начал сдвигаться к обочине.

Он изнутри распахнул передо мной дверь, улыбнулся, американцы всегда улыбаются, хотя это порой выглядит совсем по-дурацки, спросил дружелюбно:

— Надеюсь, у нас в отелях клопы помельче ваших?

— Вас, похоже, — заметил я, — всю ночь грызли.

Он сказал невесело:

— Честно говоря, за всю ночь удалось заснуть часа на полтора. В общей сложности.

— Что же так?

— Вы такую задачу подкинули, — заявил он, — что сейчас на ушах стоят не только Пентагон, ЦРУ и АНБ, но вообще все в океанологических институтах и сенатских подкомитетах.

Мне показалось, поглядывает так, словно меня за эту ночь повысили по крайней мере сразу через два звания. Или же я, как древний гуру, являюсь вместилищем сокровеннейших знаний,

что могут дать много денег или позволить есть сколько угодно, не толстая.

— Зря, — обронил я.

— Почему?

— Да случай не стоит выеденного яйца, — сказал я.

Он прибавил скорость, дома замелькали справа и слева, американцы тоже любят быструю езду, Штаты создавали и несколько десятков миллионов русских.

— Не скажите! — сказал он чуточку оскорбленно. — Это наша американская земля!

— Еще добавьте, — предложил я, — что мина российская. Для газет самое то, чтобы обвинить Россию в нападении, вторжении и попытке захвата побережья невежливыми людьми.

Он ухмыльнулся.

— Да, это верно. Но ситуация пока подсказывает, что лучше такую новость придержать в тайне. От СМИ.

— Штатам сейчас невыгодно раздувать скандал, — напомнил я. — Но если станет о нем известно, какие-то сенаторы ради карьеры пойдут и вопреки интересам страны, лишь бы самим на этом погреть руки.

— Пока наложен запрет, — повторил он.

— Удержите?

Он кивнул.

— У нас демократия, но в нужных местах жесткая демократия.

Впереди начало вырастать здание Пентагона, я ожидал, что Дуайт снизит скорость, однако тот гнал на полной почти до решетки ворот.

Часовой вышел, взглянул через лобовое стекло на обоих. По взмаху его руки часть дорожного

полотна впереди, вставшая вертикальной стеной, опустилась, прикинувшись прежней ровной дорогой.

В знакомом коридоре я направился к той же комнате, однако он торопливо ухватил меня под локоть.

— Нет-нет, это чуть более расширенное заседание.

— Чудесно, — ответил я, хотя сердце предостерегающе стукнуло. — Значит, дело с мертвой точки сдвинулось.

— Слетело, — уточнил он. — Как мячик в гольфе от удара клюшкой.

— Это тоже чересчур, — заметил я.

— У нас безопасная страна, — сказал он.

— А постоянные теракты?

Он отмахнулся.

— К ним привыкли. А вот такая угроза, что может потряхнуть всю Америку...

— Такой угрозы практически не существует, — сказал я. — Вы же не планируете удар ракетно-ядерными силами по России?

Он загадочно улыбнулся, а я на ходу быстро просмотрел глазами видеокамер ближайшие помещения.

В самом большом из ближних залов, похожем на уменьшенную копию пункта запуска ракет с мыса Канаверал, расположились генералы и крайне респектабельнейшие люди в штатском, подлинные современные вельможи.

Одни ведут беседы в креслах, двое вальяжно, но с заметным напряжением в жестах и мимике прогуливаются вдоль стены с огромными дисплеями, и, как я ощутил, главное действо у них еще не начиналось.

Мы были в десятке шагов от двери, когда еще один генерал вошел в ту комнату, толстый, величественный, хотя с нашивками всего лишь бригадного генерала. Если не сбросит вес, то полного генерала не видать, в американской армии существуют нормативы даже насчет внешнего вида военнослужащих.

Дуайт вздохнул.

— Ну, держитесь...

— Бить будут?

— Еще как, — ответил он. — Им сейчас не до глобальных катастроф.

Я охнул.

— Так я только ради них и приехал!

— Все будет, — сказал он успокаивающе, — только эти мины... они всех заставили вздрогнуть. Сперва решим с ними.

Я сказал раздраженно:

— Как будто не знали!

Он сдвинул плечами.

— Не все верили. Никто же из ваших не афишировал, где именно заложили... У нас в конце концов решили, что это ложная тревога. Деза. Все хотят верить тому, чему хотят.

— Ну еще бы.

— Для вас, — напомнил он, — такие мины закладывать очень дорого. Это при вашей расшатанной экономике!

— Безопасность страны, — напомнил я, — превыше всего.

— А благосостояние населения?

— Наше население не продается за чечевичную похлебку, — ответил я кротко. — Во Вторую мировую люди всем жертвовали для победы. Очень не хочется, чтобы Америку у нас считали

наследницей Гитлера. Но тогда победили, победим и теперь.

Он охнул, шокированный.

— Это у нас вас рассматривают как преемников идей Гитлера!

— Ну вот и договорились, — отрезал я сухо. — Я имею в виду договорились вы до окружения нас военными базами с ядерным оружием и баллистическими ракетами, а мы в ответку до ядерных мин вдоль обоих берегов Соединенных Штатов.

Он распахнул передо мной дверь в тот зал, который я и наметил, а когда я шагнул через порог, почти все присутствующие там повернулись в нашу сторону.

Дуайт кивком велел мне следовать за ним, это к одинокому столику под стеной с огромными экранами, а там, не садясь, объявил:

— Господа, прошу занять свои места. Времени у нас, как всегда, в обрез, потому буду крайне и даже предельно краток. Представляю господина Лавроноф, возглавляющего Управление по Исследованию Глобальных Катастроф. У них оно называется так же, как и у нас, с той лишь разницей, что они уже провели ряд успешных операций по устранению угроз.

Генералы и штатские, тех и других не больше дюжины, начали неспешно опускаться в кресла. Зал рассчитан на сотню человек, а это значит, допущены самые проверенные и те, от которых в самом деле что-то зависит.

На меня смотрят не просто враждебно, некоторые с откровенной ненавистью, что и понятно. Меньше всего воевать хочется им, так как гражданские отсилятся в тылу, а военным придется выдвинуться на передний план, где не просто

опасно, а очень опасно. Под пули не попадут, но из Белого дома найдут в чем обвинить, к чему придраться, с кого сорвать нашивки.

Я сказал как можно более мирно и успокаивающе:

— Я прибыл, чтобы установить контакты и договориться о взаимодействии в борьбе с опаснейшим видом терроризма. Я имею в виду глобальный, но пришлось привести и непростую новость о выброшенной землетрясением мине...

Один из генералов сказал резко:

— Терроризм потом!.. Сейчас главное, какого черта вы творите? Вы понимаете, к чему это приведет?

Я ощутил быстро вскипающую злость, ответил с нарочитой сдержанностью:

— Если вы понимаете, что значит ваша политика по окружению России военными базами и пусковыми установками... то поймете и адекватность ответа.

В зале заговорили между собой, генерал сказал в ярости:

— Мы защищаем демократию! В том числе и в России!

— А мы защищаем себя, — ответил я кротко. — Посмотрим, что важнее защитить: жизнь или лозунги? И за что будем сражаться до последнего?

Дуайт поднялся и постучал по столу.

— Прошу всех успокоиться. Это прежде всего относится к вам, генерал Сигурдсон. Вопрос серьезный, давайте решать его спокойно и взвешенно. Мистер Лавроноф...

Он сделал паузу, я сказал уже примирительно:

— Ваше беспокойство относительно ситуации в некоторой степени понятно...

Генерал Сигурдсон сразу же прервал агрессивным тоном:

— Беспокойство? Вы называете это беспокойством?.. Мы в ярости!

Его сосед сказал чуть мягче:

— Мы возмущены случившимся!

— Да-да, — сказал я, — наверное, нужно было бы просто промолчать. Или дать команду на взрыв. Специалисты вам скажут, что никто не отличит цунами, вызванное взрывом на дне, от естественного. Можно было бы взорвать мину и на берегу. Была бы мощная ядерная катастрофа, списали бы на террористов из Ближнего Востока, на ИГИЛ или еще кого-нибудь... А наша страна выразила бы соболезнование и предложила бы помощь в борьбе с терроризмом.

Дуайт вздохнул, а Сигурдсон уставился на меня в негодовании.

— У вас в самом деле рассматривали такой вариант?

— Генерал, — ответил я, — ничего личного, как у вас говорят по каждому поводу. Зато не было бы этого, простите, странного и патетического негодования. Дескать, вы просто шли, а вам навстречу попался злой и коварный стул, что напал на вас и ударил в колено.

Дуайт сказал примирительно:

— Коллеги, прошу успокоиться. Я тоже возмущен случившимся, однако же со стороны Кремля сейчас дружеский шаг, рассчитанный на понимание. Давайте не позволим им думать о нас хуже, чем мы есть на самом деле!

В зале промолчали, Сигурдсон сказал люто:

— Но они заложили пояс мин у нас под носом!.. Это недопустимо! Это возмутительно!.. Нужно немедленно потребовать...

Я не успел ответить, Дуайт сказал мягко:

— Что? Чтобы они убрали свои мины?.. Да им проще их взорвать. Давайте я проясню ситуацию. Наши специалисты работали всю ночь, и вот что они накопили. Больше всего их беспокоят российские атомные подлодки особого назначения «Лошарик», способные ходить на глубине в шесть тысяч метров. У нас таких подлодок, отвечаю сразу, нет. По мнению специалистов, что выдали расчеты еще в то хрущевское время, для наибольшего эффекта мины нужно было закладывать как можно глубже, а шесть тысяч метров — идеальный вариант.

Сигурдсон сказал враждебно:

— Освежите нашу память насчет взрыва таких мин.

Дуайт произнес ровным голосом:

— В случае взрыва на восточном и западном побережье все города, как докладывал Сахаров Хрущеву, будут сметены полностью. Если учесть, что девяносто процентов населения Соединенных Штатов живут на побережье, то после рукотворного цунами в Соединенных Штатах практически останется обезлюдившая земля.

Глава 6

Сигурдсон дернулся, словно в него всадили пулю. Пару мгновений хватал ртом воздух, наконец прохрипел:

— Это... точно?

Дуайт ответил со вздохом:

— Сейчас сюда срочно везут лучших специалистов. Это главы центров по изучению нестан-

дартных угроз безопасности Соединенным Штатам.

Сигурдсон прорычал:

— Хорошо, мы сперва выслушаем их доклады, а потом примем решение. Нужно будет составить ответ президенту. Ему наверняка уже сообщили о найденной на берегу мине... Ее уже нашли?

Дуайт кивнул.

— Да. Благодаря предупреждению мистера Лавроноф наши люди высадились в той части берега, убрали отдыхающих с полосы пляжа... да их и не было уже так поздно, это случилось в полночь, и вовремя заметили в лунном свете предмет, который волны катили к берегу.

— Это в самом деле... мина?

В голосе Сигурдсона прозвучала слабая надежда, что это либо шутка, либо простая мина времен Второй мировой, но Дуайт кивнул с самым невеселым видом.

— Да. Мегатонная. Если рванет, мало не покажется. Снесет с лица земли пару прибрежных городов. Сейчас ее с величайшими осторожностями загружают в военный транспортный вертолет, затем доставят по воздуху в пустыню, где и произведут разборку.

Сигурдсон скривился так, словно надкусил на больной зуб, повернулся к коллегам, что сидят сзади.

Я поинтересовался у Дуайта шепотом:

— У вас три центра?

Он вздохнул.

— Намного больше. И ни одного в статусе государственного. С разной степенью финансирования, влияния, направления... Это демократия! В этом ее сильная сторона. Но вижу по вашим глазам, что скажете.

— Не скажу, — заверил я. — И так знаете. Американская демократия, если в ней еще остался здоровый инстинкт выживания, первой перейдет на авторитарные рельсы. Кстати, расчеты ваших людей неверны.

Он дернулся, спросил живо:

— В чем?

— Даже я, неспециалист, — сказал я, подчеркивая, что работаю в другой области, — знаю, что, по уточненным данным, ядерные мины достаточно заложить на глубине даже в два километра.

— Ох, — сказал он тревожно, — это точно?

— Пусть перепроверят, — посоветовал я, — а не списывают друг у друга расчеты советских ученых, сделанные в годы правления Хрущева. Тогда еще не владели в полной мере картой морского дна у вашего побережья! А сейчас оно просчитано до сантиметра.

— Два километра, — повторил он, и я увидел в его глазах тревогу, на такой глубине мины могут ставить все торговые суда, заходящие в порты Штатов. — Всего два километра?

Я объяснил любезно:

— Волна все равно образует нехилая. От пятисот метров в высоту до километра.

Он дернулся.

— Это же достигнет даже срединной части страны!

— На материке, — подтвердил я, — смоем и разрушит все на расстоянии больше, чем в пятьсот километров.

— Пятьсот километров с одной стороны — сказал он, — пятьсот — с другой... Что вы наделали, что вы наделали?

Ощутив панику в голосе старшего агента ЦРУ, генералы, продолжая переговариваться, начали поворачиваться в нашу сторону.

Я заметил, что прислушиваться начинают все, ответил Дуайту, но повысил и для других голос:

— Базами окружать начали вы первыми, дорогой Дуайт. С нашей стороны всего лишь ответный ход. Не хотите взять своего коня взад?.. Возможно, вы забыли, что это вы окружили Россию со всех сторон военными базами, разместили на них крупные соединения и даже атомное оружие... это для вас нормально, верно?

Дуайт ответил с достоинством:

— Никто не собирается нападать на Россию. Это всего лишь мера предосторожности. Чтобы сама Россия не вздумала напасть.

— Прекрасно, — воскликнул я с чувством. — И Россия не собирается нападать на Соединенные Штаты. Закладка атомных мин вдоль побережья проделана в целях предосторожности. Чтобы Штаты не вздумали даже подумать. Так что какие вопросы?.. Или такое можно делать только вам?

По их лицам видел, что да, это можно только им, они же всегда правы, хоть и не сразу, а если какие-то страны уничтожили по ошибке типа Ирака или подобную ему мелочь, то что старое вспоминать, у всех бывают проколы.

Дуайт, впрочем, сказал с тем же чувством оскорбленного достоинства:

— Штаты все делают гласно. Насчет баз сперва долго ведутся переговоры с правительствами тех стран, на территории которых будут размещены, а за переговорами следят во всем мире. Лишь после заключенного договора начинается строи-

тельство. А войска перебрасываются уже потом, через год-два...

— Наша экономика слабее, — напомнил я. — Россия просто не может мериться со Штатами объемом бицепсов. У вас бицепс объемнее. В схватке на ринге у нас шансов нет.

На лицах большинства появились победные улыбки, остальные продолжали рассматривать меня пристально, понимая, последнее слово я не сказал.

— Потому, — договорил я, — на такую схватку лучше явиться с пистолетом в руке.

Еще один из генералов, что помалкивал и даже не вступал в разговоры с коллегами, сказал резко:

— Это бесчестно и жестоко! Вашего ястреба, этого академика Сахарова, который добивался реализации этой идеи, осудили прежде всего ваши советские военные генералы!.. Разве ваш командующий Военно-морским флотом, адмирал Фомин не заявил, что не будет воевать с мирным населением?

— А вот это не надо, — сказал я негромко, — это не мы сровняли с землей мирный и прекрасный город музеев Дрезден, убив в нем все гражданское население. Это не мы сбросили атомные бомбы не на японские войска, а на мирные города Хиросиму и Нагасаки! Генерал, я не ваш избиратель, давайте обойдемся без пропаганды и журношлюшества. То, что мы заинтересованы в совместной работе над продвижением к безопасному будущему, я уже доказал своим приездом и надеждой начать совместные операции против глобального терроризма.

Сигурдсон сказал резко:

— Кстати, эту мину могли подбросить нам специально! Чтобы мы встревожились!

Я сказал мирно:

— В работе спецслужб возможны любые комбинации. Но ваши специалисты определяют, и сколько лет мина пролежала на морском дне, насколько стандартизован их выпуск, и как легко было установить их хоть сотни вдоль ваших берегов.

— А сколько установили?

Я ответил любезно:

— Поддюжины достаточно, чтобы смести волной гигантского цунами все с территории Штатов в океан на другой стороне континента... Я же здесь с совершенно иной целью.

Он буркнул:

— Какой?

— После того, — сказал я, — как вы заверили, что с ваших баз не нападут на Россию, я так же заверяю, никто не даст сигнал на подрыв атомных мин. Думаю, вас это должно удовлетворить... хотя, конечно, не удовлетворит.

Он рыкнул:

— Еще бы! То мы, а то Россия!

— В чем разница? — спросил я кротко.

— Вы варвары, — заявил он. — А мы — цивилизованная страна!

— Вроде Рима, — согласился я, — наследницей которого являетесь и даже подчеркиваете во всех названиях своих сенатов и capitoлиев. Тогда мы те варвары, что пришли в Рим?..

— На этот раз у вас не пройдет, — заявил он. — Штаты — не Рим!

— Надеюсь, — согласился я, — хотя нравы у вас уже те, что привели Рим к гибели.

Дуайт постучал по столу громче.

— Коллеги, коллеги!.. Я вас понимаю, но мы не дипломаты, а серьезные люди. Давайте вернемся к сути вопроса. Доктор Лавроноф?

Я сказал все еще зло:

— Конечно, приятнее себя чувствовать, когда у вас в руке кольт, а у противника голые кулаки, верно? Но мы живем в реальности, а в ней у нас в руке тоже кольт. Или даже граната. Моя миссия, как я сообщил с первых же секунд встречи, — наладить сотрудничество в ликвидации глобальных угроз человечеству. Не исследования, а именно быстрых и неотложных действиях!.. Мир на краю гибели, о чем вам наверняка докладывали.

Генерал Сигурдсон спросил грубо:

— И что, вы уже что-то начали? В своей гэрэушной манере?

— Скажу только о том, — ответил я, — в чем я участвовал лично. В Тунисе террористы разработали вирус, который должен был уничтожить несколько миллионов или даже десятков миллионов человек в Европе. К сожалению, мы опоздали на несколько часов. Лаборатория была нами уничтожена и сожжена вместе со всеми сотрудниками, но посланец успел чуть раньше унести флягу с вирусом на судно с беженцами, что направлялось в Италию, и там успел заразить всех. Не в Италии, к счастью, а на корабле. Руководил операцией знаменитый Фазлур Хосейн, он у вас в списках самых опасных террористов мира. Теперь можете вычеркнуть... Останавливать и помещать беженцев в карантин не успели бы из-за бюрократических процедур. Тем временем они разошлись бы по Италии, а самолетами, по-

ездами и автомобилями проникли бы в Европу, а там успели бы и в Америку...

Генерал посмотрел на меня с новым выражением на лице.

— Вы говорите о той трагедии, что случилась в Средиземном море у самых берегов Италии?

— Они все были заражены, — ответил я кратко. — А как бы поступили вы?

Генерал сказал со злостью:

— Нам бы такое не позволили!

— Добивайтесь большей самостоятельности, — посоветовал я.

Еще один генерал сказал высокопарно:

— У вас авторитарная система, а у нас демократия. Решения принимаются медленно, обдуманно, с учетом интересов всех слоев населения.

Я посмотрел на генерала Сигурдсона, тот поморщился, но промолчал, осуждать демократию в демократическом обществе опасно даже для военных.

— Тунис в вашей сфере влияния, — сказал я.

— Это суверенная страна...

— Знаем-знаем, — согласился я. — Мы уничтожили только исполнителей... а заказчика не знаем. Хорошо бы вам, как старшим суверенам, отыскать мерзавца.

Генерал Сигурдсон рассматривал меня исподлобья с таким видом, словно мы уже вышли на ринг.

— А что известно?

— Все передам, — пообещал я. — Возможно, вашим людям не помешает побывать на месте уничтоженной лаборатории. Огонь сжег все живое, но аппаратура осталась... ну, не в прежнем виде. Что то понять можно будет даже американцам.

— Какие вы добрые, — сказал он с тяжелым сарказмом.

— Да, — согласился я. — Это не ракетами из-за океана с безопасного расстояния. А мы приехали, посмотрели, оценили и приняли бой. Охрана там была дай боже, так что если ваш спецназ не такой, как в Голливуде...

— Наш спецназ готов выполнить любые задачи, — оборвал он.

— По остаткам аппаратуры, — уточнил я, — можно определить, кто заказывал, кто получал, кто оплачивал... Наверняка проходило через ваши банки.

— Банки существуют не только в Америке!

— Да? — изумился я. — А почему же говорят, что Штаты их все подмяли... Впрочем, это не важно. У вас, наверное, и в Тунисе есть база? Хотя бы скрытая?.. Но не для нас, естественно.

Он поморщился, но ответил с враждебной деловитостью.

— Через два часа на указанном вами месте будет группа специалистов. Дайте точные координаты.

Дуайт, который следил за нашим разговором, почти держась за сердце, вздохнул с облегчением и сказал приподнято бодро:

— Джентльмены, многие из нас были подняты по тревоге и не успели даже позавтракать. Мы можем перейти в ресторан на этом же этаже, но можно и сюда заказать кофе и булочки.

Сигурдсон отмахнулся.

— Да все равно. Можно и здесь, так что давайте в ресторан, это рядом. Вы умеете устраиваться, Дуайт.

— Разве что насчет ресторанов, — согласился Дуайт.

— Не скажите, — проронил Сигурдсон многозначительно. — Я кое-что слышал.

— Врут, — ответил Дуайт мрачно.

— Все люди врут, — согласился Сигурдсон. — Это важнейшее завоевание цивилизации, ее примета и наша надежда на лучшее будущее.

Глава 7

Я покосился на него с некоторым удивлением. Генерал выдал достаточно нестандартную сентенцию, и хотя она верна, но не с генеральским мышлением додумываться до такого. Хотя, с другой стороны, он не полевой генерал, а из стратегических сил, где при оценке геополитической ситуации в мире приходится учитывать и такие составляющие жизни, как религия, привычки, заблуждения, национальные особенности, что для полевого генерала вообще лишний мусор.

Хотя он и должен быть как минимум неглупым. На этом заседании представляет РУМО, организацию намного более мощную, на мой взгляд непрофессионала, чем ЦРУ, о котором наслышаны все в мире. Но РУМО, Разведывательное управление Министерства обороны, это военная разведка и засылка целых отрядов для тайных операций за рубежом в таких масштабах, что цэрэушникам и не снилось. И для меня он даже важнее, чем контакты с ЦРУ.

Дуайт пошел впереди, в недавнем прошлом успешный полевой агент, как увидел я в его до-

сье, но, когда потребовалось укрепить один из важных отделов в ЦРУ, его выдернули из Южной Америки, где работал под прикрытием, и теперь занимается несколько не своим делом, как не раз замечал друзьям, что отдельно отмечено в его закрытом досье.

Ресторан рассчитан на большую аудиторию, но сейчас не время обеда, зал почти пуст, не считая двух-трех столиков в укромных местах, где люди в погонах ведут себя как карбонарии, замышляющие захват власти в отдельно взятом штате.

Дуайт выбрал стол возле окна, шепнул мне:

— Вы не против, если приглашу и генерала Сигурдсона?

Я дернулся, но смирил себя и ответил предельно корректно:

— Того... самого?

Он сказал так же тихо:

— Да, вы определили точно. Он как бы самый, это верно. Один из.

... — Что вы, — ответил я. — это же такое удовольствие испортить ему завтрак! Почище, чем обед.

Он вздохнул, во взгляде я прочел мягкий укор, ну что за странный русский юмор, на время обеда между цивилизованными странами прекращаются даже боевые действия, оставил меня и отправился к генералу.

Сигурдсон, по-видимому, намеревался сесть за стол со своими боевыми сослуживцами, а что когда-то служил с ними в войсках на Ближнем Востоке, вижу не только по наградам.

Я наблюдал искоса, как Дуайт коротко переговорил с ним, генерал бросил в мою сторону злой

взгляд, явно заколебался, но чувство долга перед страной пересилило, молча кивнул.

Я стиснул челюсти и напомнил себе, что надо терпеть, эти люди не совсем адекватные, потому что еще совсем недавно в их представлении Россия лежала в руинах, а они с триумфом попирали ее копытами.

Теперь неприятная неожиданность: российские самолеты смеют летать всюду, подводные лодки с ядерными ракетами бороздят океаны, а сама Россия решается возражать против того, чтобы Штаты рулили всей планетой по своему разумению, единственно правильному и не подлежащему обсуждению всяких там русских и то ли существующих, то ли нет шведов!

Сигурдсон сел за стол напротив, Дуайт оказался между нами как бы посредине, что-то типа рефери на ринге.

— Надеюсь, — сказал он мне, — наша кухня не испортит вам желудок, мистер Лавроноф.

— Что вы, — ответил я любезно. — Мы народ, привыкший к трудностям, переварим все что угодно. И где угодно.

Он чуть нахмурился, военные везде ищут намек на конфронтацию, а в данном случае он прозвучал, хотя и я сам не понял, что я сказал, просто сам тон и то, как говоришь, иногда говорят больше, чем сами слова.

Дуайт сказал приподнятым тоном:

— Доктор, но если взорвать ваши мины, они же сметут и этот ресторан!.. А вы попробуйте этот изумительный стейк!.. А эта королевская форель, ей нет равной в мире!..

— Или вот хамон, — сказал Сигурдсон и, придерживая вилкой, вонзил острие ножа в изыскан-

но пахнувший кусок мяса. — Попробуйте!.. Дуайту нельзя, он еврей, но русским все можно!

— Русским можно все, — согласился я.

Дуайт сказал обидчиво:

— Чего вы решили, что мне хамон нельзя? Я люблю эту рыбу, частенько заказываю в ресторанах, а дома у меня в холодильнике хранится громадный балык.

Сигурдсон кивнул мне в его сторону.

— Видите?.. А в вашем Пентагоне евреев нет?

— Евреи, как и муравьи, — ответил я, — есть везде. У нас даже американцы есть.

Он вскинул брови.

— Не подумал бы...

— Пятая колонна, — пояснил я. — Но мы их вылавливаем и втихую расстреливаем.

— Прямо так и расстреливаете?

— А что делать, если не понимают намеков насчет пора валить в Штаты?

Дуайт помахал официанту, тот понял заказ по характерному жесту, принес большую бутылку шампанского и ловко откупорил, а Дуайт взял из его руки и разлил по фужерам сам, демонстрируя нам с генералом предельное уважение.

— Спасибо, Дуайт, — поблагодарил генерал. — Когда вас наконец-то выгонят за ваши сексуальные скандалы, я вас возьму в нашу сержантскую столовую.

Я спросил:

— А почему не в офицерскую?

Дуайт ответил моментально:

— А потому что генерала вот-вот разжалуют в сержанты. Видите, готовится!.. Так выпьем за то прекрасное время, когда мы были сержантами!

— Прекрасное было время, — подтвердил Сигурдсон с ностальгическим вздохом.

Мы подняли и сдвинули фужеры. Генерал выпил сразу, Дуайт, выказывая воспитание, только пригубил, сделал вид, что смакует, прислушивается к ощущениям, эстет хренов, затем с чувством отпил половину содержимого и опустил фужер на стол.

Я сказал доверительно:

— Генерал, поймите нас правильно. На самом деле в России любят Штаты!.. По нашим представлениям, это великолепная страна ученых, хай-тека, Голливуда и даже вашей великой Американской Мечты жить по совести и нести по всему миру просвещение, добро и прогресс.

Он смотрел все так же исподлобья.

— Тогда почему такая враждебность?

Я сказал с неохотой:

— Если бы не сволочи, что правят вашей страной, все в мире было бы в порядке! Тем более в наших с Америкой отношениях. И Америка бы в самом деле рулила планетой.

Он нервно дернул щекой.

— Мы тоже недовольны своим правительством, но это наше правительство! И мы его намерены защищать всеми доступными средствами. Хоть там, согласен, есть и дураки, и просто сволочи.

— А где их нет? — спросил Дуайт примирительно.

Похоже, мелькнула мысль, его именно потому и выдернули из полевых агентов, что умеет не только хорошо и метко стрелять, но и ладить с людьми.

Я ответил примирительным голосом:

— Мы постоянно критикуем свое правительство, но нас приводит в ярость, когда это делает кто-то из-за кордона.

— Вот-вот, — рыкнул Сигурдсон. — Вы критикуете! Наше.

— Это просто инстинкты стаи, — пояснил я, — в которой мы жили десятки миллионов лет. Эти инстинкты сделали нас теми, кто мы сейчас. И хотя у нас теперь разум, но вы же знаете, инстинкты все равно правят даже самыми светлыми гуманистами.

Дуайт перевел дыхание, мы с генералом не стали драться, по крайней мере за столом, поднял фужер с остатками шампанского, некоторое время любовался все еще поднимающимися со дна серебристыми шариками.

— И что же, — проговорил он медленно, — нам мешает перестать быть врагами?

— Инстинкты, — ответил я со вздохом. — Древние наши инстинкты. В стае должен быть один вожак, это для вас бесспорно. И вы душите всех молодых волков, осмеливающихся выказать неповиновение. Россия это неповиновение вызывает... И вы окружаете ее военными базами. С нашей стороны летит несимметричная ответка: закладки по обеим сторонам побережья.

Дуайт сказал с тоской:

— Но это вызовет гибель мирных людей...

— Это для вас так важно? — спросил я.

Он посмотрел на меня с подозрением.

— А вы как думаете?

— Думаю, — ответил я, — важно лишь потому, что погибли ваши соотечественники. Не хотелось бы повторять, но не напомним, какая страна стерла с лица земли мирный Дрезден, город

музеев, искусства и культуры, где не было ни одного военного завода и вообще не было солдат? А потом двумя атомными бомбами уничтожила Хиросиму и Нагасаки? Наверное, это прилетали совсем уж марсиане?

Сигурдсон сказал мрачно:

— Тогда это было необходимо.

— А почему, — поинтересовался я, — думаете, что это только вам можно, а другим запрещено?

Дуайт повторил так же невесело:

— Это было давно. А сейчас нужно воевать армией против армии.

— Да ну, — ответил я с сарказмом, чувствуя, что инстинкт берет верх и во мне, начинаю заводиться. — Эту доктрину вы сформулировали и начали пропагандировать по свету, когда ваша армия стала равна по мощи армиям всего остального мира?

— При чем здесь это, — сказал Дуайт с неудовольствием. — А как насчет гуманизма?

— Вы начали проповедовать этот выгодный вам вариант гуманизма, — напомнил я, — когда у вас появилось одиннадцать авианосцев, а у нас был спущен на воду наконец-то первый. Соотношение всего остального: ракет, самолетов, подводных лодок примерно такое же, один к одиннадцати. Да, в этом случае вы как бы справедливо предлагаете сражаться на равных. По-честному. По справедливости. Одиннадцать на одного!

— Это если вы начнете войну, — уточнил Сигурдсон победным тоном.

Я кивнул.

— Генерал, мы просто уравнили силы.

Сигурдсон вскинул бровь.

— Каким образом?

— Когда ботану в школе, — пояснил я, — маячит возможная стычка со здоровенным капитаном школьной футбольной команды, которой ну никак не избежать, он берет с собой нож, битую, а то и отцовский пистолет. Вот тогда у них шансы примерно равны.

— У вас больше шансов, — буркнул он. — Вы в самом деле готовились к третьей мировой!.. Я проконсультировался. Каждую бомбу включать в отдельности нет смысла, вся их сила в том, что рванут одновременно и создадут волну километровой высоты, что покатит на побережье, сметет там все города и покатит дальше. Спасутся только пастухи в горах!.. Это война на полное уничтожение противника.

Я повторил:

— Повторяю, мы не можем сражаться с вами армия на армию. Но слабое место Америки именно в том, что всегда было ее сильной стороной. Как Гитлер ни хотел бы вас стереть с лица земли, но сперва нужно было бы переплыть океан на другую сторону планеты. Межконтинентальных ракет, если вы вдруг не знаете, тогда не было. Однако сейчас эта изоляция от других стран играет против вас.

Дауйт произнес медленно:

— К тому же у Штатов с обеих сторон побережья опасные разломы... Не верю, что вы не воспользовались.

Я сделал вид, что не расслышал, но Сигурдсон тут же спросил с настороженностью:

— Что за разломы?

Я повторил как можно более мирно:

— Штаты несколько веков были в безопасности благодаря своему расположению на другой

стороне планеты. И отделенные от Европы и прочего мира с обеих сторон океанами. Это было их сильной стороной... очень долго.

— До начала эры баллистических ракет? — уточнил Сигурдсон.

Я кивнул.

— Но и тогда Штаты сумели построить в какой-то мере неплохую защиту, хотя вы сами понимаете, из сотни пущенных из России ракет достаточно одной-двум прорваться сквозь заградительный огонь... и Америки больше нет.

Сигурдсон буркнул:

— Наши системы все время совершенствуются... Так что насчет разломов?

— Асимметричный ответ, — напомнил я. — Россия находится на самой толстой на планете и сплошной материковой плите без всяких трещин и разломов. На ней исключены как крупные землетрясения, так и геофизические катастрофы. А вот у берегов Соединенных Штатов ко всем неприятностям еще и по одному очень опасному разлому земной коры... С обеих сторон.

Дуайт сказал быстро:

— Когда в тех местах случается подводное извержение вулкана, цунами идет на берег... Но если там еще и установить атомные закладки...

Он не договорил, взглянул на меня. Сигурдсон напрягся, я тут же покачал головой.

— Сэр Дуайт, не страшайте генерала.

— Он бесстрашен, — буркнул Дуайт.

— За себя он не боится, — пояснил я, — а за Великую Американскую Мечту, если она еще жива... Словом, заверяю, в зоне разлома атомных мин нет.

Сигурдсон посмотрел на Дуайта, на меня и буркнул с неприязнью:

— Значит, бомбы наверняка там.

Он сделал глоток шампанского, но тут же отодвинул фужер и жестом велел официанту принести крепкий кофе и обязательно в большой чашке. Или в стакане.

Глава 8

Дуайт прислушивался к голосу, что донесся к нам с генералом из крохотной клипсы на его ухе. И хотя геям вроде бы какие-то льготы как лучшим людям демократии, но Дуайт носит ее на верхнем кончике уха, что малость комично, но Дуайт явно хороший специалист, раз уж пока что не уволили за нетолерантность.

Как уволят, сказал я себе, нужно будет завербовать его в наши агенты. Россия та же Америка, только сохранившая консервативные корни и Великую Американскую Мечту, что вообще-то не американская, нечего все лучшее объявлять своим, а вековая мечта о справедливом мире без насилия.

Дуайт отнял кончик пальца от уха, взгляд его прояснился. Сигурдсон сказал саркастически:

— Что, никаких мин нет? Это была шутка?

Дуайт ответил с заметным облегчением:

— Только что доложили насчет океанологов.

— Все утонули? — предположил Сигурдсон.

— У вас мрачное настроение, — ответил Дуайт с упреком. — Океанологи на подходе. Как раз закончим завтрак.

Генерал посмотрел на него с подозрением.

— Намекаете, чтобы мы набивали желудки заранее?

— Почему? — любопытствовал Дуайт.

Генерал указал взглядом в мою сторону.

— Судя по самодовольному лицу доктора Лавроноф, нас ждут неприятности. Да такие, что в обед кусок в рот не полезет.

— Это у меня самодовольное? — спросил я с изумлением. — Генерал! Я уже сказал, меньше всего я хочу неприятностей для Штатов!.. Как бы это ни смотрелось со стороны, но мы на одной стороне баррикады. Ваши журналисты уже и вас заставили поверить, что мы враги?

— А я ваших читаю, — буркнул он. — Думаете, они лучше?.. Но аксиома, что даже в одной команде бегуны стараются прибежать быстрее соратника по команде!

— Но не стоит подставлять ему ножку, — уточнил я. — И не спортивно, на что демократам вообще-то наплевать, так как это пережиток старорежимного рыцарства, которого в Штатах вообще не было, но, самое главное, это невыгодно для команды.

Дуайт со вздохом сожаления отодвинул пустую чашу.

— Надо было и мне, подобно генералу, заказать чашку побольше. Чувствую, день будет не просто трудным, а сумасшедшим.

— Доктор Лавроноф умеет радовать, — буркнул Сигурдсон. — Как вообще вся его сумасшедшая Россия.

Дуайт поднялся из-за стола, я закончил со своим кофе еще раньше и тоже поднялся. Генерал встал следом, грузный и важный, он же армия, а не какие-то секретные службы, что ни черта не делают, потому и держат все в секрете.

Дуайт на выходе в коридор придержал меня за рукав.

— Вы остановились в «Омеге»?

— Да.

— Как вам там?

— Все прекрасно, — ответил я. — Номер просто огромный.

— Обслуживание?

— На высоте, — ответил я дипломатично. — У вас же демократия, чуть что не так, сразу человека на улицу.

— Ну хоть не в тюрьму, — отпарировал он, — как в некоторых странах, не буду указывать пальцем.

— Пальцем указывать неприлично, — напомнил я, — но американцы такого слова не знают?.. Отель ваш?

— Числится за нами, — ответил он, — хотя политику ведет свою. Им главное — прибыль, а за те номера, которые бронируем на всякий случай, приходится все равно платить, живет там кто из наших или нет. То ли дело у вас, никакой коммерции! А кто пикнет, тому пулю в затылок и в канаву.

— Завидовать нехорошо, — сказал я с укором, — может быть, давайте я вас сразу перевербую?

— Надо подумать, — ответил он. — Сперва нужно досконально узнать, какие у вас льготы, премии, доступности...

— Посоветоваться с домашним юристом, — добавил я в тон.

— И психоаналитиком, — согласился он. — Как вы знаете, без совета с ним американец даже в носу не поковыряется.

В коридоре возле двери нашего зала уже стоят, переговариваясь, генералы и пара гражданских. Нас увидели издали, начали заходить в зал, как школьники при виде учителей.

Дуайт слегка замедлил шаг, Сигурдсон так же молча пошел вперед и присоединился к военным.

— У нас не только отель коммерческий, — сказал Дуайт тихонько, — но и весь мир коммерческий. Вас начнут приглашать на различные вечера, встречи, увеселения и всякое-всякое, потому пользуюсь случаем сказать пораньше, что завтра вечером вы приглашены на раут в Бэст-хаус.

— Ой, — сказал я опасливо, — я же абсолютно не раутный человек!

— Положение обязывает, — ответил он. — Раз уж вы покинули лабораторию, то придется жить по таким прекрасно безобразным нормам современного общества.

— А без этого...

Он вздохнул, развел руками.

— Надо, мистер Лавроноф, надо.

Мы вдвинулись в зал, кое-кто уже сел, остальные оставались на ногах, беседа. Я ответил с неуверенностью в голосе и мимике, чтобы прямолинейному в бытовых вопросах американцу было понятнее:

— Да не знаю, удобно ли...

Дуайт вздохнул.

— Мир Америки уже стар, доктор Влад. Даже когда рушится, традиции все равно блюдутся. Завтра и послезавтра уик-энд, а в это время даже президент страны играет в гольф и просит его не тревожить.

Сигурдсон, все равно не отходя от нас далеко, повернулся, морщась на такие непатриотические речи, лицо выразило полнейшее неодобрение.

— Вот так, — прорычал он с угрозой, — вся страна рухнет. Мистер Лавроноф это знает. Русские точно нападут именно в ночь перед субботой. И в гороскоп можно не заглядывать.

— Или с субботы на воскресенье, — сказал Дуайт, — когда все в чужих постелях... и никто не знает, где кого искать.

— Запишу, — ответил я. — Ценные сведения.

— Так что, — добавил он, — смело вливайтесь в наше старое прогнившее общество. Вы русский, для вас одежда свободная.

Некоторые из генералов ехидно, хотя и очень сдержанно заулыбались, я ответил кротко:

— В России научились носить костюмы от лучших портных раньше, чем открыли Америку.

Сигурдсон буркнул в сторонке:

— Что, Россия была во времена Колумба? Ни за что не поверю.

— Но вы правы, — договорил я, — Россия воспрянула из пепла, потому снова молодая и полная силы. Может прийти в шикарном костюме, а может, выказывая молодые бицепсы, и в футболке с короткими рукавами.

Дуайт сказал с непонятной ноткой:

— Молодые всегда стремятся применить свою силу.

Я ответил с тонкой улыбкой, похожей на лезвие десантного ножа:

— Мудрых голов в правительстве хватает. Хорошо, за приглашение спасибо, но до вечера еще дожить надо! Я же в Пентагоне, урочище Зла и цитадели Мордора.

Дуайт запротестовал:

— Эй-эй, это же у вас Мордор!

— Точно? — переспросил я. — Ну тогда ладно...

Сигурдсон сказал нервно:

— Вы так с ходу серьезные вопросы не решайте! Может быть, все-таки Мордором лучше быть нам. Как-никак империя, порядок, прекрасная дисциплинированная армия...

— За вами вечером в отель придет машина, — пообещал мне Дуайт и оглянулся в сторону двери. — Где же океанологи?

Джон Арнольд, как чертик из коробки, моментально появился в дверном проеме.

— Идут-идут!.. — заверил он быстро. — У них возникли какие-то затруднения с пропусками.

— Серьезные? — спросил Дуайт.

— Нет, — заверил Арнольд. — То ли помяты, то ли показали вверх ногами. Это же ученые! У них все не как у людей.

Дуайт кивнул, а я спросил:

— Океанологи... это специалисты по рыбам?

Он покачал головой.

— И не по ракушкам. Вы же сами сказали, у нас морское дно с обоих берегов очень уж непростое. Потому изучают его очень тщательно.

Приблизился один из генералов, имени которого я не должен знать, так как не назывался, но это генерал Джон Дейли, отвечающий за координацию, специалист по тактике, живет в Аризоне, женат третьим браком, двое детей от первого, один от второго и ничего от третьего, но зато в третьем счастлив. В доме собака по имени Бобби и черепашка Ники...

— Какого типа остальные мины? — спросил он у меня требовательно. — КК-45, или КА-87?

Подожли, прислушиваясь, еще несколько человек. Я вскинул руки.

— Господа, господа... Хотя вернее называть вас коллегами, я прекрасно понимаю вашу некоторую озабоченность атомными закладками вдоль обоих разломов у берегов вашей страны... но я действительно не в курсе! Я прибыл с целью координации и совместных действий насчет глобальных катастроф для всего человечества. Не для России или Америки, а для всего нашего вида. Биологического.

Генерал сказал настойчиво:

— Но именно вы сообщили нам про эту атомную мину...

— Только потому, — напомнил я, — что мне самому сообщили и просили передать вам информацию. Как я уже говорил, это не чья-то злая воля, а виной подводное землетрясение. Его зафиксировали все ваши сейсмические станции. Это не чей-то злой умысел, повторяю. Злой умысел произошел бы, если бы мы позволили найти ее не вам, а кому-то еще...

Сигурдсон постоял, прислушиваясь, сказал густым взреывающим голосом:

— Но вы должны понимать наше беспокойство, доктор Лавроноф. Сильнейшее, я бы сказал, беспокойство. И еще я бы кое-что сказал...

Дуайт сказал торопливо:

— Генерал, умоляю! Мы не на полигоне, где ваши танкисты опрокинули в болото танк... или всю бригаду.

— Не беспокойство, — уточнил генерал Дейли. — А тревогу.

— Даже тревогу, — подтвердил Сигурдсон. — Одно движение пальца в далекой России... и ги-

гантская волна смоем девяносто процентов населения нашей страны! Разрушит все города, все-все...

Я сдвинул плечами.

— Вы же отказывались понимать наше беспокойство вашими базами у наших границ? Вы окружили ими всю Россию, как волка красными флажками!

Сигурдсон сказал обозленно:

— Но никто из нас не собирается начинать войну!

— Из нас тоже никто, — ответил я.

— А мины зачем?

— Опять за рыбу гроши, — ответил я. — Мины лежат там не первый год... Хотели бы уничтожить Америку, давно бы рванули все разом. И, заметьте, ни одной мины с того времени не добавили!

Сигурдсон хмыкнул.

— Потому что все равно, всадить в затылок одну пулю или десять.

— Как это все равно? — переспросил я. — А удовольствие? Фрейд вас бы не понял.

— Верно, — сказал Дуайт приподнято, явно стараясь свести все к шутке. — Почему в затылок? Все по-честному. В лоб. Так интереснее, потом аппетит лучше.

— Или в переносицу, — добавил генерал Дейли. Подумал, сказал задумчиво, — а есть разница? Что-то беспокойно теперь буду спать...

— Однако же, — напомнил я настойчиво, — вы продолжаете перебрасывать из Штатов через океан на свои базы у наших границ атомное оружие!

Спохватился, что-то меня заносит, в самом деле прибыл по другому делу. То, что это они старательно сворачивают на тему атомных закладок вдоль разлома, понятно, но как-то я слишком уж манипулируем, что вот так поддаюсь, хотя вооб-

ще-то здесь все опытные политики, простаков не замечаю, кроме себя самого.

Понятно, у них возникло подозрение, что таким образом мы напоминаем насчет реального существования закладок, а то часть военных экспертов в Пентагоне продолжает утверждать, что распад СССР не позволил осуществить планируемое размещение атомных мин вдоль побережья Соединенных Штатов.

И сейчас понимают, что за такой срок мощь ядерных зарядов многократно возросла, а средства доставки и установки упростились до предела.

Такие мины теперь можно сбрасывать с любых пассажирских или транспортных кораблей еще задолго до территориальных вод США, а там мины сами доберутся до указанного места и зароятся на указанную глубину, где и будут терпеливо ждать сигнала.

Похоже, генералы все это прекрасно понимают, хотя некоторые узнали наверняка только вчера поздно вечером...

Сигурдсон хотел спросить еще что-то, но дверь распахнулась, Джон Арнольд почти впихнул молодого мужчину в расстегнутой рубашке и с небольшим старомодным портфелем в руке.

Дуайт кивнул Арнольду, тот поспешно отступил в коридор и закрыл за собой дверь. Дуайт подошел к прибывшему, протянул руку.

— Мистер Шейн? Кен Шейн?

Тот ответил на рукопожатие, огляделся.

— Да, я Шейн... что случилось такое срочное? Меня прямо с лекции увели!

— Нужна консультация опытного океанолога, — объяснил Дуайт. — А на вас указали как на лучшего.

Шейн пробормотал настороженно, но чуточку польщенно:

— Надеюсь...

— К тому же, — добавил Дуайт, — вы работаете по военным заказам, так что никакого нарушения режима секретности.

— И по военным тоже, — возразил Шейн, — но вообще-то я гражданский специалист и свои права знаю.

— Никто их не ущемит, — заверил Дуайт.

— Надеюсь, — ответил океанолог с понятной настороженностью.

— В общем, — сказал Дуайт, — только что на берег выкатило атомную мину, заложенную еще Советами. Ядерную. Проконсультируйте как специалист, насколько это реально и насколько опасно.

Океанолог в изумлении вскинул брови.

— Атомный взрыв? Но это не совсем моя специальность.

Сигурдсон сказал в нетерпении:

— Советы установили пояс таких мин вдоль нашего побережья! В океане на морском дне.

— А-а-а, — сказал океанолог обрадованно, — как интересно! Да, это как раз моя специализация. Не мины, конечно, а морское дно у наших берегов и его непростые особенности.

— Рад за вас, — буркнул Сигурдсон. — Хоть кто-то обрадовался такой новости.

Глава 9

Океанолог не понял или не захотел понимать, на глазах буквально расцвел, явно работа скучная, а тут такой подарок, можно блеснуть эрудицией, сказал с апломбом:

— Не найдется файла с картой морского дна восточного побережья?.. Или западного, если попадется первым... Да, сразу на экран. На главный. Спасибо, очень хорошее разрешение. Позвольте...

Он подошел к стене, подвигал в воздухе пальцами, увеличивая отдельные участки изображения, чувствуется опыт и знание темы, эрудированный парень, к тому же посвятивший себя изучению морского дна с удовольствием, а не потому, что кому-то надо.

Все, по-моему, тоже заметили, что океанолог свою работу любит не за жалование, когда он сказал с апломбом:

— Беда в том, что достаточно подрыва всего одной-единственной мины, если расположить ее в зоне разломов Сан-Андреас, Сан-Габриель или Сан-Хосинто!

— Почему так? — спросил с настороженностью в голосе Сигурдсон.

Океанолог покровительственно сообщил:

— Там земная кора тонюсенькая, а магма, соединившись с океанской водой, усилит мощь взрыва в десятки раз!

Кто-то в зале отчетливо выругался. По некоторым лицам я понял, это ухватили моментально, но Сигурдсон, хоть тоже вроде бы понял, но поинтересовался больше для других:

— Что это даст?

Океанолог радостно сообщил:

— Высота цунами будет уже от полутора километров до двух! Представьте волну полнейшего разрушения, что сметет все живое и все постройки на расстояние свыше двух тысяч километров!

По некоторым лицам я понял, генералы пытаются вспомнить, сколько тысяч километров от восточного побережья до западного.

Океанолог продолжил с радостным энтузиазмом:

— Пары горячей воды возгонятся в атмосферу и тут же, охладившись, обрушатся чудовищными ливнями, что уничтожат всякую жизнь и разрушат все оставшиеся постройки в пустыне или в горах!

Генералы с мрачной яростью обратили на меня взоры. В эти мгновения показались в самом деле похожими на символ Штатов, кого-то из стервятников, вроде белоголового орлана.

Я ощутил невысказанные вопросы, покачал головой.

— Насчет разломов можно не беспокоиться. Этот проект был отвергнут. А знаете почему?

— Из свойственного Советам милосердия, — сказал Сигурдсон саркастически.

— В Советах тоже были прагматики, — напомнил я. — Это саму революцию делали романтики, как и всегда, все революции их рук дело, но романтики править не могут, а взявшие власть прагматики мыслят... э-э... прагматично.

— Закладывают мины? — спросил Сигурдсон с тяжелым сарказмом.

— Одни окружают нашу страну военными базами, — ответил я, — другие в ответ минировуют побережье Штатов. Ответ адекватен!.. Именно адекватен, потому никаких закладок по разлому.

Я кивнул океанологу, тот понял насчет брошенного ему мяча и сказал уже с меньшим апломбом ученого:

— Проект мог быть отвергнут именно из-за тектонической активности, инициированной взрывом. Почти наверняка проснется Йеллоустонский вулкан. Верно я говорю?

Я кивнул.

— В точку.

Он сказал чуть бодрее:

— Обратная волна наверняка смоет Европу. Что для Советов хорошо, так это...

— Советов уже нет, — напомнил я. — Есть Россия, что вас радует меньше, я понимаю.

— Да-да, — сказал он торопливо, — это я так, по привычке. У нас многие еще так говорят.

— Отвыкайте, — посоветовал я. — Россия крепче орешек, чем были Советы. Кое-кто из вас уже понимает, почему.

— Это видим, — сказал от стола Дуайт, — так почему отказались?

Океанолог пояснил:

— С Европой смоет и весь НАТО, что для России хорошо и даже приятно, все любят подарки, однако сильно повредит и двум-трем регионам самой России. Хотя, конечно, Россия находится гораздо выше, чем Европа, та уже и сейчас кое-где ниже уровня моря.

— Спасибо, — сказал я вежливо. — Хороший и точный ответ. Как видите, руководство России даже не рассматривало такой катастрофический сценарий.

Сигурдсон, похоже, выразил мнение всего генералитета в зале, когда спросил едко:

— В самом деле не рассматривали?

— Не слишком дотошно, — уточнил я. — Одно дело, стереть с лица Соединенные Штаты, если слишком уж будут нарываться, другое дело — Ев-

ропу с двумя-тремя нашими регионами... Но я не знаю, откуда такая тревога? Это же вариант на самый крайний случай! Вы же сами уверяете, что Штаты не собираются нападать на Россию? И что военные базы не будут придвигаться все ближе и ближе?

Они переглянулись, на лицах справедливое негодование. Одно дело, когда они придвигают свои военные базы с ракетно-ядерным вооружением к кому-то на границу, другое — когда кто-то приближается с ядерной дубиной в руке к их землям.

Дуайт сказал дипломатически:

— Мистер Лавроноф, вы должны нас понять. Вы хоть и прибыли совсем по другому поводу, но именно вы любезно сообщили такую страшноватую весть... потому мы никак не можем перейти к теме борьбы с международным терроризмом...

— К теме глобальных катастроф, — уточнил я. — С международным терроризмом пусть борются другие структуры, старые и ленивые.

— Но почему же...

— А где результат? — спросил я. — Вы люди военные, потому можем говорить откровенно, не так ли? Мы в России не образец поведения, понимаю... да и нет таких образцов!.. но когда находим тварей, жаждущих уничтожить человечество или хотя бы его немалую часть, то давим их самих, как тараканов. Без суда и следствия, так как насчет их судеб просто не может быть двух мнений.

Дуайт проговорил с достоинством:

— У нас правовая система. Даже для таких людей. Никто не может быть приговорен без суда и следствия.

Я покосился на генералов, они дипломатично промолчали, а я, высказывая их зажатое в кулак мнение, поинтересовался:

— А когда идет война, вы каждому солдату на той стороне предъявляете обвинение по суду?..

Генералы посмотрели на меня с интересом, а Дуайт сказал мрачно:

— То война...

— С террором идет война, — отрезал я и покосился на генералов, вроде бы начинаю набирать очки. — Беспощадная!.. Тем более с замышляющим уничтожать нас целыми странами.

Сигурдсон сидит с каменным лицом, молчит, как две рыбы об лед, но чувствую, как от него идет волна понимания.

Дуайт прислушался к зажиму на ухе, сказал с облегчением:

— Фрэнк Вачмоут и Крис Реншоу уже прибыли. Оба возглавляют в своих городах Центры по изучению рисков глобальных катастроф!.. Сейчас они входят в лифт.

Генерал Сигурдсон произнес жирным голосом:

— Полагаю, им для обсуждения своих проблем лучше выбрать более уединенное помещение. А мы здесь пока подумаем над сложившейся ситуацией. В более репрезентивном кругу.

Дуайт повернулся ко мне.

— Мистер Лавроноф?

— Да, — ответил я. — С удовольствием.

Он посмотрел на меня хитро, мы вышли в коридор, там шепнул едва слышно:

— Хорошо я вам подыграл?

— Даже замечательно, — пробормотал я. — Я поверил, что все искренне.

— Я искренне, — ответил он с сокрушенным видом, — но умом понимаю, что на это время демократию нужно отложить.

Я смолчал, на мой взгляд, именно демократия привела наш мир к этому расцвету, но в нынешних условиях в самом деле придется ограничить в ее вольностях, а потом отложить, и, полагаю, доставать вольности из того пыльного чулана уже не придется.

Из лифта вышли двое в гражданском и одетые с некоторым бунтарством в цветные рубашки с короткими рукавами и брюки с укороченными штанинами, что не закрывают щиколоток.

Дуайт кивнул мне, я пошел с ним рядом на встречу гостям. Более рослый протянул руку Дуайту, угадав в нем старшего, потом мне.

— Фрэнк Вачмоут, — представился он. — Что же у вас такое стряслось?.. А это существо со мной рядом Крис Реншоу. Вы не смотрите, что он такой... он вообще-то разумен.

Дуайт посмотрел на обоих, напряженное лицо чуть дрогнуло в подобии улыбки.

— Ребята, как я вижу, вас сдернули с рабочих мест и не покормили в дороге? Тогда пойдемте в зал совещаний через кафе. Здесь это близко...

— На стыке корпусов, — сказал Фрэнк, показывая, что бывал здесь, знает. — Как и везде, чтобы сэкономить площадь. Прекрасная идея! Я в самом деле готов стол сгрызть, если не принесут быстро подкормиться.

Его напарник сказал в нерешительности:

— Может, пусть нам в зал принесут кофе и бутерброды? Чтобы не терять время?

Фрэнк воскликнул:

— Ты чего? Здесь знаешь какие цыпочки ходят?.. После президентского указа насчет заполнения квоты для женщин сюда набрали с вот такими!.. Все равно из них понятно, какие работники, так хоть пусть своим видом радуют и поднимают... ну да, настроение.

Дуайт посмотрел на меня, я понял, кивнул.

— Мне добавочная чашка кофе еще никогда не мешала.

В ресторане я с ходу заказал кофе, Дуайт велел принести и ему, но, глядя, как уминают бифштексы Фрэнк и Крис, разохотился и заказал нам еще и по бутерброду с сыром.

Фрэнк ест быстро, запивает красным вином, его в очередной раз объявили полезным, как и белое, а настоящий американец всегда держит нос по ветру и соблюдает тренды, Крис пожирает медленно и безостановочно, как комбайн силос.

Мы с Дуайтом наслаждались кофе, цэрэушник тоже из тех нормальных, для кого кофе никогда не бывает много.

— Это здорово, — сказал Фрэнк с набитым ртом, — выходит, и в России начали задумываться над такими проблемами?

Я смолчал, Дуайт ответил с усмешечкой:

— Кто-то из великих вроде бы сказал, что русские долго запрягают, но потом их не остановить?

Фрэнк спросил с живейшим интересом:

— Это как?

— Русские уже запрягли, — объяснил Дуайт. — И поехали... Нам придется догонять. Но сейчас мы сами тормозим миссию, с которой прибыл доктор Лавроноф. Он прибыл по установлению контактов и обмену информацией, а тут...

Крис только зыркнул над тарелкой, а Фрэнк сразу спросил живо:

— Что-то случилось? Я заметил, все какие-то нервные...

— Странно, да? — спросил Дуайт. — Когда нервничают генералы, все страна прячется под столы. Потому их учат быть всегда спокойными и величественными.

— Зря нервничают, — ответил я успокаивающе. — Вы, как коллеги и даже соратники, поймете лучше. Я имею в виду: мне коллеги, не генералам.

Фрэнк кивнул.

— Да, это точнее. Соратники.

— Принимаю уточнение, — сказал вяло Крис. — Вообще ученые... один народ и одна нация. И даже одна вера.

— В чем бы, — сказал я, — и как бы наши страны ни соперничали, сейчас у нас один враг. Стопроцентный враг как для вас, так и для нас. Разумеется, и для остального человечества, хотя оно нас интересуется меньше, простите за откровенность.

Глава 10

Они слушали внимательно, даже грубую шутку проглотили с таким видом, словно от русского ничего не ждут иного, но на лицах скрытая заинтересованность и чисто человеческое желание демократов понять, что обломится им лично.

Фрэнк поинтересовался с прежней настойчивостью:

— А что случилось? Нас оповестили еще вчера, но у вас возникли какие-то непредвиденные сложности...

— Не у меня, — ответил я. — Здесь... хотя да, сообщил я.

— А что...

— К нам не имеет отношения, — успокоил я.

Дуайт сказал с невеселой усмешкой:

— Но чашки поставьте, а то вдруг обольетесь. У меня и то руки дрогнули, а сердце ушло в пятки. Доктор Лавроноф?

Я кивнул и продолжил несколько деревянным голосом:

— Просто еще в древние времена Хрущева наш академик Андрей Сахаров предложил Лаврентию Берии, который тогда курировал наши атомные проекты, смыть Америку вообще с лица земли. Гигантская волна пришла бы со стороны Атлантики и смыла, как пыль на асфальте, Нью-Йорк, Филадельфию, Вашингтон и чертов Пентагон.

Оба застыли, глядя на меня остановившимися глазами. Наконец Фрэнк прошептал:

— Это... это всерьез?

— Такие были времена, — сказал я успокаивающе. — Правда, сейчас еще хуже, но это не важно, мы же привыкли?..

Дуайт пробормотал:

— Человек ко всему привыкает. Даже странно... где предел?

— Если всего одну, — сказал я, — но достаточно мощную бомбу расположить на западе, то цунами с той стороны разрушит Сан-Франциско, Лос-Анджелес и остальные тамошние города.

— Боже правый, — пробормотал Крис так, словно воскликнул.

— На побережье Мексиканского залива, — закончил я, — будут уничтожены Хьюстон, Новый Орлеан и прочее-прочее, а самое главное — на

берег выбросит сотни подводных лодок из бухты и доков, все стоящие на приколе авианосцы и вообще весь флот.

Крис поинтересовался, сам как будто не веря тому, что произносит:

— Все порты и морские базы на западном и восточном побережье будут разрушены?

— Целиком и полностью, — подтвердил Дуайт с язвительной любезностью.

Я кивнул.

— Академик Сахаров считал это морально приемлемым, у нас такая особая интеллигенция. Правда, Капица, Тамм и другие величайшие ученые всячески отговаривали его от такого людоедского поступка. Но окончательную точку поставил командующий военно-морским флотом Советского Союза, который заявил, что отказывается принимать на вооружение то, что уничтожит и мирное население. Это к тому, что какие у нас интеллигенты, и какие меднолобые. С моральными принципами.

Фрэнк спросил шепотом:

— Но... мины все-таки поставили?

— Намного позже, — сказал я успокаивающе. Он посмотрел исподлобья.

— А что это меняет?

— Никто не собирался их ставить, — пояснил я. — Но когда ваши военные базы начали приближаться к России, охватывая ее в кольцо, тогда наконец и командование военно-морскими силами сочло приемлемым ответом начинать закладку атомных мин.

Я почти видел, как на Фрэнке вздыбливается звериная шерсть, а во рту выдвигаются волчьи клыки.

— Мы защищали, — сказал он, повышая голос, — своих союзников!

Я ответил так же ровно:

— А когда вы начали у наших границ размещать пусковые установки для ракет с ядерными зарядами, то военные переменяли свою точку зрения, гуманисты сраные, и даже начали потопливать ученых. Так что, да, закладка атомных мин предельной мощности прошла именно тогда. Быстро, слаженно и с готовностью применить как только, так сразу.

— Оружие Судного дня? — спросил Фрэнк.

Я покачал головой.

— Что вы, что вы!.. В поисках Оружия Судного дня будем участвовать и бороться мы с вами. Я имею в виду, искать и уничтожать террористов нового поколения. А эти атомные мины у вашего побережья — пустяк, сметут с лица планеты всего лишь Америку. Уверяю вас, на популяции человеческого рода это не отразится. Почти не отразится.

Судя по их лицам, такое заверение почему-то совсем не успокоило. Крис пробормотал устрaшенно:

— Всего лишь Америку... Хорошо сказано.

— Да, — подтвердил я. — А основная масса человечества не пострадает! Правда, здорово?

Оба смотрели на меня угрюмо, что-то мой оптимизм совсем не вдохновляет, а если это русские так шутят, то в жопу таких шутников... но когда у обоих берегов пояс из атомных мин, то и в жопу послать как-то рискованно.

— Вам это хорошо говорить, — буркнул Фрэнк. — А мне кусок в горло не лезет.

— Запейте, — посоветовал я. — Здесь прекрасное вино из самой Шампани. Не думал,

что встречу, хотя на военные расходы в Штатах вбухивают самые огромные деньги, верно?.. Вообще предлагаю не отвлекаться на такую ерунду, как эти мины. В конце концов, мы с вами работаем над решением проблемы глобальных катастроф! А минами пусть занимаются люди попроще. Военные, разведчики, правительство...

Дуайт недовольно хрюкнул в чашку, допил остатки и отодвинул на середину стола.

— Да, конечно, вы же белая кость. Вообще-то я сразу, доктор Лавроноф еще летел над Атлантикой, разослал приглашения главам наших комитетов по изучению катастроф.

— Могли бы и пораньше, — сказал Фрэнк с неудовольствием. — А то бросай все, бегом на аэродром!

Дуайт развел руками.

— Но так как доктор Лавроноф прилетел без всякого согласования... мы только после его прилета поняли, почему такая спешка. Да и наших специалистов не удалось вот так сразу сорвать с мест. Все либо не могут оставить на помощников, либо в экспедициях...

— Но с нами доктора Фрэнк Вачмоут и Крис Реншоу, — сказал я бодро, — а они крупнейшие специалисты.

Фрэнк сказал с неловкостью:

— Да ну ладно...

— Доктор Вачмоут, — добавил я, одновременно просматривая Интернет, — опубликовал великолепнейший доклад о рисках генетических экспериментов, он размещен в журнале Science за январь этого год, а доктор Реншоу впервые свел таблицы рисков в одну схему, которую сразу же

приняли на вооружение во всех наших учреждениях... в ваших, кстати, тоже.

Оба выглядели обрадованными, удивленными и польщенными, Фрэнк пробормотал:

— Спасибо за оценку... Работа Криса в самом деле помогла проталкиванию нашего дела в сенатских комитетах. Им только картинки и понятны, а он расписал все так, что и младенцы поймут.

— А твоя, — ответил Крис, — побудила создать еще один комитет по оценке рисков, связанных с экспериментами в генетике... Доктор Лавроноф, я просто уверен, что наше руководство будет целиком за более интенсивное вмешательство в эти... проблемы. В решение этих проблем.

— Отлично, — сказал я с облегчением. — Именно за этим я и приехал.

— Что предлагаете?

— Мы должны установить надежный канал по обмену информацией. Потому что, как ни крути, а основная тяжесть ложится на плечи России и Соединенных Штатов. Вижу, сэр Дуайт хочет уточнить, что не на плечи России и Штатов, а на плечи Штатов и в некоторой степени России, но хочу напомнить, что мы уже начали выжигать эти гнезда по всему миру. Пусть у нас меньше сил, но мы уже воюем с мировым злом, а вы все еще запрягаете.

Дуайт сказал примирительно:

— Не так важно, кто начал раньше. Вы правы, мы должны обмениваться информацией. Не сомневаюсь, у нас ее больше, но отдаю вам должное, вы нанесли удары сразу же. Быстро и решительно. У нас же гири в виде многочисленных сенатских комиссий и прочих-прочих комитетов по контролю над военными.

Фрэнк сказал с некоторой завистью:

— Вам в России везет. Последние руководители страны либо из КГБ, либо из военных, потому у вас все исполняется быстро.

Лицо Дуайта стало отстраненным, некоторое время прислушивался, что ему передают прямо у уха, потом вздохнул и сказал мрачно:

— Сейчас сообщили, завтра в расширенном заседании нашего комитета примет участие генерал Барбара Баллантэйн. Из сенатского комитета по контролю за нашими действиями.

Я нервно дернулся.

— А это еще кто?

— Чума, — ответил Дуайн невесело. — Гроза военного бюджета. Она и есть глава по расходованию бюджетных средств в армии. И вообще надзирает за нами так, словно мы в концлагере.

— Эх, — сказал я. — А без нее никак?

— А куда денемся? — буркнул он.

— Но вы же армия! И секретные службы!

Он покачал головой.

— Хотите, чтобы нас обвинили в подготовке международного заговора с целью захватить власть?

— Чего-чего? — перепросил я, не веря своим ушам.

Он объяснил раздраженным голосом:

— У нас демократия, рты всем не заткнешь. А любителей проверять чужие карманы у нас поощряют.

Фрэнк буркнул:

— В России тоже к тому идет.

— Там КГБ правит всей страной, — напомнил Дуайт. — На таких условиях и я бы не отказался. Но когда приказы нам отдают вздорные бабы...

Он осекся под строгим взглядом Криса, поспешно улыбнулся, сводя все к шутке, но все равно у меня осталось впечатление о нарочито допущенном как бы проколе, чтобы намекнуть мне на некую общность наших позиций насчет крепкой руки на посту главы государства.

Я спросил с вежливой настороженностью:

— А насколько у нее много власти?

— Больше, — сказал Дуайт невесело, — чем у нас.

— Ого!

— В смысле, — добавил он, — без ее разрешения и чихнуть нельзя.

— А она... специалист?

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Шутите? Она политик. А политики не бывают специалистами.

— Это специалисты подковерной борьбы, — уточнил Фрэнк. — Кому подставить ногу, кого ударить в спину, подсунуть компромат, пустить слухок... Кофе был великолепен! Я готов.

Крис поднялся следом за ним, мы с Дуайтом вышли из-за стола. День начался неплохо, как мне кажется, хотя с мелкими шероховатостями и трениями.

Посмотрим, как пойдет дальше.

Дальше пошло, как ни странно, намного лучше. У Фрэнка и Криса материала собрано столько, что моей группе набирать еще сто лет, но в Штатах таких центров по оценке катастроф десятки и работают не первый год.

Я просматривал, охал и ахал, хотя, конечно, практически все уже просмотрел в инете раньше и сделал выводы, но мне обязательно нужно

ссылаться на что-то, не раскрывая себя, потому наконец сказал в изумлении и восторге:

— Коллеги, это просто чудо. У вас такие наработки... Сэр Дуайт, вы видите, насколько риски велики?.. Вот здесь вот-вот рванет, а вот отсюда эпидемия не позже чем через две недели пойдет сперва по штату Небраска, а потом захватит соседние и оставит... несколько миллионов трупов...

Дуайт остро взглянул на Фрэнка.

— Это верно?

Фрэнк, в свою очередь, посмотрел на меня.

— Я бы сказал, дорогой Дуайт, мы все встретили в лице доктора Лавроноф крупнейшего специалиста. Он сразу выявил самые больные места...

Я уточнил:

— Самые больные вообще-то Айова и Миссури....

Фрэнк кивнул.

— Да, верно, я неточно выразился. Это не самые больные, а те, которые вот-вот... В то время как Аризона и Невада приведут к масштабной катастрофе где-то через полгода.

Дуайт выругался.

— И что руководство?

Фрэнк потемнел лицом, а Крис ответил непривычно для его мягкого лица злым голосом:

— Я бы посоветовал вам срочно продать недвижимость, если у вас есть в Калифорнии, забрать оттуда семью, уговорить покинуть хотя бы на время близких друзей... Остальное население, как догадываетесь, обречено на гибель с нашей политикой все досконально прорабатывать в сенатских комитетах и подкомитетах.

Я сказал с сочувствием:

— Вообще-то закон о предварительном слушании в комитетах и подкомитетах очень хорош и правилен, позволяет избежать неверных и просто поспешных решений, но сейчас все ускорилося и все ускоряется... Время другое, нужны другие законы.

Дуайт огрызнулся:

— Своей стране указывайте!

— Вы правы, — ответил я мирно. — Время другое для всех стран, и законы должны меняться везде. Кто не успеет, тот погибнет. Давайте выделим еще несколько самых явных и... понятных для тех, кто решает. А дальше сэр Дуайт понесет своему руководству, а оно, видимо, президенту.

— Если не побоится, — сказал Фрэнк невинно.

Дуайт сказал недовольно:

— Это у вас так. Сразу президенту, а он своим приказом, а то и просто телефонным звонком велит найти и уничтожить. Тем более когда вы уже нашли.

Я сказал со вздохом:

— Ребята, не нападайте на меня. И на Россию. Вы в свое время, якобы борясь с Советским Союзом, на самом деле желали, чтобы он существовал как можно дольше, постепенно слабея и слабея. Мы же, следуя вашей логике, должны поддерживать нынешний строй Штатов и всю уже неэффективную систему. Но мы хотим вам добра...

— А почему таким угрожающим тоном? — спросил Фрэнк.

Я кивнул, показывая, что шутку понял, сказал как можно более убедительнее:

— Те из нас, россиян, кто критикует вашего президента за слабость и нерешительность, на самом деле жаждут более активных действий Америки! Да, новый может попереть и против России намного активнее нынешнего, но по нашим прикидкам все же вместе с Россией ударит по настоящим врагам. Те к тому времени станут еще сильнее и наглее, потому опасности для человеческого рода возрастут. И Америка увидит, кто враг на самом деле.

— Это верно, — сказал Фрэнк невесело, — позвольте познакомить еще и вот с этими материалами...

Но в его сдержанном голосе я уловил гордыню, есть чем побахвалиться перед русскими, у которых пока только-только начал работать первый центр, а в Штатах их уже с десятков, и собирают материалы не первый год.

Глава 11

Крис вывел сразу на все экраны содержимое полдюжины папок, наперебой с Фрэнком принялись комментировать и прояснять неясные моменты.

На мое удивление, даже Дуайт врубается сразу, что значит хорошая общая подготовка старшего агента ЦРУ, где дураков не держат, а если кого и берут по протекции да по знакомствам, то держат на непыльной работе, откуда никакого влияния не оказывают, кроме нагрузки на федеральный бюджет.

Так проработали до вечера, дважды прерываясь на кофе и сэндвичи, наконец Дуайт взглянул на часы и охнул:

— Ого!.. Что-то мы заработались. Ребята, давайте прервемся до завтра. Фрэнк и Крис, вам тоже нужно отдохнуть, а с утра продолжим.

Фрэнк поднялся, сладко потянулся с протяжным завыванием.

— Да, понимаю. Для вас нагрузка слишком уж...

Дуайт кивнул.

— Да-да, мне привычнее стрелять и ножом по горлу. А вы думать заставляете!

— Тяжело? — спросил Фрэнк с сочувствием.

— Мускулатура мозгов уже ноет, — признался Дуайт. — Чувствую, как молочная кислота все там щиплет и разъедает...

— За ночь рассосется, — успокоил Крис. — Мозг достаточно пластичен. Хотя насчет мозгов специальных агентов не уверен...

— У нас они каменные, — согласился Дуайт. — В общем, за ночь все осмыслится, утрясется. И подумаем, в каком виде стоит подать руководство. У нас это важно, все-таки Штаты — страна цивилизованная, без вождизма.

— Если не так подашь, — уточнил я, — можно и по голове получить?

— Это обязательно, — ответил он. — У нас все исполняется и дороги строятся!

Я мирно ответил на шпильку в адрес моей страны:

— Точно, страна просто прелесть, вот только народ в ней... ладно, смолчу, вы же все патриоты, хотя ваш патриотизм — наибольшая дикость и препятствие на пути к будущему.

Фрэнк и Крис начали собирать флешки и рассовывать по карманам, а Дуайт сказал мне дружески-настойчиво:

— От светского раута не увиливайте!.. Это один из лучших путей понять Америку. И самих американцев.

Я без всякого усилия изобразил улыбку: цивилизованные люди должны уметь высказывать любые эмоции в отличие от нецивилизованных, что все еще отвратительно искренни, лгут хреново и неумело, вызывая наше справедливое презрение более продвинутых в лицемерии, что неотъемлемая часть приличного воспитания и хорошего тона.

— Да, — ответил я, — конечно! А как же, помню-помню. Светские рауты... Подумать только, у американцев! Давно перестали ноги на стол забрасывать?

— Пришлю за вами автомобиль, — пообещал он с приятной улыбкой, но под ней прозвучало, что никуда не денусь, меня уже обложили, как русского медведя в берлоге. Под колпаком буду до той минуты, пока меня не посадят под белые руки в самолет на обратный рейс и не проследят, чтобы не выпрыгнул из самолета при взлете, как Шварценеггер в молодости. — Все будет в порядке, о технических деталях не беспокойтесь.

— Да какие беспокойства...

— Я тоже там буду, — добавил он с шутливой угрозой, — так что не увильнете.

— Спасибо, Дуайт, — сказал я. — Как бы я без вас жил?

Он улыбнулся.

— Не переигрывайте, американцы не все тупые. Ваш европейский юмор понимаем, если не совсем уж исчезающе тонкий, когда становится совсем плоским.

— В котором часу? — спросил я.

— Примерно в десять вечера, — ответил он. — Шофер позвонит за полчаса, а потом уже из вестибюля вашего отеля. Успеете собраться, каким бы бесстыдством ни занимались в нашей свободной демократической стране.

— Ничего, — заверил я, — чем-нибудь займусь до десяти. Лучше, какой-нибудь антиамериканской деятельностью.

Он приятно улыбнулся.

— Думаете, мы ждем чего-то иного? Вы, жители тоталитарных стран, ничего для себя, все для фатерлянда.

— Мы такие, — подтвердил я. — Сейчас что считается антиамериканской подрывной?

Он вздохнул.

— Мыслите устаревшими штампами? Это раньше антиамериканской деятельностью были только убийства и диверсии, а теперь список разбук так, что даже глава сенатской комиссии все с ходу не назовет.

— Как интересно, — сказал я заинтересованно, — вот развернись!

— Все и я не знаю, — признался он, — доклад на двухстах страницах, но на последней видел харассмент, отрицание голодомора на Украине, в Молдавии, Уганде и еще двенадцати странах... и в конце страницы отрицание преимущественных прав геев и прочих еще не определившихся с предпочтениями сексуальных меньшинств...

Я переспросил опасливо:

— Только на последней странице?

Он сказал сурово:

— Не улыбайтесь так злорадно, доктор Лавроноф! Это вовсе не значит, что я хотел бы захватить Америки вашими большевиками на медведях!..

Я лояльный американец и патриот. У нас все патриоты, посмотрите только на флаги, торчащие из каждого окна!.. Думаете, это только из-за высоких штрафов для невывесивших? Ничего подобного, для американца такие штрафы раз плюнуть... В нас иногда просыпается русская натура, полная дури и беспечности.

— Но вообще-то американцы каждый пенс берегут, — напомнил я невинно. — Немецкая практичность, что легла в основу американской нации, рулит.

— Это уже американская практичность, — уточнил он. — У нас все американцы! Даже бывшие русские.

— Как у нас все были советскими, — ответил я так же невинно. — И тоже казалось, что так будет вечно... Хорошо, до встречи на приеме!

Он кивнул, а когда я шел к выходу, чувствовал его задумчивый взгляд между лопаток, похожий на сфокусированную красную точку лазерного прицела, малость смещенную в левую сторону.

В отеле к лифту прошел мимо распахнутых дверей ресторана, где успел увидеть мелькнувшую фигуру той стройной официантки, что Джеми Франклин, но я этого пока не знаю, зато знаю, что, пока общался в Пентагоне, сервер пополнился на сто двадцать терабайтов фото, роликами и и-мейлами со всех концов света.

Ничего особенного, по крайней мере для меня, а наше руководство в расчет не беру, там такие же люди, как и здесь, а это значит, смотрят только под ноги, чтобы не споткнуться или не наступить на мину, а вперед зрят не больше чем на два шага.

Я же, как трансгуманист, должен принимать в расчет только интересы человечества, а не местных царьков, как бы они ни назывались: президенты, премьеры, канцлеры, султаны, халифы или магараджи.

Потому то, что знаю я, не будет поставлено на службу ни моему правительству, ни чужому, так как для меня все немножко чужие, в смысле, рудименты прошлого.

Пока еще полезные и даже необходимые, но трансгуманисты обязаны смотреть не на два шага вперед, а стараться увидеть как можно четче то, что маячит далеко и даже очень далеко впереди.

Тихонько звякнул мобильник, я машинально включил, думая еще о том, как завтра избежать разговора про мины, а сразу о глобальных рисках, слуха коснулся тихий смех, тут же прозвучал очаровывающий голос Синтии:

— Что-то с картой?.. Показывает, ты в Америке, в Вашингтоне... Ты где, Володя?

С экрана на меня с интересом смотрит ее бесконечно прекрасное лицо, иногда природе удается создавать такие шедевры, что просто сердце щемит. Нужно хорошенько просмотреть ее генокод, выявить, что там и как, потом все можно воспроизвести в лаборатории.

Я поднял смартфон над головой и медленно покрутил во все стороны, стараясь, чтобы объектив камеры захватил интерьер, а потом подошел к окну и показал вид на далекий, но все же узнаваемый Пентагон.

— Сейчас в гостинице, — ответил я мирно. — Через часок на некий светский раут, а утром снова в Пентагоне... А как ты?.. Свадьба уже состоялась?

Она сказала с укором:

— Ну что ты!.. Так быстро не делается. Мы хоть и современные, но желаем, чтобы такое осталось в памяти.

— Вы и так запомните...

— Чтоб осталось у всех в памяти, — пояснила она. — Родители приглашают всех и своих друзей.

— А-а, — протянул я. — Мне всегда казалось, ты просто ультрасовременная.

— Не во всем, — заверила она. — По большей части я консервативная. Но современной быть модно, а я не желаю выделяться в худшую сторону.

— Ты можешь выделяться только в лучшую сторону, — заверил я.

— А ты что там делаешь? — поинтересовалась она. — Смотришься просто здорово!.. Какое-то лечение особое в Америке?

— Да какой-то сбой в организме, — пояснил я. — Моя хворь остановилась, потопталась на месте, а потом пошла в обратную сторону. С этими мутациями никогда не знаешь заранее, что получится.

— Может быть, — предположила она, — ты теперь здоров?

— Не знаю, — ответил я. — Самая неясная область в медицине — мутации. Может быть, причина болезни исчезла, а может... не хочу даже предполагать.

Она зябко передернула плечами.

— А что ты там делаешь?

— Днем совещания в Пентагоне, — сообщил я, — а вечером, как уже сказал, светский раут с местной знатью, это тоже обязательное. Комильфо, везде комильфо.

Она сказала завистливо:

— Говоришь местной, как будто это провинция! Но это Вашингтон, где самые-самые!

— Да мне без разницы, — ответил я честно. — но протокол обязывает. Придется даже костюм напялить. Как-то в джинсах и футболке вроде бы не совсем уместно...

Она весело расхохоталась, я со щемом вслушивался в ее звенящий волнующий голос и не понимал, хочу ли, чтобы звучал для меня, как жаждал раньше, в конце концов все женщины такие, им тоже выживать надо, мужчин ищут надежных, устойчивых, которые могут обеспечить им будущее, а я таким точно не был.

— Ты неисправим!

— Похоже, — ответил я с грустью.

— А почему так невесело? — спросила она с веселым упреком. — Женщины больше любят стойких мужчин. Это мы, слабые, легко поддаемся моде, да и то потому, что боимся показаться недостаточно современными.

— А если бы не боялись?

— Остались бы старомодными и консервативными, — заверила она.

— Да ну ладно...

— Мы, женщины, — сообщила он, — более гибкие, чем вы, мужчины. В социализации. Вы творите мир, а нам приходится приспосабливаться. Под мир, который вы создаете и... под вас.

— Ого, — сказал я невольно, — ты открываешься с другой стороны.

— Просто открываюсь, — мягко сказала она.

— А раньше?

— Все мы закрыты, — объяснила она. — Открыться... это же стать беззащитной! Любой муж-

чина и то закрыт, как Чехов в футляре, а что уж нам, женщинам?

Вторая часть моего сознания, что в это время бесконтрольно шарит по инету, нагло выловила цитаты из только что появившегося во Франции пособия «Как очаровывать мужчину», Синтия следует по пунктам, даже не изменяя формулировки, чтобы сказать своими словами, но все равно такое открытие не оставило разочарования. Все мы прибегаем к каким-то трюкам, чтобы понравиться. Разве не для того качаем мускулатуру и подтягиваем животы, а женщины делают прически и красятся?

— Да, — ответил я. — Да, раскрываться полностью... это показать свою животную сущность. Культурный человек никогда и ни перед кем ее не показывает.

Она засмеялась, но, как мне показалось, чуть вынужденно, а я ругнул себя, напоминая, что с людьми, особенно с женщинами, нужно держаться проще и говорить доступнее.

— Нейрофизиолог, — сказала она чуть насмешливо, но так, чтобы это прозвучало похвалой, мужчины еще обидчивее женщин, но в силу доминантности это скрывают намного тщательнее. — Ладно, когда вернешься в Москву... сообщи.

— Да, конечно, — пообещал я.

Она улыбнулась многообещающе, я увидел движение ее руки, и связь прервалась.

Почти сразу над дверью мигнул огонек, мужской голос проговорил из динамика:

— Мистер Лавроноф, ваш автомобиль подан к центральному входу.

— Даже к центральному, — пробормотал я. — Я думал, здесь только один... Хотя да, могли бы

подать к пожарной лестнице, клиенты бывают и такие... Особенно если из этого ведомства. Через пять минут буду!

Огонек погас, я подумал, что на той стороне могли не понять русского юмора, здесь в самом деле постояльцы по большей части из ЦРУ и смежных структур, для них пожарные лестницы и прыжки с балконов привычное в общем-то дело.

Глава 12

Водитель вышел навстречу из роскошного лимузина и заученно распахнул заднюю дверь. Держится профессионально ровно и бесстрастно, но я уловил интерес в каждом взгляде и жесте, как никак тоже цэрэушник под прикрытием.

Хотя в законе предписано им проводить операции только за рубежом, а внутри страны этим занимается ФБР, но кто этих законов придерживается в секретных службах, что потому и секретные?

Я опустился в неприлично роскошное кресло, что сразу приняло меня в свои объятия и наметнуло, что любые мои прихоти выполнит моментально и с радостью.

Водитель за пуленепробиваемым стеклом, но это больше для того, чтобы в салоне можно было вести переговоры, что не для чужих ушей, а также вон шторка, это на случай, если спутница застесняется оказывать интимные услуги при зрителе.

По обе стороны дороги плавно скользят красиво подсвеченные на фоне темного неба добротные каменные дома, перекрестки оснащены

светофорами с добавочными функциями для слепых, инвалидов и понаехавших.

А еще замечаю множество видеокамер скрытого наблюдения, что не пропускают ни один участок улицы, а входы-выходы из магазинов, кафе и даже парикмахерских снимают обычно с двух-трех сторон.

Конечно, это наблюдение Старшего Брата не вписывается в концепцию демократии в классическом понимании, потому камеры установлены скрытно, простой народ не понимает, что понятие демократии тоже склонно меняться, применяясь к обстоятельствам, иначе не выживет и сама демократия.

Сейчас наступает новая фаза демократии, когда за всеми жителями постоянно наблюдает правительство, и только оно, а потом наступит тот вид демократии, когда каждый может наблюдать за каждым в любое время, и никого это не будет шокировать.

Автомобиль остановился перед металлической решеткой ворот, очень живописной, все под старину, столбы массивные, бронетранспортером не своротить, хотя тяжелым танком вроде «Арматы» вообще-то запросто.

Сам дворец в глубине ухоженного двора блистает праздничными огнями, роскошные автомобили гостей выстроились красивыми рядами на украшенной гирляндами из лампочек просторной стоянке, где легко могла бы разместиться бронетанковая армия.

Водитель живо выскочил из машины, проворно распахнул передо мной дверь.

— Сэр, — поинтересовался он вежливо, — вас ждать?

— А какие инструкции вам дал Дуайт?

Он ответил с заминкой:

— На ваше усмотрение.

— Тогда подождите, — велел я. — Не думаю, что задержусь здесь до утра.

Он поклонился.

— Сэр...

Я повернулся к дворцу, за спиной мягко хлопнула дверца. Все эти вечеринки и увеселения ночью, мелькнула мысль, какими бы ни были респектабельными, все равно прямо и недвусмысленно намекают, что это ночь, а ночью наши предки, охотящиеся днем на мамонтов, заползают в пещеру, а там на ощупь находят самок и совокупляются, кто какую сгробет.

Ночь снимает тормоза с наших древних инстинктов, и хотя на этих раутах никто не хватает женщин и не копулирует их на этом же месте, но эта как бы возможность витает в воздухе. Ее видишь в более откровенных улыбках женщин, что древнее нас, пещерное время у них все еще в крови, и в раскованных движениях, шуточках, взглядах.

Мы, самцы, тоже ведем себя смелее и напористее, и если не вдуть какой-то прямо здесь на рауте, выбрав укромный уголок, то и пришел зря, надо наверстать хотя бы чуть позже в ее пещере или в своей. Или где-то еще под пальмой или выворотнем в берлоге...

Так что, да, коитус мне предстоит, уклоняться подозрительно, для того и приглашен, не стоит ломать серьезным и почтенным людям отработанные и доведенные до ювелирного совершенства планы и приемы.

У входа в здание дежурят высокие и строго одетые охранники, я ожидал, что остановят

и спросят кто и куды, но оба посмотрели на меня и поспешно отступили в стороны.

Похоже, знают, этот из России, а это значит — правый получит в рыло, левый в морду, а русский пойдет довольный, потому что у них в крови водка, драки и медведи.

Я подумал, что у следящих камер наверняка установлены программы по распознаванию лиц, а это значит, мои параметры уже перебрали в базу этого заведения, хотя все может быть и проще: кто-то смотрит в окно и говорит охранникам, вон у каждого за ухом приемник, кого впустить, а кого в шею.

Холл залит настолько ярким светом роскошных люстр, что уже только он способен создать праздничный настрой, а дальше вообще широко распахнуты двери в богатый зал с колоннами и барельефами на стенах.

Женщины улыбаются навстречу достаточно приветливо, некоторые настолько, что уже увидел в их глазах себя голым и в постели, чуточку струхнул, подумал сперва, что эти под кайфом, потом мелькнула мысль, что в самом деле могу выглядеть весьма, все-таки когда-то качался, а организм помнит, к чему я стремился, все еще наращивает мышечный объем.

Мужчины в элегантных смокингах и при бабочках, женщины все до единой с оголенными плечами, но все равно двух одинаковых платьев не вижу, эти существа даже в таком узком диапазоне ухитряются добиваться разнообразия.

Вот прошел мимо важный тип в смокинге, с бабочкой, белым цветком в нагрудном кармане, откуда у других выглядывает безукоризненно ровный накрахмаленный уголок белого платоч-

ка, а еще и с роскошным трехцветным бантом чуть ниже цветка. Ко всему прочему с обеих сторон шеи свисает до уровня живота что-то вроде белого полотенца, которое выбрасывают на ринг, признавая поражение своего бойца.

Женщина с ним, в платье солнечного цвета да еще в бисере до самого края подола, смотрится милой и приветливой, явно ее самец — некий крупный босс, а то и прямой начальник.

Я снял с подноса проходящего мимо официанта тонкостенный бокал с искрящимся шампанским, а в трех шагах раздался дружелюбный голос Дуайта:

— Дорогой Влад, рад вас видеть!

Я повернулся, Дуайт, в вечернем костюме от хорошего портного, улыбается приветливо, рядом с ним роскошная женщина, хотя здесь все роскошные, но у Дуайта особенно роскошная, вся словно из взбитых сливок, нежная, мягкая и призывно улыбающаяся.

Я поклонился, а он доверительно сказал спутнице:

— Изабель, позволь представить тебе доктора Влада из России. Он здесь по работе, потому не отпускаю его ни на какие твои вечеринки!

Она тихонько засмеялась, мелодично и очень по-женски.

— Если он из России, то назло не послушается. Правда же, Влад?

Я ответил смиренно:

— Не послушался бы с огромным удовольствием, но я в самом деле по чрезвычайно важным вопросам. Так что человек подневольный.

Она спросила с недоверием:

— Вы подчинитесь какому-то там госдепу?

— Госдепу не подчинюсь, — заверил я, — но СовФеду, увы, обязан.

— Иначе расстреляют, — сказала она понимающе, — тогда да, приходится.

— В такой стране живем, — ответил я со вздохом. — Но вы не завидуйте так уж сильно, скоро и у вас так будет. Прогресс, знаете ли, остановить нельзя. Нас ведет, вас потащит.

Дуайт посмеивался, а Изабель сделала большие глаза.

— Хотите сказать, у вас власть лучше?

— А вы не знали? — изумился я. — Не переживайте, скоро наша модель общества будет целиком скопирована и в Америке.

Она надула губки, но такие женщины не могут долго даже прикидываться обиженными, тут же спросила хитреньким голоском:

— А по каким это вы чрезвычайно важным вопросам? Вы же такой молодой... Разве в России, где правит геронтократия, могут что-то поручить молодым?

— Вы правы, — ответил я. — Это я так пыхжусь, стараясь в ваших глазах поднять свою значимость.

— Правда? Тогда зачем признаетесь?

— Вам да не признаться, — ответил я. — Вы женщина, с какой стороны на вас ни посмотри, не только изумительно красивая, но и умная.

— Ой, спасибо, хотя как-то...

— Быстро меня раскусите, — договорил я, — так что уж лучше сам храбро признаюсь!

Она засмеялась.

— Да, за такое отважное признание заслуживаете бонус.

Пока я делал вид, что пытаюсь понять, что за бонус меня ожидает и нельзя ли впердолить ей

прямо здесь, затащив в укромный уголок, тут их должно быть много, хоть и все с видеокамерами, пишущими в 8К, в сторонке одна из женщин взглянула в нашу сторону, брови ее чуть приподнялись в изумлении.

Изабель весело хохочет и рассказывает что-то смешное, я больше слушал ее милый голос, чем слова, заметил, как та женщина что-то сказала своим спутникам и направилась к нам.

Чуть выше спутницы Дуайта, в откровенном платье, что хотя до самого полу, но скрывает меньше, чем супербикини, платиновая блондинка, как было модно в эпоху моей бабушки, в глаза бросается очень чистое и настолько артистически смоделированное лицо, словно над ним работали в компьютерной лаборатории.

Украшений почти никаких, не считая сережек, а так она сама украшение любого вечера, торжества или события.

— Изабель, — воскликнула она с некоторым изумлением.

Изабель повернулась с заученной улыбкой, но, когда увидела незнакомку, охнула, глаза расширились, обе бросились друг другу в объятия без всякой торжественности, словно вчерашние школьницы.

— Я тебя сто лет не видела!

— А я тебя двести!

— Ты как?

— Прекрасно, а ты?

Наконец Изабель спохватилась, повернулась ко мне с виноватой улыбкой на сияющем восторгом лице.

— Влад, простите, я с колледжа не виделась с Пайпер, она была моей лучшей подругой...

Пайпер вскрикнула в шутливом негодовании:

— Была?

— И осталась, — торопливо поправила себя Изабель. — Прости, Пайпи, я тебя так люблю! И мне так тебя не доставало...

Дуайт наблюдая за ними с насмешливым огоньком в глазах, наконец вмешался:

— Изабель, нам нужно еще представиться новому сенатору от Техаса. Пойдем, иначе программ не выполним.

Изабель торопливо поцеловала Пайпер в щеку, крикнула, увлекаемая за руку Дуайтом:

— Еще увидимся!

А Пайпер, бросив им вдогонку веселый взгляд, ухватила меня под руку и потребовала:

— А теперь быстро признавайтесь, кто вы и что вы? Учтите, Изабель всегда была моей самой-самой лучшей подругой! Из самых-самых. Я ее люблю и никому не дам обижать!

— Что вы меня так пугаете, — сказал я плаксиво. — Ну чем бы я успел ее обидеть?

— У вас какой-то северный акцент, — сказала она обвиняюще. — Вы не канадец? Южане слова растягивают, будто сливают мед из сот в широкий такой медный тазик, сама видела, те, кто живет в центральной части, будто вату жуют, а у вас каждое слово похоже на сосульку, пролежавшую миллион лет в Антарктиде.

— Я действительно с Севера, — признался я.

— Ой, правда?

— Что делать, — сказал я грустно, — и там люди как-то живут. Но мы тихие и мирные, как белые медведи в спячке... Хотя не знаю, впадают ли они в спячку, но в спячке никого не обижаем, клянусь. Кроме тюленей.

— Точно? — переспросила она. — А то она такая хрупкая и ранимая...

— И не тюлень, — поддакнул я. — А вы? По мне, так смотрите еще нежнее.

— Я тоже хрупкая, — согласилась она, — но подруга есть подруга! Мы в колледже в одной комнате жили.

— И платьями менялись? — спросил я. — У вас фигуры почти-почти.

— Правда?.. Как вам мое новое платье?

— Очень красивое, — ответил я дипломатично. Она довольно улыбнулась.

— О, вы еще мои трусики не видели!

— Чего-чего? — переспросил я, не веря своим ушам. — Вы их все еще носите?

Она засмеялась.

— Нет, конечно. Это так, шутка. Сейчас не то дикое время, когда их носили. Или у вас на Севере еще носят?

— Конечно, — заверил я. — Шерстяные. Чтоб потеплее. Когда едешь на олене, встречный ветер, бывает, поддувает даже снизу.

— Ой, — сказала она испуганно. — Какая жуть! Мне уже холодно.

— Готов согреть, — предложил я галантно. — Можно коньяк, можно моими объятиями.

Она спросила в нерешительности:

— А можно то и другое?

— Для вас готов на все, — сказал я решительно. — Даже, как Данко, вырвать сердце из груди и бросить к вашим ногам.

— Фу, — сказала она брезгливо, — это же такое противное, мокрое, в крови... Что значит мужчина! Все вы такие кровожадные. Вы меня не сожжете?

— Давайте проверим, — предложил я.

Она посмотрела на меня внимательно.

— Вы давно здесь? Уже наскучило? Или никого интересного не удалось подцепить?

— Уже наскучило, — заверил я. — А после того как увидел вас, понятно, хоть сто лет здесь проторчу или всю Америку обойду, все равно ничего более прекрасного не отыщу.

Она засмеялась, довольная и счастливая.

— Какой вы старомодно галантный.

— Такой уж...

— Или это снова входит в тренд? — поинтересовалась она озабоченно. — Не пропустить бы... Признайтесь! Вполне может, это так мило... Ну пойдемте, вдуете мне, я же вижу это в ваших глазах.

— Вообще-то я собирался впердолить, — сообщил я смущенно. — Что делать, северный народ, простой и простодушный, даже малость дикий.

— Ой, как это свежо!

— Мой отель почти рядом, — сообщил я. — По-едем, Пайпер?.. Ваша фамилия не Пирабо?.. А то какие-то ассоциации...

Она расхохоталась.

— Нет, я урожденная Вестширская, а это не какие-то там, как говаривала моя прабабушка. Хотя не понимаю, какое сейчас преимущество, лучше уж помалкивать, а то нетолерантно даже вспоминать, что наша семья владеет графским титулом.

— А самим графством?

Она взглянула несколько смущенно.

— Мы не называем его графством, это неприлично, но дедушка и сейчас не покидает наше родовое имение в Вестшире. И земли там, да, много.

Я взял ее под руку.

— Убегаем?

Она сказала нерешительно:

— Я не взяла телефон Изабель...

— У меня есть координаты Дуайта, — сообщил я. — А у него узнаем, и где ваша Изабель.

— Чудесно, — ответила она. — Тогда удираем отсюда.

Едва покинули здание, я помахал рукой в сторону стоянки. Лимузин бесшумно подкатил, элегантный и сверкающий в свете ярких электрических ламп.

Водитель выскочил, проворный и почтительный.

— Ну как, — спросил я, — быстро я?

Он посмотрел на мою женщину, сказал с огромным уважением:

— На моей памяти это рекорд... Во всех отношениях.

Я сам распахнул перед Пайпер дверцу, она быстро и проворно юркнула на сиденье, ничуть не удивившись роскоши салона, это значит, у самой автомобиля не хуже, сказала с мелодичным смехом:

— О, у вас и здесь шампанское?

— Где? — спросил я. — Ух ты, не заметил... Кто бы подумал, откуда оно взялось?

Она таинственно засмеялась снова.

— А когда приедем ко мне, вы удивитесь, что у меня в спальне кровать?

— Может, — предложил я, — ко мне?

Глава 13

На стекло, отделяющее салон от водителя, сползла плотная шторка. Возможно, чтобы не мешать нам, если займемся прямо в салоне, а скорее всего получить дальнейшие инструкции.

Пайпер подумала, сказала рассудительно:

— А вы в каком отеле?

— В «Омеге».

— Это который углом к большому роскошному саду с фонтанами?

— Да, — согласился я. — Местная достопримечательность.

Она покачала головой, голосок прозвучал малость капризно:

— Нет, ваш слишком суров, а мой такой нарядный!.. Едем ко мне.

Я включил связь с водителем, Пайпер продиктовала ему адрес и отключила, сделав это умело и профессионально, но это еще не говорит, что работает на ЦРУ, у нее или у ее семьи вполне может быть такой же лимузин.

Через десять минут, а в таких городках это много, впереди показался отель «Кингс», массивное здание в старинном стиле, в самом деле старинное, выстроили еще в тысяча восемьсот восемнадцатом, но сейчас сохранен только фасад, а внутри сплошной хай-тек, умело упрятанный под старину... перед остальными сведениями я поставил заслонку, очень мне нужны счета, кто и сколько платил за кирпич по ценам того дикого времени ковбоев.

Когда автомобиль мягко подкатил к обочине перед отелем, водитель произнес медленно:

— Сэр...

— Езжайте домой, — ответил я. — Утром, если меня выпустят, вызову такси.

— Я мог бы прибыть по звонку, — сообщил он. Я отмахнулся.

— Да не стоит, я же не знаю, когда меня вытолкают в шею!

Он коротко усмехнулся, такого орла ни одна женщина не вытолкает, вон какую подцепил с первой же минуты...

— Сэр...

Пайпер подхватила меня под руку, я не очень-то и сопротивлялся, когда она энергично потащила меня к массивным дверям.

Портье взглянул, как мне показалось, с некоторым интересом, что и понятно, номер заказан на ее имя, в спешке, а группа техников, монтирующая записывающую в 4К технику, еще трудилась в поте лица, когда мы уже ехали к отелю.

— Чему улыбаешься? — спросила Пайпер с подозрением.

— Хороший отель, — ответил я. — И лифты просторные, и лестница очень удобная...

Она спросила непонимающе:

— Ты хочешь мне вдуть в лифте или на лестнице?

— Я не романтик, — сообщил я. — Как-то дотерплю до койки.

— Это скоро, — шепнула она. — Я приведу твои гормоны в равновесие с американскими стандартами по версии Американской Ассоциации Здоровья.

— Вселенскими, — сказал я.

— Какими хочешь, — пообещала она.

Я посматривал и глазами видеокамер, в самом деле четверо крепких мужчин с большими сумками только-только спускаются по лестнице, прислушиваясь к каждому шороху внизу. Чарльз Карпентер, что вел меня незримо всю дорогу, сообщает по рации о моих передвижениях, задержках. Ему пришлось поторапливать их с того момента, как мы покинули раут раньше времени и отправились в сторону отеля.

На миг мелькнула озорная мысль задержаться в вестибюле, чтобы посмотреть на их лица, ког-

да выйдут со стороны лестницы, но это вряд ли, Карпендер наблюдает издали и предупредит их, чтобы подождали, пока я уйду.

Вообще-то, еще подъезжая к отелю, мог бы в две секунды просмотреть все этажи и все номера через замаскированные там видеокамеры, но уже смирил услужливый мозг, теперь не лезет так уж назойливо со своими инициативами или сенсационными находками в Интернете.

Коридор на этаже широкий, на полу обязательный красный ковер во всю длину, на стенах вычурные светильники через равные промежутки, свет подчеркнуто парадный, радостный, никаких энергосберегающих с несколько искусственным освещением, а точно подобрано под солнечный спектр.

Пайпер вынула из сумочки ключ-карточку, смотрит хитренько, я наблюдаю с интересом, но открыла быстро и ловко, будто в самом деле живет в этом номере не меньше недели.

— Вот мы и в моем царстве...

Я переступил порог, она захлопнула дверь и, прижав меня к этой же двери, жарко обняла за шею. Я, как и принято в этом их мире, начал снимать с нее платье, что вообще-то не совсем удобно вот так, не снимая лыж, но вдальбливается последние два десятка лет с экранов всеми фильмами, сериалами и даже ток-шоу как образец поведения в современном мире.

И в самом деле чисто американский стиль переходить сразу к делу, без восточного обычая справляться сперва о здоровье всех родителей, а длинные имена сокращать до кличек.

У нас можно в морду получить, если главу правительства назвать Вовой или Димой, а там даже

в СМИ президентов и премьеров именуют Биллами да Тонями, что в нашей глубинке позволено только в самых дешевых пивнушках да и то на крайней степени подпития.

Я все же не стал впердоливать прямо на месте под дверью, чтобы в коридоре не стали прислушиваться, я же, как бы европеец, дотащил до кровати, благо близко.

В постели она в самом деле выказала себя бесподобной, еще и тем, что делает вид, что жутко стесняется и не все умеет, но это уже переигрывание, второе поколение американских школьниц все знает и все умеет, и никакого у них смущения в любых ситуациях и при любых сексуальных запросах.

— Ух, — сказал я наконец, — как гору сбросил. А жизнь, оказывается, хороша...

— Ага, — сказала она отсапываясь, — а я теперь на весы побоюсь встать!.. Бесстыжий ты. Совсем не жалеешь нас, женщин.

— Не ворчи, — сказал я благодушно. — А то старой станешь...

Она охнула:

— Что? Я никогда ею не стану!

— Это точно, — согласился я. — Вечную молодость изобретем как раз для тебя, малышка... Серьезно. Любое открытие обязано приносить радость.

— Я заказала ужин, — сообщила она.

— А ресторан внизу?.. Неохота...

Она наморщил нос.

— С ума сошел?.. В номер. Сейчас должны принести.

Официант, ничему не удивляясь, вкатил в номер столик на колесах и живо переставил с него

к нам на столешницу возле кровати блюдо с жареным гусем, котлетами по-маррокански и восточными сладостями.

Пайпер даже не подумала закрыться, я тоже остался возлежать голым, да и чего прятаться, если нас снимают с четырех камер, а официант тоже один из работников ЦРУ?

Теперь ушло старое доброе время подобных компроматов, когда фото с посторонней женщиной в постели моментально вело к увольнению со всех постов, будь это мелкий чиновник или президент страны, а жена в обязательном порядке подавала на развод.

А если учесть, что я не женат, то это и пятьдесят лет назад не вызвало бы скандала. Ну, почти.

Когда он вышел в коридор и закрыл за собой дверь, я откупорил шампанское, не пролив ни капли, не люблю купеческие замашки с разбрызгиванием вина.

Пайпер потянулась через меня за фужером, прижавшись на пару секунд горячей мягкой грудью.

— О, в самом деле «Святая Эстелла»!

— Но ты же его и заказывала?

— Да, — сказала она, — но это большая редкость, и я сказала, что если у них нет, то могут заменить «Святым Эмилием»...

— Тогда, — предложил я, — выпьем за то, чтобы мы всегда получали лучшее, а просто хорошее пусть остается в запасе!

Она засмеялась весело.

— Да, конечно!.. Ты так хорошо говоришь!

— Я еще и крючком вязать не умею, — похвастался я.

Она беспечно расхохоталась.

— Обожаю такой хитрый юмор!

Шампанское даже не полусладкое, а сладкое, крепости меньше, чем в пиве, хотя среди несчастных, старающихся выглядеть эстетами, бытует мнение, что мужчины должны пить сухое, но на самом деле мужчины предпочитают сладкое, просто зачастую пьют все же сухое или полусухое, чтобы быть в тренде, но Пайпер умница, все знает, и заказала обязательно сладкое, будь это «Эстелла» или «Эмилий».

Или эксперты подсказали, что заказать и что говорить, хотя мне вообще-то по фигу.

Из ее веселого и беспечного щебета я уяснил, что она из американской ветви Вестширов, строгой добропорядочной семьи землевладельцев, у нас бы таких назвали латифундистами, большая родня со связями, есть два сенатора и трое в правительстве, брат возглавляет крупный банк, лично у нее большая яхта и вилла на две тысячи квадратных метров на участке в пять гектаров, мама у нее дизайнер по строительству, так как у отца еще и три крупные строительные фирмы, а она после окончания университета хотела бы пойти работать экономистом, но мама настаивает, чтобы вышла замуж и родила ей троих, а лучше пятерых внуков...

— Представляешь, — сказала она расстроенно, — пять! Да какая женщина сейчас пойдет на такое? Разве что в Африке или в Саудовской Аравии...

— Твоя мама замечательный человек, — сказал я то, что должен был сказать, — а на здоровом консерватизме держится мир.

Она спросила с недоверием:

— Это как?

— Молодые бездумно тащат его вправо или влево, — пояснил я, — вперед, а иногда и назад, а старшее поколение просто держит его на своих плечах, не давая нам его разрушить.

Она посмотрела на меня исподлобья, как обиженный ребенок.

— Ты говоришь так, будто ты из старшего!

— Детям из бедных семей, — ответил я назидательно, — приходится взрослеть раньше. Потому им и удастся обгонять детей из богатеньких да ленивеньких...

— Я не ленивенькая, — заявила она. — Я собираюсь поступить на работу и подниматься по лестнице экономиста!

— Ого, — сказал я с уважением, как и требовалось, — это же самое перспективное в наше время.

— И на будущее, — подсказала она.

— Да, — согласился я, — экономика будет править еще долго.

— А потом?

— Потом экономика станет называться иначе, — ответил я, не объяснять же красивой чирикающей женщине, что такое сингулярность. — Но жизнь станет еще интереснее.

У самого мелькнула мысль, что вообще-то станет намного страшнее, что интересно тоже, лишь бы выжили, а там только бы успеть добежать до сингулярности, что совсем рядом, только придется пройти огонь и воду...

— Ой, — сказала она живенько, — я люблю интересное!.. Да и сейчас всему радуюсь.

Не стала бы вот так с ходу предлагать мне жениться на ней, мелькнула вялая мысль. Слишком уж прямо идет к цели, неужели ей так и советовали, или решила ускориться и показать руководство, как умеет выполнять указания.

Хотя вряд ли дойдет дело до свадьбы, здесь главное показать мне возможности богатой Америки. Мое досье за это время уже просмотрели и увидели, что я всего лишь доктор наук, а не бизнесмен, а ученые везде народ бедный.

Даже в Штатах далеко не все огребают крупные гранты, большинство сидит на жалкой вообще-то зарплате, так что я должен клюнуть на такую красоту, что еще и безумно богатая.

Вообще-то хорошая попытка, мелькнула мысль. Такая и в Москве будет нарасхват даже среди олигархов, а для меня, всего лишь бедного доктора наук, скромного ученого, пусть и поставленного во главе пока что единственного в России Центра по изучению глобальных катастроф, читай — предотвращению, это вообще сказочный вариант выбора жены.

Не дождавшись, когда начну говорить о себе, иначе ей не удастся перейти ко второй части задания, прощebetала с игровой озабоченностью:

— Так ты в самом деле с Канадского севера?

— Бери дальше, — сказал я таинственно.

— Ой, — сказала она в испуге, — ты что, полярник?

— За полярным кругом, — сказал я, — где медведи трутся о земную ось, раскинулась огромная страна, на территории которой поместилось бы несколько Америк. Если бы ее туда, конечно, пустили. Так вот я оттуда. Из завтрашнего мира.

Она охнула, глаза округлила совершенно естественно, хорошо держится; ни одним движением мускула не выдала, что наконец-то заставила меня сказать то, что ей пару часов назад подробно объяснили Дуайт, Карпентер и прочие асы разведки.

— Ты из... страшной России?

— Точно, — подтвердил я. — К тому же из самого страшного места.

— Неужто, — прошептала она в ужасе, — из самой Москвы?

— Точно, — подтвердил я. — Умненькая девочка, хоть и красивая.

— Ой, — сказала она в еще большем испуге, — тогда тебе нужно срочно водки?..

— Потерплю, — пообещал я. — Буду пока пить этот, как его... ну, который клопами пахнет...

— Французский коньяк, — догадалась она. — Это у меня есть!

Глава 14

Прокололась, девочка, подумал я злорадно. Могли бы водку приготовить, но не успели все сразу. На подготовку к операции оставалось не больше часа, какие-то еще промахи замечу, хотя в целом все почти безукоризненно.

Намеки насчет женитьбы на такой красивой и богатой, да еще со связями в высших кругах, разумеется, подействуют, но сразу хватать такого червячка не стоит, не поверят, потому позволю развиваться отношениям постепенно, как и положено в консервативных семьях.

Тем более, напомнил я себе, сам из консервативной России, которую ругают за этот консерватизм, но поглядывают на нее с надеждой, понимают, слишком уж сами увлеклись излишествами, пора бы притормозить на опасном спуске к пропасти все стремительнее, но не знают как.

Она старательно и достаточно умело делала мне массаж, а я, блаженно прикрыв глаза, неторопливо просматривал ее досье, а потом и прочие отрывки из инета, куда не добралось ни ЦРУ, ни даже АНБ.

Как ни странно, она в самом деле Пайпер Вестширская из старинной английской аристократии, семья ведет род от самих Тюдоров, надо же, в разведке Пайпер не работает, учится в престижном универе, но ее подруга Изабель начинает заманивать чудесными перспективами службы в ЦРУ, и, кто бы подумал, сегодня действительно выполняет первое свое задание по установлению дружественных контактов с видным русским специалистом с перспективой дальнейшей вербовки.

Ага, вербовки, повторил я, хорошо... Давай старайся, девочка, а я буду раздумывать, колебаться, склоняться то в одну сторону, то в другую, а ты постарайся предложить мне больше, чем я имею в России.

— А что ты любишь еще, кроме водки? — спросила она.

— Тебя...

— Я серьезно!.. Красную икру?

— И черную, — сообщил я. — Та и другая водится у нас в России. В рыбах, кто бы подумал.

— А из еды? Блины или пельмени?

— А которые из них чисто русские? — поинтересовался я. — А то я такой патриот, что к русской икре французский коньяк, испанский хамон и французский пармезан...

Она охнула:

— Какая жуть! Как можно все это употреблять вместе?

— А я с разных тарелок, — пояснил я.

Она вздохнула с укором.

— Как мужчины неразборчивы в еде... Ладно, я сейчас разложу как надо.

С шампанским покончили быстро, пустую бутылку я по русской привычке поставил под стол, а Пайпер принялась с энтузиазмом сервировать «как надо», именно с расчетом на этот момент официанту едва-едва удалось разместить все на одном передвижном столике.

Она хлопотала, выстраивая на тарелках разные изящные вкусы, про коньяк, естественно, не забыла, как и про обязательное шампанское, а я в самом деле наслаждался, развалившись в уютнейшей из постелей, в дизайн и конструкцию которой столько вложено ума и творческих усилий, что могли бы построить космический корабль хотя бы для полетов к ближайшей звезде, с другой стороны, надо понимать, к звездам полетят единицы, а в постелях любят понежиться и покувыркаться миллиарды простых пользователей.

— Ты прибыл, — поинтересовалась она, не поворачиваясь, — на отдых? Как турист?

— Не совсем, — ответил я и добавил то, что она уже пару часов как знает от Дуайта и Арнольда, — сейчас я как бы посредник.

— Как юрист?

— Нейтральное лицо, — пояснил я, — которому доверили установить контакт с коллегами в вашей стране.

— Насчет научных исследований?

— Да, — согласился я. — И насчет того, чтобы за самыми опасными из них установить надзор. Наверное, потому первый разговор состоялся не с коллегами по нейрофизиологии, а с теми, кто оберегает как их, так и общество от них...

— И как?

Она обернулась, хитрая смеющаяся мордочка, милое выражение, но взгляд трезвый и по-женски оценивающий.

— Доволен, — ответил я. — Высшие чины понимают, демократия хороша была в Элладе, где на каждого демократа приходилось по два раба и четыре илота.

Она охнула:

— Что, правда?

— Вот жизнь была, верно? — спросил я.

— Еще бы, — сказала она. — Но рабство — это же нехорошо?

— Да, — согласился я, — рабы трудились плохо, больше отдыхали, потому пришлось для них придумать систему, чтобы сами на работе жили рвали... Это не так романтично, зато прибыльнее.

Она спросила озадаченно:

— Да? А я думала, рабство отменили из-за гуманизма...

— Из-за гуманизма никто пальцем не шелохнет, — пояснил я. — В мире правит трезвый расчет. Но конечно, чтоб жизнь казалась сказкой, нужно придумывать всякие благородные ценности... В общем, сейчас, когда один человек может уничтожить все человечество, не до соблюдения прав человека насчет его личного пространства.

— Это как? — спросила она.

Я пояснил:

— Человечество дороже, чем чье-то желание утаить свое... даже и не знаю, что нужно таить в свободной Америке! Мне кажется, у вас разрешено все, кроме преступного, хотя и преступное можно, если в высоких кругах. Не так ли?

Она пробормотала озадаченно:

— Ты так подаешь, что мы должны прийти к тому, к чему вы уже пришли?.. К тоталитаризму?

— К прозрачности, — ответил я и, увидев удивление в ее глазах, пояснил: — Да-да, к прозрачности! Для государства все должно быть прозрачно. И никаких личных пространств.

— Ой...

— Личные пространства только друг для друга, — пояснил я. — А не для проверяющих органов. Пайпер, мне такое тоже не нравится, но другого пути для защиты человечества от отдельных человек нет.

Она сказала с негодованием:

— Какими страшными вещами занимаетесь!

— Время страшное, — сообщил я. — Но если убрать из него всякие страшности, прекраснее его не будет ничего на свете. Вот мы и занимаемся опрекрасниванием мира.

— Да, — переспросила она с недоверием. — А почему тогда страшно?

— Будущее всегда страшит, — объяснил я. — А прошлое выглядит таким милым. Потому все играют в средневековье... Даже когда не играют.

— Ладно, — заявила она, — давай есть! Или жрать, как у вас в России?

— Лучше жрать, — согласился я. — Это демократичнее. Аристократы вообще кушают, стыд какой.

Она умело разлила по фужерам из второй бутылки шампанского.

— За демократию?

— С человеческим лицом, — уточнил я.

Это шампанское уже полусладкое, а третье было бы полусухое или вообще сухое, но Пайпер наверняка посоветовали ограничиться двумя, уче-

ные — это не грузчики и политики, у тех самые пьющие профы, а ученые лелеют свои прекрасно работающие мозги и не любят сбои, которые вносит алкоголь даже в малых дозах.

Она допила содержимое фужера до дна, личико покраснелось, глаза заблестели еще ярче.

А в самом деле хорошей бы оказалась женой, мелькнула мысль. Вряд ли только игра, сама наслаждается ролью, и вообще-то могла бы согласиться выйти за меня.

А что, я в самом деле хорош, старомодно консервативен, что наверняка понравится ее родителям, тем более дедушке и бабушке. Сейчас Россия, встав в позу защитницы здоровых консервативных ценностей и здорового брака, начала привлекать симпатии со всего ранее враждебного к ней мира.

Вот только этого нет в программе, которую пишут для нее. И наш роман где-то как-то должен быть остановлен. Если не нами, то кто-то остановит.

Можно, конечно, сыграть очарованного ее прелестями и возможностями и посмотреть, как она будет выкручиваться и подавать на попятную, но я не садист, женщин люблю или по крайней мере не обижаю, даже когда строят против нас какие-то свои умилительно детские козни.

Глава 15

Выспался просто здорово, кровать — само совершенство, а Пайпер такая разогретая и нежная, что я ее сгреб в комочек, прижал к груди, как щенка, и так заснули.

Спали крепко, хотя ночью один раз все же встала в туалет, шампанское в некоторой степени мочегонное, я слышал, как зашумела спускаемая вода, а также голосок самой Пайпер, когда запрашивала шепотом инструкции, что и как дальше.

Вернувшись, наклонилась надо мной, проверяя, насколько крепко сплю, тихонько коснулась губами щеки в поцелуе, хорошо хоть не пощупала пульс, он чуть учащеннее, чем при глубоком сне, хотя вряд ли знает, какой для меня считается нормальным.

Очень тихонько влезла в мои объятия, я чуточку всхрипнул и прижал ее плотнее, она затихла и вскоре заснула, как всегда хорошо засыпают женщины в наших лапах.

Утром разок деловито повязались, но не больше, нужно соответствовать американским стандартам, она в них свято уверена.

— Милый, — сказала она рассудительно, после того как отдышалась, — я вызвала такси, чтобы ты не опоздал. Ты сказал, к девяти часам?

— Спасибо, дорогая, — ответил я растроганно, — ты очень заботливая!

— Что делать, — сказала она, — хоть и не хочется тебя отпускать, но мужчинам нужно работать. Без этого они уже не мужчины. У них даже всякие болезни начинаются.

— Мне это не грозит, — заверил я. — Столько работы, что вот только сегодня совсем не спала!

— Ой, — сказала она польщенно, — я рада. Топай в душ, я заказала завтрак в номер, не стоит терять на него время в ресторане.

Я сказал совершенно искренне:

— Умница.

Ответила она очень серьезно и рассудительно:

— Женщина должна быть умной и практичной, чтобы стать хорошей женой и матерью детей для своего мужа.

— Золотые слова!

— В общем, — закончила она, — успеешь хорошо позавтракать и выпить чашку кофе, хотя кофе вроде бы вреден...

— Только не для меня, — заверил я. — Спасибо, дорогая.

— Ты просто чудесный, — сказала она.

— Я такой, — ответил я скромно, не став спрашивать, в чем именно такой расчудесный, а то поставлю в тупик, некоторые банальности говорим, потому что говорим. — Если что, ищи меня в ванной.

— Я для тебя повесила махровое полотенце, — крикнула она вдогонку, — прямо там на дверце!

— Спасибо, дорогая, — ответил я. — А то бы в самом деле не отыскал.

Времени достаточно, я мылся неторопливо, прикидывая, какие еще есть способы для редактирования моего генома, точнее, какие способы доступны мне, потому что все существующие предельно усложнены по дефолту.

Это не операция на какой-нибудь ерунде вроде сердца или печени, геном не положишь на операционный стол и не вырежешь испорченную часть, чтобы тут же на ее место посадить здоровую. Все эти операции проводятся окольными путями, с подсадкой различного типа вирусов, что должны внедриться и там выполнить заданную программу, но делают они это в одном случае из десяти, к тому же чаще всего не то, не так, а то и вовсе не в том месте.

Когда помылся и заканчивал чистить зубы, из комнаты приплыл восхитительный запах великолепно прожаренного мяса.

Пайпер как раз вручала официанту чаевые и закрыла за ним дверь, а я двинулся, с энтузиазмом потирая ладони, к столу. Там уже громятся, источая аромат, хорошо приготовленные ломти стейка.

— Уже готово? — сказал я довольно. — Ты у меня просто чудо, милая.

Она счастливо похлопала глазами, мужчинам это нравится, записано во всех инструкциях, а несокрушимых самцов нет, есть только орлы, что держатся достаточно долго, чтобы потом сдать на хороших условиях. Или те, в ком обманулись насчет сексуальной ориентации, не все же спешат с камингаутом даже при нынешних привилегиях различным меньшинствам.

Мы торопливо, но достаточно плотно позавтракали в соответствии с рекомендациями FDA.

Закончили крепким сладким кофе, даже сахару положила в мою чашку три ложечки, будто угадала мои вкусы, ага, угадала, Дуайт видел, как я пью, сколько пью, как утащил с его блюдца пакетики с сахаром, американцам все вредно, а мне сахар необходим, это же бензин для мозгов, а мне мозги нужны не просто как нечто заполняющее череп, а работающие в турборежиме.

Минут через десять таксист позвонил, что уже у отеля. Я велел ждать, допил кофе, Пайпер бросилась в объятия, я с нежностью потискал и пожаткал такую мягкую, горячую и податливую, поцеловал в губы.

— Успеха, — сказала она серьезно и, отстранившись, поправила мне галстук.

Таксист каким-то образом узнал меня, хотя из отеля выходят и другие мужчины, вышел наружу и распахнул дверцу, глядя на меня с ожиданием.

— В Пентагон, — велел я.

Он кивнул, адрес спрашивать не стал, вряд ли даже в далеком Техасе не знают, где расположен Пентагон, быстро вернулся на свое место, автомобиль развернулся по короткой дуге и понесся в обратном направлении.

Фигуру Карпендера я заметил у самого первого заграждения, поглядывает по сторонам, как будто могу появиться откуда-то еще как не из отеля «Кингс», где они в такой дикой спешке устраивали для нас люксовый номер.

Шофер остановил автомобиль, не доезжая несколько шагов до ворот, словно там сильная радиация, вся Америка знает про собственный ядерный реактор под Пентагоном, я расплатился и вышел, а он сразу же рванул прочь на дикой скорости.

Карпендер кивнул стражникам, показывая, что это тот, которого он встречает, шагнул навстречу, улыбаясь во все сто зубов и протягивая руку.

— Как спалось?

Я удержался от реплики, что он же видел все живую на экранах с трех сторон, а потом еще и просматривал в записи, стараясь найти в моем поведении какие-то особые моменты, что дадут ключ к характеру и особой славянской сути.

— Спасибо, — ответил я. — Приехал, перекусил и рухнул на постель как убитый.

Он сказал с сочувствием:

— Я тоже. Работа у нас нелегкая.

— Да, — согласился я. — Нервная и непростая, удовольствия перепадают редко. Однако что делать? Родина зовет...

— Россия? — сказал он с сочувствием.

— Планета Земля, — уточнил я. — Лет через пятьдесят не будет ни России, ни Америки.

Он спросил встревоженно:

— Что... все рухнет?

— Напротив, — сказал я, — расцветет. А от прошлого останутся только географические понятия. Ну как название континентов, горных хребтов, низменностей...

— Да, — подтвердил он, — низменности останутся точно.

Мы прошли через первый пояс охраны, Карпентер держится дружелюбно-нейтрально, по его виду не скажешь, что он наблюдал, как мы с Пайпер кувыркаемся в постели, что и понятно, я не первый, за кем устанавливали такое наблюдение, так что это такие же будни, как и для банщика созерцание голых тел моющихся мужиков.

— Большинство уже явились, — предупредил он. — Нет-нет, вы не опоздали, что удивительно, вы же русский, просто для многих эта мина как гром с ясного неба, потому все уже здесь.

— Ох, — сказал я, — неужели они, хоть и генералы, не могут отличать главное от второстепенного?

— Мина у берегов Америки для них главное, — ответил он. — Тем более целый минный пояс...

— От одного вируса, — напомнил я, — может сгинуть все человечество, а от минного пояса только Штаты.

— Для американцев, — ответил он кратко, — Штаты и есть мир. А все остальное... ладно, пусть не в тартарары, но все же те проблемы как бы во вторую очередь.

— Да, — согласился я, — люди есть люди. Пока что нас ведут инстинкты. Говорим про разум, но все же... Когда же от него избавимся?

Он взглянул остро.

— А что, есть такие планы?

— У романтичных дураков, — ответил я. — У них планы есть на все. Но избавляться от инстинктов стремно. Мы же целиком на них, разум тоже его часть. Избавляться опасно, вдруг и разум исчезнет? И станем равнодушными машинами, что вымрут сами по себе?

— А если не вымрут?

— Вымрут, — сказал я уверенно. — Только инстинкт выживания велит нам жить и развиваться! Всем велит, и дуракам и умным, потому что и от дураков дети бывают умными.

— Я так и думал, — сказал он.

— Бросьте, — уличил я. — Просто вы знакомы с этой темой, признайтесь!

Он скромно улыбнулся.

— Да, было дело. Пришлось как-то по работе вгрызаться. Читать было страшнее, чем выпрыгивать из низко летящего вертолета безлунной ночью...

Пояса охраны оставались сзади один за другим, сканеры последнего поколения работают быстро и достаточно удаленно, останавливаться для просвечивания не надо.

Пока идем по коридору, вмонтированные в якобы стены приборы просмотрели не только что у нас под одеждой, но и сколько в моем кишечнике говна, это смотрят обязательно, слишком часто взрывчатку проносят в заднем проходе.

Карпендер продолжает легко и беспечно, вроде невзначай, задавать простые вопросы и вопро-

сики, но все из тщательно составленных психоаналитиками списков, знаю, уже просматривал. Потом ответы будут просчитывать по особым программам и сравнивать с контрольными, что получили от меня вчера, и высчитывать, где и почему неточность, соврал сознательно или же просто ответил машинально, а это тоже в копилку знаний о характере, памяти, поведенческих навыках...

Все верно, все правильно, я отвечаю правдиво и честно, почему не откровенничать, когда нужные ответы тоже перед глазами, пусть психоаналитики поломают головы, я не очень-то злобная сволочь, а вот так поприкалываться над специалистами интереснее, чем над дураками в «Фейсбуке»...

В коридоре перед входом в зал я чуть замедлил шаг, Карпентер понял по-своему, с сочувствием улыбнулся, а я за это время в доли секунды охватил взглядом то, что показывают наблюдающие за собравшимися камеры.

В зале народу побольше, гражданских по-прежнему всего двое, но генералов прибавилось, расхаживают по двое-трое, переговариваются с таким видом, словно уточняют время, когда стоит начинать третью мировую.

— Дебилы, бля, — сказал я вполголоса. — Не понимаю, как вы с таким развитием до хай-тека додумались?

— Может быть, — предположил Карпентер с улыбкой, — нам инопланетяне сбросили?..

Я сказал ему угрюмо:

— Чарльз, а вы не дурак, верно?

Он ответить не успел, я толкнул дверь и вошел в зал. Тоска и неясная злость все еще заполняют

грудь так, словно наглотался ртути. Эти динозавры всем составом все еще пытаются прояснить ситуацию с атомными закладками.

Ну да, одно дело, мои слова, другое — мнение специалистов, изложенное предельно ясно для недалеких умом сенаторов, которым важнее всего быть избранниками своего штата, нравиться простому народу, а не быть в чем-то умными или хотя бы грамотными.

Генерал Сигурдсон собрал вокруг себя с десяток генералов и что-то объясняет трубным, как у архангела, голосом. Слушают его внимательно, а по злым лицам вижу, услышанное очень даже не нравится и совсем не одобряется.

В самом заднем ряду смирно сидят Фрэнк Вачмоуг и Крис Реншоу, главы Центров по изучению рисков глобальных катастроф, а рядом с ними Кен Шейн, океанолог, ощутивший с ними кастовую общность.

Сигурдсон с высоты своего роста увидел меня первым, повел налитым кровью глазом, и сразу же с полдюжины этих влиятельных штабников повернулись в мою сторону.

Один сразу же сделал мне навстречу два четких шага, понятно, что в штаб перебрался недавно, а до этого точно служил... ах да, уже вижу, в десантных войсках, в прошлом году был еще бригадным генералом, а сейчас уже, перепрыгнув генерал-майора, генерал-лейтенант, еще молод, лицо злое и решительное.

— Генерал Харгрейв, — назвался он. — Грант Харгрейв...

— Командующий военно-воздушными войсками, — добавил я, — герой багдадского прорыва, сербского стояния и броска на Триполи. Слушаю

вас, генерал. Не забывайте принимать капотен, у вас сейчас артериальное давление зашкаливает. Сто девяносто на сто пять многовато, да еще при пульсе в девяносто четыре...

Он нахмурился.

— Что, выказываете свою осведомленность?.. Еще и как медик?.. Но мне плевать, это здесь у меня повышается. Вернусь на базу, все наладится... Нас созвали, чтобы мы дали рекомендации по борьбе с глобальными угрозами, как вы предложили, но какие к черту глобальные угрозы, когда здесь всех нас как молотом по головам просто сокрушающей всех новостью о вашей атомной мине!

Я ответил мирно:

— Значит, крепкие у вас головы, если только молотом, а вы еще и спросите: где это стучат?

Он потребовал:

— Что насчет минного пояса?

К нам начали приближаться другие генералы, прислушиваясь к разговору.

— Генерал, — сказал я, — конечно, вам тоже было приятно читать наших газетчиков, что Россия в руинах, экономика порвана в клочья, армия разбежалась, последние танки поржавели и рассыпались... Но неужели вы поверили, что страна, пережившая столько нашествий на свои земли, вот так возьмет и скопытится?

Он сказал зло:

— Да, ваша контрразведка сумела внушить всему Западу такую мысль, а страна тем временем предательски перевооружилась!.. Ладно, что вы на самом деле хотели сказать этой миной?

— Разве это не шаг доброй воли? — спросил я. — Другие быстро бы сумели взорвать эту мину

в одном из ваших городов и стереть его с лица земли! И все думали бы на террористов, начали бы стирать с лица планеты еще какое-нибудь исламское государство... А почему нет? В далеких планах их придется стереть с лица планеты все.

Подошел Сигурдсон, тоже злой, но более собранный, эту новость пережил за ночь, хотя сказал невесело и без заметной враждебности:

— Знаете ли, я склонен верить вам, но наши политики сразу спросят: а что он хотел добиться этим шантажом?

Я спросил тоскливо:

— Почему именно шантажом?

— Ну да, — ответил он с тяжелым сарказмом. — Не явный такой, тот слишком прост, а вот так предъявить доказательство, что вы могли бы, но не стали, добрые такие, а теперь за такую доброту вам что-то причитается.

— Я этого не говорил, — запротестовал я.

Генералы насмешливо заулыбались, да, конечно, не говорил, но сказал, такое сказануть можно и молча, все теперь умеют читать не только между строк или по лицам, но и в намерениях, а тут куда уж прозрачнее.

Харгрейв взглянул на Сигурдсона, тот старше, Сигурдсон чуть наклонил голову, Харгрейв тут же выпалил резко:

— Некоторые вещи не обязательно говорить в лоб. Вы сказали иначе, доктор Лавроноф.

— И что я сказал? Или даже сказанул?

— Это неявный, — заявил он уверенно, — но шантаж! Без предъявления каких-то определенных условий.

Карпендер, что все это время наблюдал молча, сказал громко:

— Вы взгляните на доктора. Не замечаете, он все еще думает о своих лабораторных мышках!.. Он не политик, а ученый. И даже не подумал о такой возможности.

— Но об этом могли подумать те, — сказал быстро Харгрейв, — кто его послал.

— И наверняка подумали, — сказал Сигурдсон мощным голосом.

Карпентер кивнул.

— Да, в центральных аппаратах разведки привыкли просчитывать все варианты. А если что упустят, советники, эксперты и аналитики подскажут... Но, коллеги, вроде бы все собрались? Давайте займем места, все-таки попытаемся сдвинуть с места более насущную, если говорить честно, проблему, с которой приехал доктор Лавроноф.

Генералы двинулись к креслам, а я спросил у Карпентера:

— А Дуайт сегодня не появится?

Он ответил, понизив голос:

— Он отправился встречать Барбару Баллантэйн. Это глава сенатской комиссии по расходованию бюджетных денег на военные цели. С нею нужно быть крайне почтительным.

Я пробормотал:

— Но сейчас вроде бы не идет речь о каких-то бюджетных суммах?

Он развел руками.

— Вы плохо представляете себе наши реалии, доктор. У нас страна демократии, а это значит, любой может лезть любопытным рылом в наши дела и требовать раскрыть для общественности наши секреты. Иначе это недемократично.

— Значит, эта Барбара...

— Генерал Баллантэйн, — поправил он. — У нее генеральское звание.

— Ого, генеральша...

— Генеральша, — ответил он, — насколько я представляю себе, это жена генерала. А она, увы, сама генерал, что совсем хреново. Даже не представляю, как получила такое высокое звание.

— Может быть, — предположил я, — как обычно женщины и получают?

Он передернул плечами, на меня посмотрел как на сумасшедшего.

— Доктор... посмотрю, что скажете, когда ее увидите!

Генералы наконец разобрались, кому где сидеть, я пытался понять — расположились по родам войск, по возрасту или по званиям, но, похоже, в американской армии нравы демократичнее, чем в европейских, каждый предпочел сесть рядом с другом или добрым знакомым.

Карпентер опустил за стол рядом со мной. Я поднялся и сказал как можно более твердым и уверенным голосом, сейчас это очень важно:

— Господа, обычные атаки террористов стремительно перерастают в крупномасштабные. Часть из них грозит уничтожением целых регионов, но некоторые могут смести с лица земли человечество целиком...

Часть II

Глава 1

Дверь из коридора распахнулась, я увидел там в глубине Дуайта, но вперед шагнула крупная и массивная женщина с неприятно лошадиным лицом и брезгливой гримасой, широкая и уверенная. Генеральский мундир сидит на ней как влитой, что и понятно, если присутствующие здесь мужчины надели то, что получили, то эта долго вымеряла и подгоняла по фигуре, требуя десятки раз переделывать, от чего портные наверняка возненавидели ее не меньше, чем проверяемые ею военные.

Судя по лицам, генералы в зале готовы были встать, как школьники при виде строгой учительницы, но кое-как сдержались, может быть, даже из-за меня, русского, идеологического и прочего противника, что сразу начнет злорадно ржать над такой армией.

Дуайт провел ее в передний ряд, усадил, но не как женщину, а как старшего по званию или положению. Карпентер подвинулся, давая ей место ко мне ближе, тоже по иерархии.

— Потому, — продолжил я прерванную фразу, — мы должны сосредоточиться на борьбе

с этой разновидностью терроризма, неизвестного доныне. И здесь не должно быть никаких компромиссов...

Генеральша, что вообще-то генерал Баллантэйн, поинтересовалась со своего места:

— Доктор Лавроноф, мину выбросили у наших берегов для того, чтобы сделать вашу речь убедительнее? Или для каких-то еще целей?

— Мину выбросило землетрясение, — напомнил я.

— Это уже доказано?

Я сказал мягко:

— О землетрясении писали в ваших СМИ. Или вас надо уверять, что землетрясение вызвали не мы?.. Тогда вам стоит проконсультироваться с вашим лучшим океанологом Кеном Шейном, присутствующим в этом зале... Мистер Шейн, покажитесь генеральше... генералу Баллантэйну... Мистер Дуайт Харднетт, как представитель ЦРУ подтвердит, мистер Шейн пока еще не завербован русской разведкой...

Генеральша сказала резко:

— А как проверить, что землетрясение у наших берегов не ваших рук дело?

Я посмотрел на Шейна, тот поднялся и произнес вежливо:

— В мире пока не существует методов, чтобы сдвинуть тектонические плиты, на которых расположены континенты, хоть на миллиметр.

— Даже в Соединенных Штатах? — спросила она и посмотрела на него так, словно уже уличила в работе на Россию.

— Даже в Соединенных Штатах, — подтвердил Шейн. — Генерал... такие методы есть, раз уж плиты чуть подвинулись, но такая мощь пока только в руках Господа.

Он сел, не дожидаясь ее ответа, я открыл было рот, чтобы продолжать о глобальных рисках, но генеральша сказала еще резче:

— Мистер Лавроноф, я понимаю вашу задачу. Даже ту, о которой вы пока не сказали ни слова.

— Ох, — сказал я, не утерпев, — как славно, что генералы в американской армии еще и ясно-видящие!.. А телекинезом не пробовали?

Она продолжила непреклонно, похожая на суперлайнер, что упорно прет к своей цели, не обращая внимания на мелкие волны:

— Однако пояс атомных мин у наших берегов, мистер Лавроноф! Это вопиющее нарушение...

В зале одобрительно зашумели, я переждал чуть, ответил тоже резко и непримиримо:

— Давайте без газетных выкриков. Прошу прощения у присутствующих, им придется услышать то, что я говорил, и что они, как мне кажется, уже поняли. В общем, вы окружили нас военными базами и постоянно похваляетесь возможностью «глобального молниеносного удара» с помощью гиперзвуковых ракет, не так ли? Вы создали кольцо нестабильности вокруг России и наращиваете свою группировку войск в Европе буквально у наших границ...

Она смотрела обрекающе тяжелым взглядом, словно наезжает на меня танком.

— Наши базы не нацелены на Россию, — отрезала она.

— Слышал, — ответил я. — А на кого нацелены?

— На случай будущих угроз, — ответила она и плотно сжала губы.

— Хороший ответ, — сказал я. — Надеюсь, вы сочтете хорошей и нормальной реакцией и закладку поясов мин у ваших берегов... Ваши базы —

ошибка. Вы слишком были уверены, что не сумеем ответить! Поверили, что наша армия развалена, народ спился!.. Да хотя бы на мировую статистику посмотрите, Россия на седьмом месте в мире по употреблению алкоголя!.. В вашей Европе ваши союзники пьют намного больше. Так что атомные закладки есть и, скажу вам сразу, будут там до тех пор, пока у наших границ не останется хоть одна ваша военная база!.. Это данность, которая даже не обсуждается. А кричать и возмущаться можно долго, если вы не серьезные люди, а какие-то... кандидаты в сенаторы или президенты.

На меня смотрели враждебно, даже с ненавистью, генеральша вообще испепеляет взглядом, наконец процедила зло и сквозь зубы:

— Это бесчеловечно. Волна в первую очередь ударит по мирным городам.

— Как раз в первую очередь выбросит на берег ваши авианосцы и подлодки, — уточнил я. — А вообще... бросьте эту пропаганду. Здесь все свои, журналистов вроде бы нет. Мы знаем о планах вашего генштаба насчет ядерных ударов по Москве, Петербургу и всем крупным городам России, где проживает половина всего населения.

Генерал Харгрейв возразил:

— Таких планов нет!.. А идеи, которые обсуждались в дискуссиях, не в счет!

В зале одобрительно зашумели, я вскинул руку.

— Позвольте процитировать план «Аламо»?.. На случай, если кто не знает?.. Или вывести его сейчас на экраны, чтобы с ним познакомились и те, кто не в курсе?

Наступила полная тишина, многие обмениваются непонимающими и встревоженными взглядами, зато трое из генералов и двое в штатском

встревожились по-настоящему, а по их виду даже ребенок понял бы, что они как раз очень хорошо знакомы даже с нюансами плана.

Генеральша сказала резко:

— Прекратите!..

Я ответил едко:

— В чем дело? Здесь же все свои?.. То, что знают в Кремле, разве нельзя знать присутствующим здесь генералам?.. О массовом ударе всех ракетно-ядерных сил по России, включая подводные лодки, межконтинентальные ракеты и даже силы космического базирования?.. О таком ударе, после которого не только Россия перестанет существовать, но сам народ русский исчезнет?.. Это и есть план «Аламо», который принят и одобрен!

Генералы переговаривались все громче. Генеральша сказала так громко, что с легкостью могла бы переорать самого Сигурдсона:

— Прекратите!.. Или вы приехали именно за этим?

Я вскинул руку, шум начал затихать, я сказал громко, не ожидая, пока все успокоится:

— Давайте без двойных стандартов. Что можно вам, то можно и другим. И нет такого оправдания, что если у вас демократия, то вам все можно. У нас демократия лучше вашей. И мы в отличие от вас запросто можем уничтожить Соединенные Штаты! Одним ударом.

Сигурдсон проревел:

— Это угроза?

— Генерал, — сказал я резко, — скажите же правду! А она в том, что вы бы уже привели в действие план «Аламо», если бы не боялись ответного ракетно-ядерного удара. Наши подлодки могут снести все ваши города даже в том случае,

если вы нанесете удар первыми. Все равно успеем выпустить все нацеленные на вас ракеты. И даже если Россия превратится в руины, Соединенные Штаты просто исчезнут. Вы это знаете.

Часть генералов вскочили на ноги, орут что-то в нашу сторону, кто-то спорит друг с другом, Дуайт наконец поднялся, громко постучал по столу и прокричал:

— Прошу тишины!.. Прошу тишины!..

Генералы с неохотой начали опускаться на свои места. Генеральша сказала с нажимом:

— Так вот ради чего вы прибыли!

— Размечтались, — отрезал я грубо. — Не нравится, когда с вами говорят на вашем же языке?.. Другого не будет. Смените тон, сменим и мы. Я уже объяснял, мы высоко ценим Штаты и не хотим вам ни малейшего вреда, но это не значит, что позволим не то что дать уничтожить нас, но даже прищемить нам палец. Да, вы постоянно наращиваете давление... мы не можем ответить тем же. Признаем, силы у нас не те, чтобы бороться на равных. Но когда-то наше терпение оборвется. Понимаете? Оборвется.

Надеюсь, я сказал это достаточно зловещим голосом. Похоже, даже как-то пророчески, потому что все затихли. На лицах я читал бессильное бешенство и ненависть. То, что более слабая Россия не может ответить таким же медленным давлением, понимают хорошо, но, похоже, только сейчас до некоторых начало доходить, что на силовое давление более могучего противника слабый может ответить внезапным ударом припрятанного ножа.

Дуайт сказал примирительно:

— Давайте в самом деле успокоимся. Пар выпустим завтра на матче «Атланты» с «Орлами Те-

хаса», а сейчас напомним, Россия постоянно говорила, что ее ответ будет асимметричным и он Штатам очень не понравится. Правда в том, что Штаты вчетверо или впятеро сильнее России, но мы не на боксерском ринге, где даже перчатки должны быть абсолютно одинакового веса.

— Как-то привыкли, — напомнил я, — что бомбим ИГИЛ высокоточными ракетами, против которых у тех нет защиты. И ничего, считаем это нормальным. Не так ли, генерал Баллантэйн?

Она дернулась, метнула в мою сторону давящий взгляд.

— Есть разница!

— Какая? — спросил я.

— То они, — ответила она властно, — а то мы!

— Да, — ответил я кротко, — есть разница — то вы, а то мы. Конечно, если придется выбирать, кому из нас остаться жить, то выберем себя. Для вас такое странно?

По их лицам видел, что, да, им такое слышать странно, всем же ясно, что американцы — высшая раса и весь мир ведут к счастью, желает того мир или нет, понимает такое счастье или нет, все это не важно в сравнении с желаниями госдепартамента.

Сигурдсон пророкотал зло, но я уловил в его грохочущем голосе нотки поражения:

— А еще их гребаный план «Мертвая Рука»!..

Дуайт сказал мрачно:

— Вы правы, генерал. Нам кажется, что мы остановимся в шаге от того, чтобы русские нажали на кнопку... но если они решат, что мы перешли красную линию?

Я ощутил на себе горящий ненавистью взгляд генеральши, Дуайт тоже смотрит на меня с вопросом в глазах.

— Я прибыл по вопросу глобальных катастроф, — напомнил я усталым голосом, — что не просто важно, а крайне важно для человечества. Для Штатов и для нас. Но сразу же мы увязли во взаимных упреках!.. Как это... не для двадцать первого века. Я не хотел этого, но... считайте мое появление последним предупреждением перед катастрофой.

— Вы нам угрожаете?

Я сказал безнадежно:

— Ну вот, снова... Не я угрожаю, не Россия угрожает, а эта нелепая ситуация ведет нас к краю пропасти все ближе и ближе, а мы... все видим!.. и все же идем. Где наши головы? Почему как бараны ведомы обидами, амбициями, животной страстью к доминированию? Мир изменился, а мы все такие же звери. Пусть даже питекантропы с дубинами в руках.

В зале снова начался спор друг с другом, время от времени приходилось отвечать и мне, но все как-то не по делу, не люблю такое хаотичное обсуждение, что принесет радость только аналитикам, которые будут просматривать записи и радостно потирать руки, видя, как раскрываются даже те, кто всегда застегнут на все пуговицы.

Наконец генералы начали уставать, меняться местами, трое вообще поднялись и, отойдя в угол, совещались вполголоса, бросая по сторонам осторожные взгляды.

Дуайт посмотрел на меня с сочувствием, поднялся, на него уже не обращают внимания, громко и настойчиво несколько раз мощно ударил ладонью по столешнице, привлекая внимание.

Голоса начали затихать, генералы повернули к нему головы.

— Не знаю, как вы, — сказал он примиряюще, — но я позавтракать не успел. Давайте на пару

минут заглянем в кафе на этом же этаже, ухватим хотя бы по бутерброду, а потом продолжим?

Я перехватил брошенный в мою сторону взгляд, молодец Дуайт, вовремя разряжает атмосферу. Генерал Сигурдсон, похоже, тоже понял, в прошлый раз мы даже за одним столом завтракали, успели переговорить за чашкой кофе.

— Хорошая идея, — прорычал он. — Не откажусь сжевать бутербродик. Или парочку.

— Чудесно, — сказал Дуайт и посмотрел на генеральшу.

Та перехватила его взгляд, кивнула. Я видел, как Дуайт перевел дыхание, все-таки мы всегда опасаемся, что, по своей женской сути делать все наперекосяк мужчинам, эти вот обязательно возразят и предложат что-то свое женское.

Как я и ожидал, никакая не кафешка, Дуайт повел в тот же ресторан, где глупо ограничиваться бутербродиком. Таких, как мы, набралась почти половина зала, кто-то жадно хлебает горячий кофе и трет кулаком заспанные глаза, кто-то быстро жрет, с ужасом поглядывая на запястье с умными часиками в браслете.

Мы сели вдвоем за один стол, Дуайт поинтересовался шепотом:

— Хорошо отдохнули?

— Лучше не бывает, — ответил я. — У демократии свои плюсы.

Он улыбнулся.

— Да, отдыхать демократы умеют лучше. Хотя что они не умеют лучше?

Он быстро продиктовал официанту заказ и повернулся ко мне.

— Даже жаль, — сказал я совершенно искренне, — что современная демократия при переходе

к новой формации совершенно нежизнеспособна. Один этот тотальный контроль чего стоит... Но без него не выжить, уже и дебилам понятно.

Он вздохнул.

— У вас дебилы такие понятливые? У нас даже в сенате не понимают.

— У нас тоже, — признался я. — Это я так, для красного словца. Нам кажется, что если понимаем мы, то и другие должны хватать на лету. А хрен вот, им хоть кол на голове теши, хоть орехи коли. Есть бараны тупые, есть бараны упертые... а есть умеющие держать нос по ветру. Им завтрашний день по фигу, им сегодня дай урвать от казенного пирога... Хотя что вам объяснять, у вас казнокрады покрупнее и поухватистее.

— Да ладно, — сказал он скромно, — откуда?

— А кем были ваши первые миллиардеры, — напомнил я, — вроде Моргана? Правильно, морскими пиратами, что грабили города и целые провинции. У вас опыт, хватка... Им-то как раз и по фигу будущее.

Он сказал понимающе:

— У меня тоже иной раз руки опускаются. Вроде бы высшее образование теперь почти у всех, а впечатление такое, что вернулись в обезьянство.

Глава 2

Официант вырос у нашего столика буквально через пару минут, быстро переставил с подноса на стол наши бифштексы, блинчики с творогом, что должны заменять привычные для русских пельмени, поинтересовался, кофе подать сразу или потом.

— Мы ненадолго, — ответил Дуайт. — Счет вместе с кофе.

Я потыкал вилкой в роскошный бифштекс, тот брызнул в ответ струйкой остро пахнущего сока.

— Слишком сыто живем, — сказал я.

— И безопасно? — спросил Дуайт.

— Да, — согласился я. — Несмотря на теракты, которых на самом деле кот наплакал, больше шумихи. Потому народ уверен, что дальше будет все так же, только машины мощнее, а морды шире. Хуже того, подспудно в этом уверены даже те, кто должен быть на страже.

Генерал Сигурдсон взглядом попросил у Дуайта разрешения присоединиться к нашему столу. Дуайт переадресовал мне, я сказал гостеприимно:

— Генерал, прошу вас... Рад общению с вами как с истинным патриотом. Позвольте, придвину вам стул...

Сигурдсон буркнул с подозрением:

— С чего бы?

— Стул? Мы в Европе такие вежливые...

— Общаться с патриотом, — уточнил он. — Мне кажется, удобнее общаться с предателями.

— Патриоты болеют за страну, — пояснил я, — а демократам лишь бы ухватить кусок пожирнее. Потому мне проще говорить с людьми, кто переживает за родину. Тем самым они желают ей добра, счастья и процветания. Я прибыл для того, чтобы наши страны хотя бы на уровне комитетов по борьбе с глобальными катастрофами делали жизнь в наших странах безопаснее и счастливее.

Он хмыкнул, взмахом руки подозвал официантку и по-военному быстро продиктовал незамысловатый заказ, как солдат, что может питаться хоть всю жизнь из солдатской кухни.

— Хорошо сказано, — буркнул он, повернувшись от официанта ко мне. — Если бы только не ваша чертова «Мертвая Рука»...

— Генерал, — сказал я с сочувствием, — признайтесь, только она и не дает вам напасть. Не так разве?

— Не так, — отрезал он. — Никто не собирается на вас нападать.

— Тогда зачем окружаете Россию военными базами?..

— Мы только хотим, — пояснил он, — побудить вас идти по правильному пути.

— А правильный только тот, — уточнил я, — который в данный момент признают таким Соединенные Штаты? Остальные пусть заткнутся и сопят в тряпочку?

— Наш строй правильнее, — отрезал он. — Об этом даже в Библии сказано!

— Прав тот, — согласился я, — у кого пушка больше. Это мы проходили. По-моему, за всю историю войн, что вели и ведут Соединенные Штаты, никто из ее солдат не подрывал себя гранатой. А русские подрывали. Так вот, «Мертвая Рука» — это и есть граната в руке. Которая достанет Америку, как бы далеко она ни пряталась на той стороне планеты. Хотите, подскажу, какие за последнее время были внесены изменения?

Сигурдсон и Дуайт сразу насторожились.

— Да, конечно!

— Раньше, — сказал я, — в программу «Мертвая Рука» входил ответный удар ядерной триады России: межконтинентальные ракеты с мегатонными ядерными зарядами, запуск ракет с ядерными боеголовками из сотни подводных лодок и крылатые ракеты со стратегических бомбардировщиков.

Дуайт зябко передернул плечами.

— Страшную вещь вы затеяли. Ядерный удар наносится по США бездушной техникой!.. Жуть.

— Это если сумеете разрушить в России все командные центры, — напомнил я. — Это же ответный ядерный, это не нападение, разницу чувствуете?..

Сигурдсон сказал в нетерпении:

— А какие изменения?

— Мощь Соединенных Штатов растет, — сказал я, — а это значит, и ответный удар должен быть сильнее, это понятно. Даже если в России будет уничтожено все-все до последнего человека, комплекс «Мертвая Рука» все так же нанесет ответный удар, но теперь помимо удара ядерной триадой будет подрыв всех мин вдоль обоих берегов, западного и восточного, а также...

Я сделал паузу, глядя на их напряженные лица, Дуайт не выдержал или сделал вид, что не выдержал, спросил жадно:

— Что-то еще? У вас такой вид...

Сигурдсон буркнул:

— А что может быть еще, если две волны цунами с обеих сторон встретятся где-то в середине континента?

Дуайт, продолжая смотреть на меня, покачал головой.

— Что-то есть еще... я вижу по лицу доктора.

— Конечно, — подтвердил я. — Какие-то пастухи могут спастись на вершинах ваших гор, а это как бы уже не полное уничтожение проклятой Америки. Потому, кроме одновременного подрыва всех ядерных закладок, запланирован и удар гиперзвуковой ракетой, которую перехватить невозможно, по вашему Йеллоустонскому вулка-

ну. А это разбудит его во всей его дикой мощи... и уничтожит даже тех уцелевших пастухов на вершинах гор, как Божий гнев некогда уничтожил нефилимов.

— Это же погубит цивилизацию!

Я чувствовал, как мои глаза заблистали яростным огнем, уровень гормонов в крови повысился, даже голос приобрел новые обертоны, осталось только вскрикнуть: «Алла, я в бар!»

— Генерал, мы же люди, а не бездушные роботы!

— А люди что, убийцы?

— Вообще-то да, — ответил я. — Только люди убивают себе подобных. Но я о другом. Помните фильмы, когда соперники сражаются за женщину, один наконец-то одолевает другого, а тот, смертельно раненный, вскрикивает: «Так не доставайся же никому!» и на последнем вздохе убивает ту женщину. И умирает с довольной улыбкой: отнял у победившего плод победы.

Дуайт кивнул с пониманием, Сигурдсон буркнул:

— Но мы не такие дикие?

— Такие, — заверил я. — Человек меняется медленно. На дворе двадцать первый век, а мы в лучшем случае в раннем средневековье, а в чем-то вообще в палеолите. Наша звериная суть мощно говорит даже в самом интеллигентном и чутком человеке, а в Соединенных Штатах, как говорят сами американцы с гордостью, никаких сраных интеллигентов нет.

— Лучше быть сильным, — согласился Дуайт, — чем умным. Наша страна доказала это на своем примере.

Сигурдсон кивнул, не отрываясь от бифштекса. Тревога за судьбу Соединенных Штатов сама

по себе, она не должна сказываться на аппетите или на выборе блюд. Трудная эволюция приучила человека: никакие события не должны мешать добротной кормежке, иначе доминантом не стать, в Штатах все просто сдвинулись на идее быть доминантами везде и во всем.

— Интеллигенты есть везде, — невнятно рыкнул Сигурдсон, — но не они рулят людьми.

— Одно другому не мешает, — сказал я, — как ответила одна пятилетняя американка понаехавшему, который посоветовал ей не прыгать со скакалкой, а трахаться. Академик Сахаров был мягким интеллигентным человеком, но у него вздыбливалась шкура и выдвигались клыки, как только слышал, как похваляетеcь уничтожить Советский Союз. Именно этот интеллигентный человек, который мухи не обидит, указал на ваше уязвимое место и начал лоббировать идею закладки атомных мин.

— Чтобы мир рухнул в бездну?

— *Fiat justitia, pereat mundus*, — сказал я и, видя их лица, перевел: — Да свершится справедливость, и пусть погибнет мир!.. Это не мы придумали. Это сказали римляне, на чьем наследии и выросла западная этика. В том числе и ваша штатовская.

Он посмотрел, как я управляюсь с бифштексом, словно не верил, будто русские тоже умеют пользоваться ножом и вилкой.

— Хлесткие фразы, — сказал он хмуро, — редко бывают умными.

— Абсолютно согласен, — поддержал я. — Мы должны руководствоваться умом. Я это всегда всем говорю. Должны! Хотя звериная морда то и дело проглядывает в каждом из нас. Даже вон

в Дуайте, хотя он среди нас как просветленный Рамакришна.

Дуайт разлил вино по фужерам и поднял свой на уровень глаз.

— Так выпьем же за тех, кто руководствуется умом. И чтоб к ним перешла вся полнота власти.

— С удовольствием, — ответил я, так как тост адресовался больше мне, чем другим, их он знает как облупленных. — Умные сотрудничают, а не мечтают ударить в спину и стать единственным вожакom стаи.

— Хотя иногда и хочется, — сказал Дуайт с улыбкой.

— Еще как хочется, — подтвердил Сигурдсон. — Люди мы или умные?

— Ладно-ладно, — сказал Дуайт примирительно, — будем все же руководствоваться умом. Создадим особую группу людей.

Я сказал так же тоном ниже:

— Мы не сенаторы, которых избирают дворники и диванные хомячки. Сенаторы выполняют волю избирателей, а нам нужно делать то, что нужно, а не что простому народу хочется.

Они дипломатично промолчали, им такое вслух нельзя, страна настолько демократическая, что любому фашистскому строю даст сто очков вперед, но на меня поглядывают с пониманием и одобрением.

Дуайт, как замечаю, ухитряется слушать еще и по встроенному в ухо телефону, посматривает за расположившимися за столами неподалеку генералами. Такое ощущение, что и в курсе, кто что говорит.

Он перехватил мой взгляд, понимающе улыбнулся, дескать, разведчики видят друг друга издалека.

— Возвращаемся?

Я отодвинул пустую чашку кофе.

— Кофе настолько хорош, что и о спасении мира забудешь. Генерал?

Сигурдсон откликнулся мрачно:

— Да, конечно. Надо решать, а то что-то заигрались в короля на горе. А тем временем другие игроки захватывают поле.

— Китай?

— Индия растет и развивается еще быстрее, — напомнил он. — Кто бы подумал...

Глава 3

Возвращаясь вместе со всеми из ресторана в прежний зал, я быстро просмотрел свежие файлы, что поступили за время нашего завтрака. Ничего особенного: взрывы, подкупы, вербовка пятой колонны в России, передача им миллионных сумм из различных вроде бы неправительственных фондов, раскачивание ситуации в Татарстане, Башкирии, Туркмении, Армении, Грузии и везде вдоль границ с Россией.

То, что меня доставили в Пентагон, проверив и перепроверив всего, просветив не только желудок на случай бомбы, но и пересчитав все лейкоциты в крови, мало чему помогло, еще в первые минуты пребывания здесь я все пересмотрел, часть скопировал в свое хранилище в облаке, куда никому не добраться.

Дуайт пару раз упомянул, что это самое крупное офисное здание в мире начали строить в ожидании Второй мировой войны, но я интереса не проявил, построили и построи-

ли, никаких изысков, все для работы клерков, настоящих разведчиков, по мнению обывателя, меньше процента, хотя на самом деле все пять тысяч человек здесь разведчики, так как информацию собирают, не только прыгая ночью с парашютом и пистолетом в руке, но и вот так, из СМИ, соцсетей, чата, эсэмэсок, и-мэйлов, скайпа, мессенджеров...

Да и вообще на меня трудно произвести впечатление архитектурой, я не дикарь, в архитектуре должно быть нечто особое хай-тековское, чтобы я изволил вообще заметить, а чтобы одобрил, это вообще надо выстроить что-то из двадцать второго века.

За время завтрака в какой-то мере то ли остыли, то ли на полные желудки все мы добрее и рассудительнее, физиология рулит, как ни превозноси холодный расчет и стальную волю.

Во всяком случае, в зале все заняли свои места уже спокойнее и приготовились слушать.

Я пошарил взглядом по лицам, однако чудовищная генеральша еще не вернулась. Наверное, жрет в три горла в отдельном кабинете для особо важных персон.

— Давайте, — предложил я, — сперва поделюсь нашими наработками и оценкой ситуации.

Дуайт сказал вежливо:

— Прошу вас, доктор.

Я взглянул на аудиторию из полдюжины генералов и уже четверых штатских. Смотрят заинтересованно, вряд ли знают, что я доктор нейрофизиологии, а не борцун с глобальными катастрофами, иначе смотрели бы несколько иначе.

— Начнем с близкой вам и понятной темы, — сказал я. — Йеллоустонский вулкан.

Генерал Харгрейв поинтересовался тут же, выказывая свои обширнейшие для военного человека познания:

— Пишут, скоро пробудится?

— Верно, — согласился я, — но «скоро» — это в масштабах человечества, что значит плюс-минус десять тысяч лет... Гораздо страшнее Йеллоунстонского вулкана попытки норвежских энтузиастов проникнуть в глубины земли глубже чем на пять километров. Это значит проделать в коре дырочку...

Я сделал паузу, посмотрел на их непонимающие лица.

— И что? — спросил на этот раз Сигурдсон. — Оттуда пойдет тепло?

— И не только, — согласился я. — Нам трудно представить, какое там на глубине чудовищное давление. В общем, шампанское, выстреливающее из бутылки, если ее предварительно встряхнуть, — лишь слабая аналогия.

Дуайт сказал успокаивающим голосом:

— Насколько я знаю, в поисках геотермальной энергии обычно бурят вблизи вулканов. В Индонезии случайно задели водоносный слой, так из скважины ударил фонтан грязи, заливший вокруг на двадцать пять квадратных километров тамошнюю плодородную землю.

Кто-то из генералов из второго ряда добавил:

— На Гавайях, где я отдыхал, пару лет назад случайно вскрыли камеру с магмой, там тоже весьма нехило залило все вокруг. Только не грязью, а раскаленной магмой. Но, насколько знаю, в Норвегии нет вулканов?

Я вежливо поклонился.

— Джентльмены, я счастлив, что вы в курсе, не приходится разжевывать, как пришлось бы сенаторам...

Харгрейв бросил с кривой улыбкой:

— Это сомнительное удовольствие предстоит нам.

— На Гавайях, в Индонезии, в Шри-Ланке и у берегов Японии, — сказал я, — вскрывались на небольшой глубине крохотные камеры. Так сказать, пузырьки, просочившиеся по микротрещинам к самой поверхности, где и уперлись в кору. Однако в Норвегии сейчас приступают к проекту сверхглубокого бурения.

— Через саму кору? — уточнил Дуайт.

— Да, — подтвердил я. — Через толщу всей коры. Сигурдсон бухнул мощным голосом:

— Проект «Огненная Капля»? О нем много писали. Но вроде бы отвергли?

— Не отвергли, — ответил я. — Малость отложили. Сперва решили сделать сверхглубокую скважину, так сказать, обычными методами. На глубину в двенадцать километров.

Он сказал нетерпеливо:

— Это много или мало?

— Крохотные камеры, — напомнил я, — о которых шла речь, находятся на небольшой глубине. На них можно случайно наткнуться при обычном бурении. Но гораздо глубже расположены гигантские емкости, которые и питают десятки этих мелких. Если пробить скважину до такого резервуара, то все ужасы, что вы слышали про извержение Йеллоустонского вулкана, покажутся пустячком.

Дуайт спросил с натянутой улыбкой:

— Вы нас пугаете, доктор?

— Там, на глубине, — пояснил я, — не вода и не грязь. Там расплавленная мантия, что раз в десять или даже в сто миллионов лет сама по себе находит путь вверх. Наступает многолет-

няя зима, а она приводит к катастрофическому вымиранию многих видов живого мира, а другие балансируют на грани выживания.

Харгрейв спросил с непониманием:

— Многолетняя зима?.. А не лето?

Сигурдсон сказал ему довольно громко:

— Я тебе потом объясню. Дым и пепел закроют небо, лучи солнца не пробьются, мы все замерзнем... Доктор, продолжайте, пожалуйста!

— Следы таких выбросов раскаленной магмы, — сказал я, — покрывших территорию в несколько раз больше, чем сама Норвегия, есть в Индии, Сибири и здесь, в Америке. Вы понимаете, к чему я говорю?

Дуайт несколько натянуто улыбнулся.

— Поясните.

— Норвегия — ваш союзник, — напомнил я. — Заставьте ее отказаться от этого проекта. Шансы на то, что выброс погубит Норвегию и половину мира, слишком велики.

Он спросил живо:

— А кто еще погибнет? Россия?

Я кивнул.

— Да, вся европейская часть. Как и целиком Европа. Понимаю, вам это только в копилку, на хрена вам постоянно соперничающий ЕС, однако туча раскаленного пепла закроет небо и над Америкой тоже. Вообще над всей планетой. Начнется великая зима, которую обычно называют ядерной, хотя теперь можете расширить список. К примеру, назвать вулканной.

Сигурдсон сказал мрачно:

— Россию ладно, не жалко, но гибель Европы допустить нельзя. Там не просто наши союзники! Там наши интересы и наши деньги.

— Штаты тоже погибнут, — напомнил я. — Только не от лавы, что сожжет Норвегию и Европу, а, напротив, от холода. Земная поверхность будет скрыта от Солнца, здесь воцарится зима лет на десять-двадцать. Переживете?.. Думаю, в бункерах спасутся очень немногие... А скот и посевы погибнут в первый же год.

Генерал Харгрейв сделал пометку в планшете, хотя и так все пишется и снимается, но когда такое обилие материалов, приходится нужное выделять, а в нем отдельно подчеркивать самое важное, а там уж и вовсе чрезвычайное.

— Это в самом деле? — спросил он мрачно.

— Спросите своих экспертов, — посоветовал я. — И не спрашивайте норвежских, там заинтересованная сторона. Только, генерал, нужно помнить то, чего раньше не знали...

— Доктор?

— То ли наша планета стала крохотной, — ответил я, — то ли руки у нас удлинились. Камушек, сдвинутый в Индонезии, может вызвать лавину в Штатах. Потому с сегодняшнего дня эти суверенные страны нужно немножко ограничить в области суверенитета! Если Норвегия не послушается доброго совета своего старшего друга и союзника...

Он сказал мрачно:

— И что тогда?

Я ответил зло:

— Генерал, вы начали душить Россию санкциями совсем по ерунде; а тут колеблетесь, чтоб не обидеть Норвегию? А то, что оттуда может прийти гибель всему человечеству?.. И вашей собаке тоже!

Сигурдсон сказал недовольно:

— А с чего Норвегия должна послушаться нас?

— Генералы, — сказал я, — Штаты взяли на себя роль международного жандарма... Не крикитесь, это не оскорбление, сами знаете, без полиции жизнь превратилась бы в кошмар. В международных делах тоже должен быть жандарм. Необходим! Роль неблагодарная, вызывающая насмешки и упреки, но крайне нужная для нашего выживания. Так давайте не вставлять ему палки в колеса, а помогать по мере возможности.

Генерал Харгрейв буркнул:

— Золотые слова. Только странно слышать их от русского. Где подвох?

— Подвох в его отсутствии, — пояснил я. — Вам трудно поверить, что мы очень не хотим, чтобы Штаты погибли? Не хотим. Не только ученые, но и простой народ, которому дай айфоны поновее и голливудские сериалы подлиннее. А как жить, если с Америкой погибнет и Скарлет Йоханссон, а то и Николь Кидман? Потому настоятельно просим усилить охрану Йеллоустонского вулкана, на территории которого находится ваш Национальный парк и куда так легко проехать на машине...

В зал вошла Барбара Баллантэйн, настоящий носорог в мундире, что едва сдерживает ее мощные формы. Морда сытая, на ходу даже отерла губы платочком, села в заднем ряду, послушала, потом все же переселилась в передний — как же, такая важная фигура должна быть на виду.

В какой-то момент, когда завязалась общая и довольно беспорядочная дискуссия, она поднялась и требовательно посмотрела в нашу сторону.

Дуайт сказал торопливо:

— Влад, пойдемте быстрее. Я представлю вас.

— Зачем? — сказал я опасливо, — мы тут же подеремся.

— Разнимем, — пообещал он. — Если, конечно, она не убьет вас с первого же удара.

— Ну вот...

— Но и вы можете драться, — сказал он утешающе. — Мы же в Америке!.. Мы не Азия, у нас все равны. Женщин бить тоже можно. И нужно, чтобы не обвинили нас в преступном отношении как к слабым существам...

— Только не бросайте, — попросил я. — Мне уже страшно.

— Мне тоже, — заверил он, — но я буду рядом... некоторое время.

— А чуть что, бросите и убежите?

— Но я же демократ, нужно соответствовать установкам.

Мы вышли из-за стола, генеральша смотрит на меня обрекающим взглядом, вблизи вообще не-сокрушимый утес, широкая и массивная, Дуайт поклонился ей, будто мы на светском приеме.

— Генерал...

— Дуайт, — ответила она.

Он повернулся ко мне.

— Влад, позвольте представить вас генералу Барбаре Баллантэйн. Генерал Баллантэйн является главой сенатской комиссии по выявлению, соблюдению и соответствию процессуальным нормам в Пентагоне.

— А-а-а, — сказал я, так ничего и не поняв, — весьма важный отдел. Его стоило бы преобразовать в министерство. Мир усложняется, у генерала Баллантэйн много работы, но я уверен, отдел в надежных руках, как впоследствии будет и министерство.

Ее лицо не смягчилось, смотрит с прежней подозрительностью. Это мужчины из-за особенно-

стей генетической матрицы могут быстро менять мнение, принимать другие константы, а женщины, как хранительницы устойчивости мира и его традиций, все еще верят, что Коперник не прав, а земля плоская.

Впрочем, мелькнула злая мысль, это не мешает им пользоваться благами демократии и требовать для себя новых уступок вплоть до полной власти над миром.

— Доктор? — переспросила она густым требовательным голосом и с отчетливой ноткой недоверия в голосе. — Разве у вас не все должности занимают военные?

— Бывают исключения, — ответил я дипломатически, — или недоработки системы.

Дуайт и Сигурдсон переглянулись, в глазах Харгрейва веселый блеск, а генеральша кивнула с довольным видом.

— Да, у вас же там все рушится, все больше трещин в монолите национализма и тоталитарной власти!

— Вам виднее, — ответил я так же учтиво. — Жаль, что вы не на Марсе. Оттуда было б еще виднее. В смысле, большое видится на расстоянии.

— Но у вас все еще нет свобод, — подчеркнула она, — я смотрела коллективное фото членов вашего правительства и с ужасом и негодованием не увидела ни одного афроамериканца!.. Все белые, а это недопустимо в цивилизованном обществе! Это нацизм!

— Так у нас же нецивилизованное, — пояснил я успокаивающе, — зато женщины есть! Они и есть пока что наши негры. А там видно будет.

Она поморщилась.

— Чем они у вас руководят? Образованием и финансами? Так у нас в стране в любой семье женщина руководит семейным кошельком. А есть ли у вас женщины-генералы в высшем руководстве армией?

Только Дуайт с его проницательностью кадрового разведчика заметил, что я содрогнулся, однако ответил я все так же лживо искренне и с виду ох как уважительно:

— Генерал, наша страна более древняя, чем Штаты, мы за вами не успеваем.

Она произнесла свысока:

— Я это давно говорю.

— Посмотрим, — продолжил я дипломатично, — куда придете с такой армией, а там и сами... примем решение.

Глава 4

Похоже, ей понравился мой ответ, все недалекие люди склонны толковать двусмысленности в свою пользу, величаво окинула меня покровительственным взглядом, словно она Робинзон, а я Пятница.

— Конечно, придете. Но поторопитесь, иначе все места будут заняты.

Мы смотрели, как этот танкер величаво развернулся и снова сел в центре первого ряда.

Дуайт вернулся к столу, похлопал ладонью по столешнице.

— Прошу тишины! Доктор Лавроноф высказал опасения насчет нашего Йеллоустонского парка, где, как все помним, наш национальный парк. По мнению доктора, необходимо усилить его охрану...

Все смолчали, а Барбара Баллантэйн сказала мощным, как пароводная труба, голосом:

— Странное предупреждение. Как усилить? Поставить вокруг вулкана ваши эс-пятьсот? Насколько я знаю, самые совершенные противоракетные комплексы делает Россия?

Я сдвинул плечами.

— А что остается делать, если угрожаете забросать нас ракетами?.. Но вы не так меня поняли. Это старый проект: шарахнуть по Йеллоустонскому вулкану мегатонной бомбой, чтобы он пробудился и уничтожил Штаты. У нас эти ракеты уже перенацелены...

— Куда? — спросил Дуайт живо.

— Не помню, — ответил я с лицемерной улыбкой. — Я хочу сказать, охранять вулкан крайне необходимо от некоторых туристов. Скромных и незаметных.

Он спросил с недоверием:

— Туристы привезут мегатонную ядерную бомбу?

— Это было бы заметно, — согласился я. — Пока что объемы не позволяют провести в багажнике легкового автомобиля, а большегрузному транспорту въезд запрещен? Или нет?.. Но прогресс не стоит на месте. Вы же лучше меня знаете про испытание вашей новой бомбы, способной уничтожать самые глубокие и укрепленные бункеры...

Я сделал паузу, генерал Харгрейв, как самый быстро соображающий, сказал бойко:

— Эта та красавица, что, сброшенная с самолета, не взрывается, а начинает быстро-быстро вгрызаться в скальный или какой угодно другой грунт?

Я кивнул.

— В точку, генерал. Я вижу, вы еще и широко образованный человек.

Он дернулся, словно я его оскорбил, посмотрел опасливо на коллег, но те внимания не обратили, мало ли что мелет русский, от них хорошего слова никогда не дождаться.

— Прогрызается на любую глубину, — договорил он, — пока не провалится в бункер, а там уже взрывается? Господи, вот вы о чем!

Остальные молчали, старательно продумывая этот вариант. Сигурдсон хмурился, а Дуайт скривился, как от зубной боли, зато Барбара Баллантэйн сидит с каменным лицом, то ли ничего не поняла, то ли обожралась так, что в голове ни одной мысли.

Я покачал головой.

— На самом деле все еще опаснее.

Дуайт спросил с тревогой:

— Доктор, вы так пугаете? Что еще опаснее?

— Такую бомбу, — пояснил я, — вовсе не обязательно сбрасывать с самолета. Теперь понимаете? Легко и просто привезти на любом внедорожнике. Они у всех американцев, кто живет за городом, если вы все еще не знаете. Говорю вам еще раз, мы не хотим причинять вам ущерб! Если нужно, можем выставить свою российскую полицию вокруг парка.

Харгрейв скривился, показывая, что шутку оценил, а Сигурдсон сказал сварливо:

— Ваша коррупционная полиция за взятку пропустит что угодно!..

— Охраняйте сами, — ответил я мирно, — хоть американцы и тупые, но инстинкт самосохранения у вас развит сильнее, чем у любой другой нации.

Один из генералов из первого ряда поинтересовался, понизив голос:

— А что... есть серьезные предпосылки?

— По нашим данным, — сказал я, — у вас заканчивают разрабатывать роботов, способных работать при высоких температурах.

Он кивнул.

— Верно. По заказу армии.

— Через два месяца, — сказал я, — вы получите первые опытные образцы. Еще через полгода они поступят в широкую продажу. Многие горнодобывающие компании заинтересованы в таких установках.

Генерал посмотрел на меня исподлобья.

— Насколько я понимаю, — прогудел он, — это секретная информация. Даже я не знал, что работы будут закончены через два месяца...

— Через два месяца начнете испытания, — уточнил я. — А работы будут продолжаться. В конце концов у таких энтузиастов план вообще добраться до земного ядра. Теперь понимаете, чем грозит производство таких роботов?

Он покачал головой.

— Для Норвегии или нашего вулкана?

Я пояснил:

— Такой робот достаточно компактен, чтобы его провезли во внедорожнике на территорию парка. Или несколько штук. Им даже не придется зарываться слишком глубоко, понимаете?

Фрэнк Вачмоут сказал быстро из заднего ряда:

— Такой робот достигнет магмы через неделю.

Генерал спросил быстро:

— Но... дыру просверлит незначительную?

— До значительной, — пояснил Фрэнк, — ее расширит вырвавшаяся из недр магма! Раскален-

ной лавой зальет всего два-три штата, но остальные удушит пеплом и ядовитыми газами.

Генерал, сам с настолько серым лицом, словно его уже осыпало пеплом вулкана, посмотрел на меня с ужасом и сказал хриплым голосом:

— Всегда знал, самые страшные люди на свете — ученые. Почему тогда вместе с Бруно не сожгли и Коперника с Галилеем? Промашку дали в Ватикане...

— Там всегда промахиваются, — проворчал Сигурдсон.

Дуайт сказал быстро:

— Господа, на мой взгляд, предупреждение очень своевременное. Я имею в виду, что два месяца — слишком малый срок, чтобы провести закон или поправку через сенатские подкомиссии и подкомитеты. Можем и не успеть.

Сигурдсон повернул голову в сторону генерала Барбары.

— Если только генерал Баллантэйн не поможет ускорить, — сказал он. — Понадобится полгода, если по моим прикидкам, а за это время как раз начнут этих роботов продавать компаниям.

— А машины туристов можно поручить проверять Национальной гвардии, — предложил Харгрейв. — У меня в их руководстве есть связи. Да и мой тренировочный центр рядом.

Генеральша холодно промолчала, я пару раз ловил на себе ее тяжелый взгляд, полный подозрения и вражды.

Сигурдсон по просьбе Дуайта пересел к нам за стол, втроем руководить разговором и обсуждением оказалось намного легче, генерал пользуется авторитетом, к нему прислушиваются, его реплики анализируют, перетирают между собой.

Мое горло пересохло, я начал подумывать, что стоило бы заказать в зал кофе, как Дуайт взглянул на часы и сказал с радостным подъемом:

— Ого, десять минут до обеда!.. Господа, предлагаю сделать перерыв, нам всем стоит подкрепить силы, работа у нас хуже, чем у шахтеров. А после обеда вернемся к обсуждению.

Сигурдсон поднялся со словами:

— Да, пойдете. Пока не набежала всякая бес-
толочь из клерков и не заняла все столы.

Мы сели на те же места, а вскоре я увидел, что такое время обеда по-пентагонски, когда сплошным потоком в зал начали вливаться сотни и сотни этой бестолочи из клерков, как определил Сигурдсон.

Все шумно и весело рассаживаются за столами, кое-где даже сдвинули, чтобы сидеть компаниями, а я думал, что такую бесцеремонность позволяют только в России, хотя и тут бывших россиян полно, так что наше разгильдяйство нас закалило за тысячу лет, а вот Америку может погубить.

Официантов прибавилось, Дуайт велел подбежавшей девушке:

— Как обычно.

Она кивнула, взглянула с вопросом в глазах на меня.

— Ему что-нибудь особенное, — велел Дуайт. — Это будущий президент России, мы его тут ублажаем всячески, так что, милая, не ударь лицом в грязь.

Я важно надул щеки, она тепло улыбнулась.

— То есть и ему то же самое, что и вам?

Он царственно кивнул.

— Да. Пусть увидит, что Америка еще не голодает из-за наложенных на нее Россией санкций.

Она перевела взгляд на Сигурдсона, тот буркнул:

— Бараний бок с кашей.

Она записала и упорхнула, а я с интересом посмотрел на генерала. Судя по фамилии, предки жили в Скандинавии, а вот гастрономические предпочтения напомнили кого-то из хорошо известных русских помещиков.

Дуайт поинтересовался шепотом:

— Ну и как у вас впечатление о генерале Баллантэйн?

— Еще пять минут общения с нею, — ответил я откровенно, — и я сам готов нажать кнопку подрыва ядерных закладок. До чего вы довели страну, которой я восторгался с детства!

Он развел руками, но смолчал, зато мощно прогудел Сигурдсон:

— Вы с нею не общались еще как следует, а вот мы, военные... в общем, иногда самому так хочется сделать. К счастью, у нас нет такой власти.

— Вы в себе не уверены?

— В себе уверен, — ответил он густым голосом, — но чем больше есть противовесов и возможности остановить разгневанного человека, тем безопаснее для страны.

Я вздохнул.

— Да. Все верно, генерал. Если бы Америка была единственной страной на свете, тогда все верно.

Он бросил на меня косой взгляд.

— Если бы... а то у некоторых палец уже на кнопке, что рванет заряды на восточном и западном побережье.

— Насколько мне известно, — обронил я, — для каждого побережья отдельные кнопки. Более того, предусмотрена возможность взрыва отдельных зарядов.

В Дуайте моментально проснулся разведчик, хотя он, думаю, никогда не засыпает, спросил жадно:

— Зачем?

— Для демонстрации, — сообщил я. — Взрыв одной мины вызовет цунами небольшой мощности. Но так как пойдет не с середины океана, когда можно успеть подготовиться, что-то эвакуировать, а непосредственно перед, к примеру, военно-морской базой, то принять меры просто не успеют. Цунами выбросит на берег подводные лодки и даже авианосцы, что наверняка разломятся на суше от собственной тяжести.

Он охнул.

— Даже и не думайте! Генерал, вы слышали? Погибнет целый город, что живет обслуживанием этой базы!.. Все ремонтники, слесари, пекари, сантехники, парикмахеры, медики... А дети? Вы представляете, сколько там школ и детских садов?

— Полагаю, — ответил я медленно, — гуманитарные соображения не остановили бы ни наших генералов, ни ваших. Дело в другом...

Они оба в ожидании всматривались в мое лицо, Дуайт спросил:

— Доктор?

— В демонстрацию не поверят, — сказал я.

Он отшатнулся.

— Как? Увидев волну, что смела город, разрушила порт и выбросила на берег корабли?

— Это увидят, — согласился я, — но скажут, у русских была заложена одна-единственная бомба.

Он мгновение смотрел очень пристально, но первым заговорил Сигурдсон:

— Доктор Лавроноф хочет сказать, что тупоголовые американские вояки решат, что теперь-то можно нанести по русским ответный удар?.. Да, вы правы. К сожалению, это как раз может вызвать настоящий обмен ядерными ударами. И человечество окажется в каменном веке.

— Второй раз ему не повезет, — сообщил я. — Все доступные первобытным племенам минералы и руды давно истощены, а из глубоких шахт извлекать не смогут. Человечество так и останется в каменном. Пока не погибнет от очередной вспышки Солнца или удара гигантского астероида.

Он грустно улыбнулся.

— А если в подтверждение взорвать еще одну, дескать, то была не одна, те же самые аналитики скажут, что у русских было всего две бомбы и теперь можно ударить в ответ...

— Да, — согласился я, — у нас такое же. Люди везде одинаковы. Почему воюют?

— Потому что одинаковы, — ответил он.

Официантка пришла явно со стажером, тот держит свой поднос не так умело, с заметным напряжением, страхась наклонить хоть на миллиметр, и тогда вся гора блюд соскользнет на пол.

Мы помогли переставить к себе на стол, в Америке демократия, сегодня ты генерал, завтра — официант, как и наоборот, страна великих возможностей, как говорится в их рекламных проспектах.

Сигурдсон сразу же умело, хотя и без фокусов принялся за пожирание бараньего бока, Дуайт со вздохом резал изысканно приготовленное мясо

и обмакивал его во что-то красновато-зеленое с резким, но приятным запахом, подумал, сказал вдруг:

— Знаете что, доктор... а бросайте-ка Россию, давайте работать у нас! Вы нам просто необходимы.

Я легко улыбнулся, показывая, что ценю шутку.

— Разве живем не в демократическом мире?... А в демократическом и за полицией присматривают. Мы и есть те, кто не даст слишком уж обнаглеть мировому жандарму.

Он приподнял бровь.

— Но вы за то, чтобы дать ему больше полномочий?

— Мера вынужденная, — признался я. — Мир стал иным, и жить в нем придется по-новому. Вам предстоит объяснять своим демократам, что жесткий контроль над обществом тоже демократично, удобно и красиво. И вообще это вершина демократии, когда все под контролем. Как личная жизнь, так и каждый уголок на планете, что стала такой крохотной. У вас же такая пресса, что любую хрень сделает чистой правдой и заставит на нее молиться! Как американцев, так и нашу пятую колонну.

Дуайт сказал осторожно:

— Как представитель силовых структур, вы понимаете, я молюсь, чтобы ваши слова услышал Господь.

Сигурдсон прожевал кусок, сказал сильным голосом:

— Армия тоже «за». Но наши демократические принципы, гарантированные конституцией...

Я прервал с некоторой досадой в голосе:

— Генерал, вспомните, когда эта конституция принималась!.. Тогда даже радио не было. Для но-

вого мира нужна новая конституция. Или очень серьезные поправки, добавления, улучшения, апгрейды...

— Не кощунствуйте, — ответил он с достоинством. — Для нас конституция — это святое. Поэтому, принимая присягу, президент кладет одну руку на Библию, другую на Конституцию!

— А то, что посередине, — продолжил я, — кладет на избирателей. Это знакомо. Но я думал, американцы прагматики.

— Еще какие!

— Тогда вам карты в руки, — сказал я. — И вожжи. И пистолет. Мы делегируем вам эти полномочия.

Глава 5

Он хмыкнул и вернулся к своему помещичьему блюду, зато Дуайт поинтересовался с иронией:

— А как насчет вашей территории?

— Мы следим еще строже вас, — ответил я уклончиво. — Так что с нашей стороны угроз миру нет. Разве что Штатам, если обнаглеют... Но Штаты не так жалко, их можно и грохнуть, хотя там живут Скарлет и Маск...

— Хорошая пара, — сказал он. — А кто это?

— Да так, просто американцы...

— Значит, только сотрудничество?

— Именно, — ответил я. — Не вассалитет, как вы пытаетесь навязать, а сотрудничество. И постепенно все более тесное сотрудничество, пока не сольемся в одно общество. Не на ваших условиях, не на наших, а на...

— Компромиссных?

Я покачал головой.

— Нет. На условиях прогресса и продвижения к сингулярности. И вам, и нам многие условия покажутся жестковатыми, тут мы с вами в одной упряжке, но придется принять, иначе миру не выжить.

Мясо в самом деле восхитительное, хотя я не гурман, вообще к еде достаточно равнодушен, для меня важнее калории, витамины и микроэлементы, а все остальное выработает организм, он у людей настоящая алхимическая лаборатория, такие трансмутации творит, никакой ядерный реактор не сумеет...

Некоторое время ели молча, я заметил, что и Дуайт с Сигурдсоном тоже не гурманы, вообще настоящие мужчины не могут быть гурманами по определению, зато нет настоящих среди тех, кто позиционируют себя как знатоки вин, театра или искусства.

— Как блюдо? — поинтересовался Дуайт. — Это их фирменное!

— Терпимо.

— Гм... а как сама Америка?

Я сказал честно:

— У россиян к вам очень даже смешанное чувство.

— Вражды, — сказал Дуайт с пониманием, — а что еще?

— Вражды, — подтвердил я, — зависти, осознания вашей правоты в целом, желания помочь... и дать сдачи.

Он вскинул брови

— Странное сочетание.

— Ничуть, — заверил я. — Когда человек, которого вы считаете умным и правым, начинает

вас оскорблять и унижать, возникает желание дать ему в морду. Когда несете свет и просвещение в Азию и на Ближний Восток, мы приветствуем, поддерживаем и помогаем, но когда и нас зачисляете в ряды террористических режимов, мы готовы сунуть палку вам в колеса.

— Даже, — уточнил он, — когда мы едем в правильном направлении?

— Даже, — подтвердил я. — Мы ж люди, в конце концов?.. А значит, ничто человеческое нам не чуждо. Под человеческим принято подразумевать именно нечеловеческое, иррациональное, дурное, это чтоб понятно было даже американцам.

После обеда, малость отяжелевшие, мы провели в зале заседаний еще четыре часа в дискуссиях с генералами. Дуайт за это время пару раз переговорил с гражданскими. Парни явно из его ведомства, чувствуется по ряду параметров, я отвлекся и отыскал их засекреченные досье, но ничего особенного, Роб Кордли и Мэтт Миддледич, старшие агенты по особым поручениям, можно гордиться, это достаточно высокий ранг, оба в свое время успели поработать за рубежом, но в боевых операциях не участвовали, явно их сразу по результатам тестов готовили в стратегический резерв.

В зал наконец-то принесли бутылки с минеральной водой, а то у многих глотки пересохли от споров.

Дуайт придержал меня за локоть и сказал шепотом:

— Через пару минут закончим, рабочий день подошел к концу. Что-то хотите еще сказать?

— Да пока все идет хорошо, — заверил я.

— Правда? — спросил он с сомнением. — Ну тогда ладно. Я выделю машину, вас отвезут в отель. Если будут какие-то пожелания, только свистните.

— Пока все в порядке, — повторил я. — Завтра утром увидимся!

— Я позвоню вам в номер, — пообещал он. — Если надумаете малость поразвлечься вечером, могу такую программу задействовать!

Я покачал головой.

— Дуайт, вы же видите, я не развлекун. Как и вы. Нас интересует дело, а в остальное время только короткий отдых для ума и тела. Утром увидимся, продолжим работу с новыми силами.

Он улыбнулся, крепко пожал руку, прощаясь.

Когда я вышел из здания и спускался по ступенькам во двор, отыскивая взглядом выделенную мне машину, издали донесся оклик:

— Доктор Лавроноф!

Возле длинного ряда генеральских машин высится, как баобаб, фигура генерала Барбары Баллантэйн.

Я посмотрел в ее сторону с опаской, не ослышался ли, а она снова окликнула меня и помахала рукой. На всякий случай я оглянулся, надеясь, что не мне. Однако, увы, смотрит прямо на меня, как громадная змея на лягушку.

Я нехотя потащился в ее сторону, прикидывая, что ей надо и как отвертеться и от разговора, и вообще от общения.

На просторе автомобильной парковки она еще громаднее и носорожистее, взглянула в упор, будто ткнула палкой.

Я сказал вежливо:

— Генерал?

— Доктор, — произнесла она так веско и почти с натугой, словно держит в руках, собираясь обрушить на меня, скалу размером с Сингапур, — я глава сенатской комиссии по надзору за действиями наших силовых структур.

Я несколько деревянно поклонился.

— Да, генерал, вы уже упомянули как-то случайно... пять или шесть раз, если не ошибаюсь.

— Приходится, — пояснила она с суровой надменностью. — Вы же русский, вам повторять надо.

— Да, — согласился я, — запрягаем мы долго. Мы мирные люди, но наш минный пояс стоит на запасном пути... Это вы хотели услышать?

Она произнесла с отвращением:

— Дикари. Других вариантов просто не видите. Все же для вас делается!

— Гитлер тоже нес в мир новый порядок, — напомнил я. — Но его как-то не все поняли.

— Это вы о России? — спросила она.

Я кивнул, она искушена в дебатах, спорить с такими бесполезно, да и место неподходящее, потому я сказал совсем мирно:

— Культурные люди умеют выбирать друзей.

— Вы о президенте Сирии Асаде?

— О его соседе, — уточнил я, — о Саудовской Аравии, где вчера прилюдно казнили двух гомосексуалистов, а одного толпа на улице забила насмерть камнями... Лучший друг вашей страны! В смысле, и геи лучшие друзья, и Саудовская Аравия лучший друг, странно да? Но это нам странно, а вот вам как-то не странно, и все понятно, хотя непонятно, как это понятно, но у вас своя логика, верно? И ни одного протеста ни от вашего правительства, ни со стороны ваших геев. Интересно, правда?

Ее глаза сверкнули яростью, но она подавила вспышку гнева и произнесла со сдерживаемой враждебностью:

— Мы люди военные. Если политики делают что-то такое, что мы не понимаем, то разумнее полагать, что это именно мы недопонимаем, чем безосновательно считать их глупцами.

— Разумно, — согласился я. — Однако, как глава сенатской комиссии, вы в большей степени политик, чем военный? Или это вроде женщины-физика?

— А при чем здесь женщина-физик?

— Да так, — пробормотал я. — Почему-то вспомнил морскую свинку. Так чем могу помочь главе сенатской комиссии? Или хотя бы навредить?

Она сказала резко:

— У меня к вам несколько важных вопросов.

— Заседание окончено, — напомнил я. — Правда, завтра с утра продолжим. Если бог даст, как добавляют в вашей пока еще как бы набожной Америке.

— Дела важные нужно решать вне лимита времени, — отрезала она.

— Правда? — спросил я. — А то мне показалось, что я все еще в Штатах...

Она поинтересовалась надменно:

— А при чем здесь моя великая страна, светоч и пример для вашей отсталой?

— А у вас, — ответил я, — по сигналу, что рабочий день окончен, все бросают всё из рук, как слоны из хобота, и бегут к выходу.

Она сказала недобро:

— Много вы знаете про Соединенные Штаты. Но мне нужно...

Я прервал со всей вежливостью:

— Я устал и хочу есть. Даже жрать, чтобы американцам было яснее. Потому как-то не до объяснений простых истин, известных даже школьникам.

Она сказала холодно:

— Вон здание на перекрестке, видите?.. Там хороший ресторан, кормят по-домашнему вкусно, сытно и недорого. Вам же на командировочные дали совсем копейки?

— А вы ждали меня, чтобы я заплатил и за вас?

— Прикидываю, — ответила она недружелюбно, — не разорюсь ли. Русские, по слухам, прожорливы, как... в общем, прожорливы. Сравнить с саранчой — это обидеть прямокрылых. Так вот насчет этих закладок с минами... Мне кажется, вы знаете больше, чем выказываете. Садитесь!

Команда прозвучала с такой непрекращаемой силой, что я сперва сел в автомобиль на сиденье справа, а потом понял, что послушался, хоть и собирался развернуться и уйти. Похоже, эта Барбара несколько лет проработала унтером или фельдфебелем в штрафном батальоне, умеет разговаривать с царями природы и якобы доминантами.

К ресторану подъехали на ее автомобиле, хотя до распахнутых дверей всего-то улицу перейти, но американцы — самая ленивая нация, не зря же и самая толстая, как и самая жирная, лишний шаг не сделают, если не заплатят, чем даже гордятся, считая это заслугой протестантской этики.

Мы вышли из машины одновременно, дверцы синхронно хлопнули. Генеральша сделала шаг в сторону приветливо распахнутых дверей, а я бросил взгляд налево и сказал с подчеркнутым ужасом:

— Как вы могли, генерал!

Ее толстые губы слегка дрогнули в брезгливой гримасе, будто бы я в слово «генерал» завернул какое-то крупное и очень непристойное словцо, спросила с уже привычной для меня резкостью:

— Что стряслось, доктор? Что вас так пугает здесь?

— Вон там на доме, — пояснил и, памятуя, что имею дело с американцем да еще с женщиной, что вообще жесть, указал пальцем, — висит флаг Соединенных Штатов!

Она бросила взгляд в ту сторону.

— Да, и как вы заметили?

Я сказал в священном трепете:

— Как вы могли пройти мимо и не отдать честь?.. Вы патриотка или как? Или честь пришлось отдать по американской традиции еще в школе? Доказывая свою толерантность к понаехавшим?

Она поморщилась.

— Я видела флаг, но он далеко.

— А вот тот близко, — сказал я и указал пальцем. — А вот тот еще ближе... А тот хоть и дальше, зато такой огромный, пышный... Блин, да тут, куда ни глянь, одни флаги!

— У нас страна патриотов, — напомнила она холодно. — Мы за свою страну готовы отдать жизни кого угодно!

— Еще бы, — ответил я с предельной вежливостью. — Все остальные, что не совсем патриоты, в тюрьмах. Это верно, что в ваших концлагерях заключенных в восемнадцать раз больше, чем в Китае, России и Германии, вместе взятых? А когда мест не хватает, вы строите тюрьмы в других странах? Гуантанамо на Кубе и несколько сот в Польше?..

— Мне такая статистика ни к чему, — отрезала она. — Как я уже сказала, меня больше интересует ваша тайная миссия, мистер Лавроноф.

— Ищите-ищите, — ответил я с довольствием. — Обожаю, когда мои идеологические противники занимаются пустой работой.

— Это пустая?

— Конечно!.. Я прибыл для того, чтобы...

— То прикрытие, — возразила она. — А вот настоящая цель? Шантаж атомными минами? Требование пересмотреть какие-то договоры?.. Говорите смелее. В подобных случаях всегда связываются через низшие звенья, чтобы в случае неудачи делать вид, что никто ничего не предпринимал.

Мы приблизились ко входу, я пробормотал уже в холле:

— Под такие вопросы лучше всего идет коньяк... Она покосилась с подозрением.

— Продолжайте. А то мне отчетливо слышалось «но».

— Но я трансгуманист и сингулярец, — пояснил я, — мне такое нельзя...

— А если очень надо?

— Тогда, конечно, можно, — пояснил я. — В интересах взаимопонимания двух или больше отдельно взятых и еще зачем-то суверенных стран.

Глава 6

Швейцар приветливо поклонился, справа и слева подошли двое с ручными сканерами, генеральша остановилась и раскинула как крылья руки вроде Пегаса или Бурак, что оба с крыльями.

Хотя, скорее, это Тулпар, потому что Пегас летает для поэтов, он поэтичнее, а носорогов с крыльями, как мне до этого момента казалось, не бывает, разве что в мультиках, но генеральша вовсе не мультяшный персонаж, а про фильм ужасов из деликатности не упомяну.

Я смиренно дал потереть себя вилками анализаторов по спине, бокам и даже по гениталиям, а рядом на большом цветном экране двигается из стороны в сторону картина во всех красках, показывает, какого размера у меня что, где и какой формы.

Генеральша посматривала на экран без интереса, ее закончили проверять раньше меня скорее потому, что уже знают лично как частого посетителя.

Мы прошли дальше в холл, там что-то вроде светского приема, самцы и самки с фужерами вина в руках чинно прохаживаются вдоль стен и как бы с пониманием рассматривают картины из местного музея.

Не знаю, кто кому в этом случае платит, но раз это делается, значит, обеим сторонам выгодно. Без этого настоящий американец даже не почешется, а они все здесь янки из Коннектикута.

В холле колонны, цветы в роскошных кадках, женщины с обнаженными плечами и в длинных платьях, явно какое-то мероприятие, но мы, как два слона, солидно прошли наискось в распахнутые двери зала с накрытыми столами, где ярко, празднично, на столах чистые скатерти с остроконечными пирамидками салфеток и обязательные в этом сезоне дурацкие свечи.

Хорошо хоть, подумал я раздраженно, люстры блистают всюду, а от свечей только приторная

вонь, называемая благой, то есть благовония на марше, тоже мне передовая нация, а косят под дикарей, комплекс потерянного детства нации...

Метрдотель поспешил навстречу, высокий и представительный, как все президенты Соединенных Штатов, поклонился и молча провел к свободному столу, и, как мне показалось, который генеральша то ли заказала заранее, то ли это ее любимое место.

Она опустилась на мягкое сиденье, ее задница не совсем уж и поместилась, но это ничего, пусть свисает с обеих сторон, хотя генеральша вообще-то из тугого мяса, при всей огромности ничего у нее не свисает и не обвисает.

— Ну как здесь? — спросила она дежурно.

— Мило, — ответил я.

— И это все?

Я сказал нехотя:

— Фрейд бы объяснил, почему такая хайтековская страна, как США, тянется к старине... но я человек приличный, промолчу.

Она поморщилась.

— Откуда в России приличные люди? У вас их всех расстреляли.

— Наверное, из Штатов перебежали, — ответил я беспечно, — что-то ваши все больше получают российские паспорта. У нас страна поспокойнее. А это у вас еще не знают про два пояса атомных мин...

Она сказала с удовлетворением:

— А-а, вот с чем вы прибыли! С шантажом, а я все перебирала разные варианты.

— Голова не болит? — спросил я заботливо. — По статистике, в США самый высокий процент инсультников. Все думаете за весь мир, сердеч-

ные. Правда, сердечников тоже больше, чем во всем Китае. Также беспокоитесь, инфаркты зарабатываете.

Она спросила недобро:

— Полагаете, над этим уместно шутить?

— Думаю, Россия сама о себе позаботится, — ответил я. — Не надо рвать на груди рубаху из сочувствия к бедным россиянам.

— Почему?

— Вы нам сочувствуете, — пояснил я, — мы за вас, убогих, переживаем... гм, вообще-то правильно, если бы еще без перегибов с военными базами возле наших границ да еще со всех сторон.

— И поясом атомных мин?

— Просто посмотрите, — напомнил я, — кто начал первым. Атомные мины, повторяю в который раз, всего лишь ответка.

Неспешно приблизился величественный официант, роскошно седой и с пышной шевелюрой, похожий на композитора позапрошлого века.

Генеральша приняла из его руки папку меню, я скромно смолчал, мы же дикая Россия, там меню всегда вручают мужчине... хотя, правда, в моем случае почему-то все-таки вручали моей спутнице.

Она взглянула на меня с насмешливым вопросом в глазах.

— Вам сырое мясо?

— Можно, — ответил я. — Но лучше хорошо прожаренное. Отбивную для начала... Холодную закуску? Да что-нибудь рыбное, вы из каких стран экспортируете?.. На десерт блинчики, если у вас такое слово знают, и большую чашку кофе. С сахаром.

Она кивнула, продиктовала официанту, добавив и свой заказ, кушает она нехило, а когда тот ушел, сказала с отвращением:

— Мясо, мясо... Россия все еще дикая страна.
— Еще какая, — подтвердил я с удовольствием.
— Кто хорошо кушает, тот хорошо и думает!
— О здоровой пище даже не слышали?
— Что в рот полезло, — ответил я, — то и полезно.

Она поморщилась.

— Вот ваше прикрытие и слетело.

— Каким образом?

— Какой же вы физиолог?

— Доподлинный, — заверил я. — Просто я знаю, что бессмертие будет достигнуто, когда я еще не буду слишком уж старым и дряхлым. А еще раньше научатся лечить любые заболевания, вызванные неправильным питанием... ха-ха!.. и нездоровым образом жизни. А так как я физиолог и сам работаю над продлением жизни, то в числе первых и воспользуюсь.

Официант, уже другой, помоложе и половчее, принес заказанное нами, я даже удивился, что с такой скоростью, а потом сообразил, что я заказал типовой мужской набор, что постоянно жарится и готовится в расчете на таких вот непривередливых, а вот заказ генеральши чуть запоздал, хотя и она оказалась не такая уж и разборчивая.

На мое блюдо взглянула с неодобрением, а я сказал коварно:

— Ух ты, в самом деле вкусно... Ну как, поделиться счастьем в моей тарелке?

Она брезгливо поморщилась.

— Вы там уже все обслюнявили. Ешьте свое отвратительное канцерогенное мясо, что сокращает жизнь и приводит к онкологии... Ах да, вы же медик, вы все контролируете... А вы в самом деле медик?

Я улыбнулся.

— По вашему лицу, мешкам под глазами, желтоватости кожи и другим признакам могу сказать, что у вас букет болезней, начиная с запущенного варикоза и нефрита. У вас камни в желчном пузыре и даже в почках, а также сахарный диабет в начальной стадии, которую вы, судя по всему, пропустили... Так что вам в самом деле нужно очень даже поддерживать здоровую диету. Крайне важно.

Она злобно смотрела на меня исподлобья.

— Про варикоз и нефрит знаю, а насчет сахарного диабета сейчас придумали? Чтобы попутать?

— Нет, — заверил я. — К счастью, только начальная стадия, так что поддается даже медикаментозному лечению. Потом, да, если затянете слишком долго, только инсулин. Американца бы не стал предупреждать...

— А почему сейчас?

— Вы женщина, — пояснил я, — а среди женщин нет ни русских, ни американок.

Она поморщилась.

— У вас дикие взгляды древних людей. Увидели бы меня с автоматом в руках в боевой операции, вы бы такое даже не пискнули.

Мои плечи сами по себе зябко передернулись.

— Вы правы, страшно и представить. И что же вы там делали? Селфились для сената?

Она посмотрела насмешливо.

— А как я, по-вашему, стала бригадным. Через постель?

— Нет-нет, — сказал я с содроганием, — такого даже представить не могу. Значит, от рядового к генералу? В Америке такое все еще возможно?

— От сержанта к генералу, — уточнила она. — После шестимесячных курсов меня выпустили

младшим сержантом. А потом двадцать лет непрерывных схваток с террористами и врагами Америки по всему миру. Разумеется, приобретенный опыт не остался незамеченным, и меня начали поднимать от командира группы выше и выше. Наконец отозвали для работы в сенате, полагая, что здесь принесу стране пользы еще больше. Что я и стараюсь по мере сил делать.

Официант неслышно и так ловко поставил перед нею тарелку с супом, что она едва не опустила в нее локти. Я сделал вид, что не заметил, это американец бы жизнерадостно заржал и начал указывать пальцем, призывая поржать и других, хотя чего это я так строго, у нас в низах таких раскованных и демократичных американцев полно среди люмпенов.

Она принялась за вегетарианский салат, я указал взглядом на нечто выползающее там из-под листьев.

— А это что за такое странное?

— Улитки в сахаре, — объяснила она. — Виноградные. Малокалорийно, но питательно. Все главные витамины и максимум аминокислот.

— А мясо тут как?

— Мясо вредно, — сообщила она.

Я подозревал официанта.

— Бифштекс просто чудо, но порции маловаты. Принесите еще, но на этот раз самого вредного мяса. На второе можно рыбу, тоже обязательно вредную...

Он поклонился со счастливым выражением лица и уважением во взгляде.

— Мистер знает толк в хорошей еде!

Уходя, бросил взгляд на генеральшу, но не сказал, что знаю толк и в женщинах. Напротив,

в глазах я прочел искреннее сочувствие человека, которому не нужно сидеть рядом с таким крокодилом.

Она, работая ножом и вилкой, поинтересовалась:

— А что за «Огненная Капля»? Я как-то пропустила в новостях.

Я сказал с неохотой:

— О таком в новостях не сообщают. Это же сразу понизит рейтинг президента, а такое в вашей стране избегают любой ценой. Даже во вред Америке. Но думал, что скажу такое, так как что вредит Америке, во многом вредит и всему миру.

Она сказала неодобрительно:

— Какие русские злые. Потому у вас такая высокая смертность...

— Все болезни от нервов? — любопытствовал я. — Только триппер от удовольствия?

Она поморщилась.

— Узнаю русскую культуру. За столом...

— Так это для доступности, — пояснил я. — Американский юмор типа бросания тортами и поскальзывания на банановой кожуре. Мы же все знаем, даже в Африке наслышаны, какой уровень ваших избирателей. А разве это не ваше требование к миру, чтобы все подстраивались именно под вас?

— У нас высочайший уровень, — отрезала она. — И самые высокие здания, кстати!.. И самый длинный мост!

— Уже все не самое, — заверил я. — Это в прошлом. Сейчас Америка давно не та. И, думаю, начнется паника, когда узнают о минах.

Она нахмурилась.

— Не шутите так. Мы предпочтем, чтобы это осталось военной тайной. Вы заметили, на встрече с вами не допустили ни одного газетчика?

— А утечка информации?

Она пояснила:

— За каждым сотрудником постоянное наблюдение. Кто такое допустит, сразу станет известно.

— И он исчезнет?

Она взглянула холодно прямо в глаза.

— А вы как думаете? Когда затрагивается государственная безопасность, меры принимаются строгие. Слух про атомные мины может вызвать панику среди населения...

— Которую вы сами раздували все годы, — уточнил я, — рассказывая о злобных, страшных и непредсказуемых русских. Кстати, мы о минах помалкиваем. Ваше правительство знает... и ладно.

Она сказала с усилием:

— Знает-то знает... но, похоже, не очень-то верило.

— Не верило, — напомнил я, — что Россия встанет с колен. Во многое не верило, но сейчас придется или считаться с Россией... или воевать на радость ИГИЛу и всяким разным, не буду упоминать пальцем.

Она сказала мрачно:

— И не надо, пальцев не хватит. Так что же вы хотите?

— Прежде всего перестаньте тыкать нам в глаза палкой, — посоветовал я. — Просто попробуйте не тыкать... хотя бы какое-то время. И вы увидите, насколько изменится о вас мнение у россиян.

— Вы все не так понимаете!.. Мы же хотим вам, как лучше...

— Тогда почему это звучит как-то угрожающе? В общем, «Огненная Капля» вообще кошмар. И чуть-чуть, подумать только, не приняли этот проект... Эта капля не совсем капля, а эдакая капелька в пару сот тысяч тонн расплавленного железа, что проплавит кору и вызовет такое освобождение парниковых газов, что Земля станет такой же, как и Венера.

— Слава богу, — сказала она с облегчением, — что отказались.

Я несколько замедленно кивнул.

— Да... хорошо...

Она насторожилась, сказала требовательно:

— Доктор, вы что-то недоговариваете!

— Прогресс идет, — ответил я с неохотой, — вы ешьте-ешьте, а то остынет!.. вскоре появится намного более дешевый и компактный вариант глубинного зонда. Небольшой ядерный реактор весом всего в несколько тонн сможет неспешно проплавлять себе дорогу к земному ядру. За месяц он уже будет на глубине в тысячу километров. Километров, а не метров, в чем пока что считают глубину бурильщики!.. Так что бдите.

Она спросила с подозрением:

— А кто это придумал?

— Российский инженер, — сказал я с еще большей неохотой, — но ухватились за него в Штатах. У вас и денег больше, и дураков.

— Все-таки российский, — проговорила она зло. — Так и думала.

— Можете на этом сыграть, — предложил я. — Скажите, что российский инженер придумал такой проект, чтобы погубить Штаты. И в сенате тут же лишат проект финансирования, а всех заинте-

ресованных в нем посадят пожизненно в тюрьмы самого строгого режима.

Она кивнула.

— Хороший вариант. Насчет руки Москвы среагируют сразу. На это врожденный рефлекс со времен сенатора Маккарти.

— У вас полстраны его наследников, — заметил я.

— Что делать, — ответила она, — кто-то должен стоять на страже интересов страны. И это же прекрасно, что таких много.

Я сказал невесело:

— Ваша страна, как я уже сказал на заседании, взяла на себя нелегкую и отвратительную работу международного жандарма. Это никому не нравится, как и дорожная полиция на улицах городов и запрещающие знаки. Но, положив руку на сердце или Библию, что вы так любите картинно проделывать на публике, что было бы, отмени полицию?.. На дорогах немедленно воцарился бы ад, смертоубийства, погибших в автокатастрофах стало бы не в десятки, а в сотни и тысячи раз больше!

Она буркнула:

— Никто об этом не думает. Из любого конца планеты кричат с возмущением: «Мы страна свободы! Янки прочь!»

— Потому утирайте плевки, — сказал я с сочувствием, — и бдите во всем мире. Сейчас вот в Японии приступают к сверлению дна океана, намереваясь достичь мантии. Вся Япония, как вы знаете, в очень неустойчивом месте, ее потому и трясет постоянно, а когда достигнут мантии... я даже не берусь предсказать, какого джина выпустят.

— А что будет?

— Вода там вскипит, — пояснил я, — в радиусе двух-трех километров. Раскаленные газы сперва нагреют атмосферу, потом из-за недостатка солнечных лучей во всем мире наступит зима длинной в несколько лет...

Она на миг задержала вилку над улиткой, что тут же попыталась уползти подальше.

— Насколько это вероятно?

— Сорок процентов, — сказал я. — Шестьдесят процентов за то, что Япония получит предельно дешевый источник энергии и тепла, а сорок за то, что погибнет весь мир.

Она сказала зло:

— Вы умеете портить ужин.

— Япония ваш союзник, — напомнил я, — действуйте! Тем более ваши военные базы там самые крупные в мире. И, если уж говорить прямо, здесь чужих нет, вы с момента окончания войны приставили ей к виску ствол пистолета и держите, не отводя ни на миллиметр в сторону.

Она нахмурилась.

— У нас дружественные отношения.

— Я не осуждаю, — пояснил я. — Как раз хорошо, что этот пистолет в руке Америки.

Глава 7

Она взглянула с недоверием, но я смотрел предельно искренне, и она ответила с неохотой:

— Вы переоцениваете возможности нашей страны как мирового жандарма. Демократический мир... это мир демократии. Мы договорились о базовых общечеловеческих ценностях,

и полиция у нас не может творить произвол, как будто она где-то на улицах Москвы.

— Ну да, — согласился я, — это у нас полиция стреляет негров так просто, на всякий случай. А ваши базовые ценности не предусматривают простое выживание человеческого вида?

Она скривила губы.

— Если для этого придется поступиться хоть какими-то свободами, то... ответ очевиден.

— Хорошо бы, — ответил я, — если бы погибла только Америка... Нет-нет, я имею в виду, что сейчас любая проблема становится глобальной. Дурость Соединенных Штатов может привести к гибели всего рода человеческого, а это потеря больше, чем вся Америка. Хотя, конечно, для какого-то техасца насрать на весь мир, пусть летит в тартарары, лишь бы жил родной Техас!

— А если ему объяснить, — сказала она, — что при таких катастрофах не уцелеет и Техас?.. Впрочем, вы отвратительно правы, такое не объяснить. Дорожная полиция просто штрафует, а то и лишает прав на вождение. Но как, по-вашему, заставить прекратить бурение в Норвегии? Или Японии?

Я сказал со злорадной ноткой:

— Вы взяли на себя роль международного жандарма? Взяли. Вот и соответствуйте. Штрафуйте, отбирайте права...

— На бурение?

— Да на что угодно, — ответил я мирно. — Вы же давили нас санкциями? Хотя мы вам не угрожали. А вот Норвегия и Япония уже угрожают. Себя они уничтожат сразу, но это ладно, не жалко, но прищемят и нам пальчики, а это уже нехорошо.

Она посмотрела на меня в упор.

— Договаривайте, доктор.

— А что я не сказал?

— Что делать, если они, как у вас говорят в России, положат, а то и покладут на эти санкции, как сделали вы в ответ на наши?.. И все равно начнут бурение?

Я ответил тем же прямым взглядом.

— Генерал, мир вступил в новое состояние, а мы пытаемся рулить старыми методами. Вы пытаетесь. Если Норвегия своим бурением угрожает всему миру, то и весь мир должен ответить на угрозу. А прежде всего мировой жандарм, что обязан следить за порядком и обеспечивать свободу хотя бы жизни.

— Ну да, вот так просто!

Я сказал зло:

— Предложите другой вариант?.. А пока просто: не реагирует на увещевание... что ж, отберите права на бурение. Реквизируйте саму буровую установку. Установите наблюдение, чтобы никто и нигде такой вольности себе не позволял. Мир един, Норвегия не на другой планете!

Уже в суровом и почти враждебном молчании закончили с десертом, он даже мне показался горьким, когда приправой служит такой разговор.

Служащие за нами наблюдают, потому кофе принесли вовремя, горячий и сладкий, словно мое досье с описанием моих предпочтений у них уже на столе.

Кофе я освоил все-таки с удовольствием, генеральша сделала пару глотков травяного чая, что по цвету неотличим от воды, и взглядом подозвала официанта.

— Счет.

Он с поклоном протянул папку меню с вложенным счетом, а я сразу же вложил в нее бумажные доллары.

Генеральша посмотрела на меня исподлобья.

— Вы уже и сосчитали?

— Удивлены, что русские умеют считать? У нас еще и память хорошая.

Она подумала, сказала в неуверенности:

— Вообще-то ваше действие подпадает под семь уголовно наказуемых статей, начиная с харассмента и заканчивая отрицанием равноправия полов... вот только не знаю, распространяется ли это на иностранцев, командированных с официальным визитом?

— Полуофициальным, — уточнил я. — А это скользкая тема, даже американские юристы ломают о такие камни ноги.

Мы вышли в ночь, справа и слева страшное зарево близких городов, в Штатах электричество обходится дешево, не очень-то экономят, здесь практичное и предельно экономное протестантство, но несколько десятков миллионов русских переселенцев привнесли славянскую лихость и беспечность, что весьма заметно.

— Жаль, — сказала она с натуральным сожалением в голосе, — еще обо многом надо поговорить, но мы и так здесь засиделись. Наверное, договорим завтра.

— Да пустяки, — сказал я небрежно. — Можно на лавочке в парке посидеть и пообщаться в интересах взаимопонимания между странами. В кои-то веки такое еще случится. Вот разговариваем же! И еще не подрались.

Она посмотрела на небо, и тут же донеслись пока что далекие раскаты грома.

— Похоже, вот-вот дождь. На лавочке будет не очень, а мы без зонтов.

— Заедем ко мне, — предложил я. — Отель «Омега», это недалеко.

Она подумала, взглянула на меня оценивающе.

— Нет уж, воздержусь. На вас возложена очень уж важная миссия. Настолько важная, что я пока даже не могу оценить степень ее важности.

Я ощутил нечто недосказанное, поспешно уточнил:

— Я прибыл именно насчет контактов с вашими Центрами по противодействию глобальным катастрофам!

— И ничего больше?

Я ответил предельно искренне:

— Ничего больше.

Она пару мгновений всматривалась в мое лицо.

— Думаю, полиграф не сумел бы вас уличить... потому что вы говорите правду.

— Ну вот!

— Но это не вся правда, — добавила она тут же. — Я курирую финансовые потоки, что идут и на разведку, потому в курсе многих... моментов.

Я спросил настороженно:

— И в чем меня подозревают?

Она продолжала всматриваться в мое лицо, надеюсь, дышащее искренностью.

— Доктор, вы можете даже не догадываться, что на вас возложена иная миссия, а это ваше установление контактов с Фрэнком Вачмоугом, Крисом Реншоу и прочими гиками... всего лишь прикрытие.

Я вскрикнул оскорбленно:

— Почему гиками? Тогда и я гик!.. Наша цель — не допустить уничтожения человеческого вида!

— Вот-вот, — сказала она неумолимо, — вы так и должны думать. Человек вы искренний, а искренних разведка использует охотнее всего. Возможно, вы еще и честный? Хотя в какой-то мере?.. Тогда для них это вообще находка... Ладно, доктор, уже поздно. Завтра, возможно, выкроим время, чтобы поговорить еще. Хотя завтра во второй половине дня у меня в сенате слушания по перевороту в Нигерии...

Я сказал рассерженно:

— Нет уж, раздражали, а теперь в кусты? Выкладывайте!

Она покачала головой.

— В двух словах не объяснить. До завтра, доктор.

— Ладно, — сказал я, — объясните по дороге. А от вашего дома возьму такси.

Она поморщилась.

— Хорошо, садитесь. После плотного ужина вас не укачивает? Не люблю, когда блюют в салоне.

— Меня укачивает не ужин, — сообщил я.

Она не среагировала на похабный для француза, но не для американки намек, а когда я сел на правое сиденье, сказала деловито:

— Я в отличие от вас, доктор, профессионал в военном деле, а также знаю много о методах работы разведок. Во всех странах они вообще-то одинаковы, так что, зная одну, можно сказать, что знаешь все.

Она вырулила со стоянки, автомобиль резво понесся по ярко освещенной улице, где проезжая часть выглядит так, будто на нее падают солнечные лучи. Впрочем, от светящихся реклам, огней, фонарей и освещенных окон и на тротуа-

рах светло как днем, а стайки веселой молодежи со смехом и воплями передвигаются от одного бара к другому, а что еще демократам делать, не книжки же читать в самом деле.

Я задал вполне резонный вопрос:

— И почему эту некую важную миссию, как вы намекаете, поручили не высококвалифицированному профессионалу?

— Всех высококвалифицированных мы знаем, — сообщила она холодно. — К тому же они все уже на дипломатической работе.

— Тем более, — сказал я. — Если миссия важна, разве не должны ею заниматься дипломаты?

Ехали недолго, но она, почти не отвечая мне, сама успела задать десятки вопросов, достаточно емких. Пришлось потрудиться, отвечая, но когда весь Интернет открыт, что служит как добавочная память, в которой ничего не нужно вспоминать и рыться, а все послушно выпрыгивает по первому же щелчку пальцев и даже без него, то труд не слишком уж тяжкий.

Автомобиль начал снижать скорость, съехал на стоянку перед массивным домом в старинно-современном стиле.

Генеральша выключила мотор и посмотрела на меня еще холоднее.

— Все еще не понимаете?

— Нет, — ответил я честно.

— Бывают ситуации, — объяснила она, — чересчур щепетильные, к которым не знаешь, как и подойти, чтобы не обострить, чтобы не вызвать негодования.

— Но разве не умелые дипломаты лучше всех улаживают такие ситуации?

Она вздохнула, отстегнула ремень и открыла дверцу.

— Раз вы такой настырный, пойдемте. Доскажу в лифте или в прихожей. Здесь нельзя долго торчать в автомобиле, система наблюдения может подать сигнал тревоги.

Я кивнул на здание.

— А почему крыша плоская?

— Догадайтесь, — ответила она. — Вы хоть и не разведчик, но человек будущего?

— Для вертолета?

Она сдержанно улыбнулась.

— Иногда за мной присылают. Если спешка зашкаливает.

Перед ее домом ограда, из малоприметной будочки вышел охранник. Барбара кивнула ему и бросила что-то типа: «Это вот со мной», а он, бросив беглый взгляд на «это вот», кивнул.

Шлагбаум тут же поднялся, охранник некоторое время смотрел нам в спину, а потом что-то сказал в микрофон, встроенный в воротник.

Перед зданием крыльцо очень уж высокое и широкое с тремя высокими ступеньками, к бабке можно не ходить, это чтоб автомобиль, снеся шлагбаум, не мог удариться во входную дверь и взорваться так, чтобы и все здание в щебень.

В своей стране, подумал я с сочувствием, как в осажденной крепости. Вот и говори, что терроризм вот-вот будет разгромлен, если признаки поражения видны не в Саудовской Аравии, а уже даже европейская архитектура учитывает опасность фундаментализма.

Барбара бросила недовольный взгляд на мое потемневшее лицо, женщины — существа чуткие, уловила ход моих мыслей, хорошо хоть, что во мне ни капли злорадства, все-таки в этом вопросе с Америкой у нас никаких разногласий.

Я вылез первым и, когда она освободилась от ремня, открыл ей дверцу. Она кивнула несколько раздраженно, взглядом дала понять, что в стране победившей демократии так поступают только слуги, а свободные демократичные женщины все делают сами, это их завоевание, и они от него хоть сдохнут, но не откажутся.

— Красивый дом, — сказал я с сочувствием.

— Да, — согласилась она.

— Удобный и защищенный, — добавил я. — Даже на случай атомного удара со своим подземным укрытием с автономным запасом продуктов на полгода.

Она вскинула брови.

— Где это на нем написано?

Я пояснил:

— Строители пожалели совсем уж малость, чтобы слегка закамouflировать, что это дом класса ААБ-17. Такие здания вызывают раздражение фундаменталистов, два месяца назад во Франции именно в таком же взорвали в вестибюле бомбу.

Мы вошли в просторный вестибюль, я заметил две видеокамеры и мощный сканер, что просветил нас на предмет оружия или взрывчатки.

— Много погибло? — спросила она отрывисто.

— Всего трое, — ответил я небрежно. — Не жалко, лягушатники, посмели выйти из НАТО при де Голле, но сам факт взрыва в таком здании...

Глава 8

На месте консьержа дюжий парень в форме морского пехотинца играет на компьютере в нападение на Россию, на меня посмотрел как-то странно, а при виде генеральши лихо взял под козырек.

Лифт распахнул створки, внутри мягкий свет, хорошо замаскированная камера, но именно эта меня не интересует, просмотрел, за чем наблюдают остальные в доме, ничего интересного, скучно живут высокопоставленные американцы, все знают, что каждый жест под наблюдением, высокая цена безопасности.

— Как сумели пронести бомбу?

— Существуют десятки способов, — ответил я любезно. — Могу перечислить основные, хотя их намного больше. От террора нужно не защищаться, а находить их логова и выжигать дотла.

Она бросила на меня взгляд, полный неприязни.

— Как делали вы?.. Сжигая целиком села?

— Так было всего пару раз, — напомнил я. — И еще в Советском Союзе. Зато сразу террор прекращался. Когда охотники видят, что перед ними не олень, а лев, поспешно разбегаются сами.

Она буркнула:

— Наша армия действует строго в рамках закона.

— Написанного еще римскими юристами, — согласился я. — А как насчет того, что иные времена, иные песни?

— Для этого существуют комиссии специалистов.

— А свое мнение?

— Наше мнение опирается на заключение специалистов.

— А гражданская позиция? — поинтересовался я.

Лифт быстро понес нас с этажа на этаж, генеральша продолжала объяснять:

— Поймите же, дипломат отвечает за свои слова, такой у него статус. Обычно он уполномочен

сделать какое-то заявление, а в таких заявлениях специалисты проверяют каждое слово и прикидывают, как поймут, как истолкуют, не могут ли обратить какой-то речевой оборот против нас... Понимаете?

Я сказал убито:

— А я, значит, дурак, который не отвечает за свои слова?

Она почти улыбнулась, таким странным на мгновение стало ее лицо.

— Обидно? Но вы как раз отвечаете за свои слова, а дипломат говорит обычно от лица страны. Разницу улавливаете?

— Тогда мне повезло, — сообщил я. — В этом я настоящий американец: ни за что не хочу отвечать!

Она нахмурилась, но промолчала, а лифт едва заметно вздрогнул, останавливаясь, двери раздвинулись, выпуская нас в широкий длинный коридор, ярко освещенный и просматриваемый видеокамерами целиком, а еще тут же на выходе из лифта мы попали под зоркий взгляд второго сканера.

Барбара заметила мою ухмылку, нахмурилась.

— Что не так?

— Хорошее оснащение, — сказал я с чувством. — Эти бы средства да на атаку, а не защиту...

Она быстро посмотрела по сторонам пустой лестничной площадки.

— Какое оснащение?

— Видеокамеры АМ-24, — ответил я, — и за чем-то сканер ЦЦ-98М еще и здесь... Думаете, если я заметил, то больше никто? Плохо вы знаете оснащенность террористов.

Она огрызнулась:

— Мы им не по зубам.

— Защищающиеся всегда проигрывают, — ответил я мирно. — Всегда.

У одной из дверей она остановилась, вперила сердитый взгляд в крохотный «глазок». Там слабо блымнула вспышка, мигнул оранжевый огонек и сменился зеленым, что значит, защитная система Барбару Баллантэйн признала и позволит ей войти.

Я вздохнул, а когда генеральша распахнула дверь и жестом велела войти, покорно вошел, даже не замечая милитаристской роскоши прихожей, где на стенах старинные ружья времен Гражданской, а также однозарядные кольты и первые револьверы с барабанами.

Прихожая на самом деле не прихожая, а холл, американцы особенно отличаются от жителей России размерами квартир, но такое впечатляло больше в советское время, хотя и сейчас наша беднота завидует, хотя американская беднота живет ничуть не богаче.

Но комнаты мне понравились, никакой старины и вообще дурной роскоши. Американцы наконец-то перестали подражать Европе и выработали свою культуру, что при всем уважении к европейской мне нравится больше. Деловая простота, умелый дизайн, нацеленный не на показуху и бахвальство своим вкусом, что цветет и отвратительно пахнет и в России, а на место, где удобно отдыхать и работать.

На противоположной от оружия стене — крупное цветное фото женщины, что напомнила мне какую-то из актрис, но сразу вспомнить не мог, а в инет не полез, сказал учтиво:

— Красивая женщина. И снято очень умело.

Она ответила буднично:

— Моя партнерша. Она лесбиянка со стажем, а я так... недавняя. Возможно, узаконим свои отношения.

— У вас Америка, — напомнил я, — это даже приветствуется!.. Говорят, таких быстрее продвигают по службе.

— Брехня, — обронила она равнодушно. — Вы не подумали, что вами манипулируют?

— Нет, — ответил я честно. — Хотя это несколько обидно, что дипломата слушают, а от меня могут и отмахнуться.

— Это реальность, — сообщила она, — в нашем информационном мире существует такое понятие, как вброс. Или утечка информации. В таких случаях услышанное можно принимать, можно не принимать, но у тех, кто занимается этим, в ушах застрянет. Они сделают какие-то выводы, доложат на ступеньку выше. Если информация того заслуживает, она пойдет все дальше, пока ее в распечатанном виде не положат на стол президента.

Я пробормотал:

— Думаю, эта уже попала...

Она кивнула.

— Не сомневайтесь. Туалет прямо по коридору, вторая дверь налево. Но с тем, что вы принесли в клюве, нельзя ни обвинить Россию, ни поблагодарить. Эта информация пришла как бы со стороны, понимаете?.. Но сами вы теперь активный игрок, хотите того или нет.

Я зашел в туалет, дверь закрывать не стал, чтобы не прерывать разговор, сказал оттуда, стараясь направлять струю наискось на стенку раковины, чтобы не заглушала мой голос:

— А то, что я в таких делах ни уха ни рыла, засчитают?

С стороны кухни донеслось звяканье посуды, я стряхнул, застегнул молнию и, не помыв руки, я ж в Америке, вышел на кухню, где генеральша опускает на поверхность индукционной плиты небольшой, но раздутый чайник.

— Всегда на ночь пью ромашковый чай, — сообщила она. — Работа изматывающая, а без него не засну... Вообще-то вы свою работу уже выполнили, однако интерес к вам мы проявляем не случайно.

— Почему?

Она взглядом указала на стул.

— Сядьте. Я привыкла, что мужчины обычно ниже меня, а вы прямо вровень, это задевает мое эго. Несмотря на то что вы не разведчик, это многие уже поняли, вам все-таки доверили совершить такой вброс или утечку, называйте как хотите. Это значит, вы котируетесь у них высоко, хотя и не по линии разведки.

— Высоко, — подтвердил я. — Всем твержу, что я представляю российский Центр по борьбе с глобальными катастрофами! На мой взгляд, это куда круче и выше, чем какая-то, уж простите, всего лишь разведка.

Какое к черту укачивание, здесь не зыбь и даже не жестокий шторм, секс с нею напоминает драку, в которой оба стараемся победить, повергнуть противника и поплясать на его поверженном теле.

Она сражалась отчаянно, вкладывая все силы, прислушиваясь к каждому своему позыву и собирая все ресурсы, но мой организм бодр и отзывчив, как Швейк на необитаемом острове, так что в конце концов она рухнула в постели навзничь

и, раскинув в бессилии руки, отсапывалась тяжело и надсадно.

Я проговорил хриплым голосом:

— Уф... если уж выжил сейчас... то выживу всюду...

Она ответила с большим трудом:

— У меня... даже бои в спецназе... шли как-то легче...

— ЦРУ? — спросил я.

— Армейский, — ответила она. — Говорю же, оттуда пошла на повышение. Но ты силен... Но все равно не сможешь... не заставишь... отказаться от моей ориентации...

— И не думал, — буркнул я тоже срывающимся голосом.

— Хотя, — сказала она тем же задыхающимся голосом, — пару раз возникала мысль... Ты этого хотел?

Я фыркнул.

— Да какая разница?.. Секс в любом случае — это так мало. Меньше крошек со стола. Потому для меня в самом деле не важно.

Она отдышалась, спросила чуть другим голосом:

— Правда? А в вашем Советском Союзе...

— Теперь одна Россия, — напомнил я, — а не толерантный, раздираемый противоречиями и мультикультурный Советский Союз. А с Россией еще наплачетесь.

— То есть, — сказала она голосом чуть строже, — и у вас будут преследовать людей с нетрадиционной ориентацией?

— А их преследуют? — спросил я, уже возвращаясь в привычный наш драчливый мир. — На самом деле на них всем насрать. Просто не обращают внимания.

— А власти?

— У властей есть чем заняться, — сообщил я. — Госдеп не спит, только успевай обрубать его щупальца в моей стране. Сейчас даже люди попроще вслед за элитой понимают, что еще при их жизни предстоит переделывать свои тела. Сперва для продолжения жизни, потом для бессмертия... Будут в массовом порядке менять органы... в том числе и эти, а то и полностью откажутся от них... Кто ради интереса, кто по моде... И зная это отчетливо, даже примерно в каком году что случится, я стал бы участвовать в сегодняшних мелких баталиях, кому с кем и как совокупляться?

Она вздохнула, ногой спихнула одеяло на пол.

— Что-то вдруг есть захотелось. Пойду приготовлю ужин. Хотя это еще по-старому.

Я сказал занудно, я же ученый, без этого не могу:

— По-старому готовила разве что твоя мама. А то и бабушка. Пять-шесть часов на готовку обеда. Курицу нужно было ошипать, разделать, выбросить говно, почистить... да и жарили, не отходя от жаровни, а то подгорит, если время от времени не переворачивать.

Она поднялась, потянулась всем крепким телом, что хотя и разогрелось в постели, но выглядит как выдернутый из горна раскаленный слиток металла, а совсем не вылезшее из квашни тесто.

— Да, — ответила она с мощным зевком, — но те изменения влезали как-то незаметно... Это не паспорт под кожу вживлять!

— То ли еще будет, — пообещал я злорадно.

Она фыркнула и, не одеваясь, мощно ушла — пала на кухню. Я слышал, как там дала коман-

ду кухонному агрегату, лишь потом отправилась в ванную комнату.

Я подумал с усмешкой, что американцы в отличие от всех остальных народов мира всегда спешат перейти с любым собеседником на короткую ногу. Потому при знакомстве, называя себя, скажем, Робертом Терттлавом, тут же добавляют: но зови меня просто Бобби или Боб. А его собеседник тут же отвечает: а ты меня Тони, хотя его имя Томлинсон.

Сейчас в моде следующая ступень общения, когда протягиваешь руку, называешь имя и тут же деловито совокупаешься, чтобы повысить степень доверительности.

И в самом деле мы с нею повязались, и сразу на ты, хотя сказать «Барби» у меня язык все равно не повернется, пусть это как раз и есть уменьшительное от Барбары, нашей Варвары.

Вообще говорю с нею гораздо свободнее и откровеннее, чему, собственно, и служит этот переход на сокращенные имена и ритуальный секс, что теперь является обязательным, согласно правилам хорошего тона.

Я натянул трусы, это женщинам можно и нужно быть обнаженными, у них все внутри, потому запретов нет, а нам все еще пока нельзя, что и понятно, заглянул по дороге в туалет, а когда вышел в кухню и начал заглядывать через прозрачные стенки печи, что где готовится, она появилась со стороны ванной, уже с башней толстого махрового полотенца на голове, все еще обнаженная, что и понятно, в ее возрасте любая женщина гордилась бы такой могучей фигурой не то штангистки, не то борзуньи и демонстрировала ее при каждом удобном и даже неудобном случае, потому что для нас, мужчин, все такие случаи удобные.

— А тебя, — поинтересовалась она, — по возвращении в Россию не расстреляют за связь с американкой?

— Так не связь же была, — уточнил я, — а протокольный секс.

Она хмыкнула.

— Ваши старые чиновники разве разбираются в современных тенденциях?

— Все равно оправдаюсь, — ответил я. — Скажу, что все делал для отечества, с целью вербовки. Для блага страны и фатерлянда. А что скажешь ты родному госдепу?

— Отвечу честно, — сказала она. — Русский агент пытался завербовать, но я его поймела в свое удовольствие и не поддалась.

Я сказал потрясенно:

— В самом деле честно... Ты в самом деле глава сенатской комиссии?.. С другой стороны, лестно, что в удовольствие... И почему для нас такая ерунда все еще важна?.. Дикари, Фрейд потирает ладони.

Она фыркнула.

— Все равно тебе придется оправдываться.

— Так не в чем, — пояснил я. — Ничего же не было!.. Так, повязались просто пару раз. Без всяких там штук. Это, можно сказать, теперь и не считается.

— Рада за тебя, — ответила она. — А то неловко было бы как-то. Не очень люблю, когда по моей вине убивают.

— Еще и медаль дадут, — успокоил я. — У нас в консервативном обществе очень важно, кто кого имеет. Это вообще главное.

— А то, что в моей квартире?

— Так я же со своим уставом, — пояснил я. — В этом случае наша рука выше... У тебя здесь уют-

но, кстати. Прекрасная кухня, все автоматизировано, здорово!.. Молодцы китайцы.

Она нахмурилась.

— Это насмешка?

— Вовсе нет, — заверил я миролюбиво. — Нельзя все стараться делать самим. Пусть Китай проектирует лучшие в мире кухни, а США продолжает двигать фундаментальные науки, как было всегда. Хотя для женщин кухни, конечно, важнее, но не для человечества...

Она посмотрела с подозрением.

— А это уже оскорбление. Женщины тоже часть человечества. Причем лучшая.

Я вскинул обе руки.

— Пойду одеваться.

Глава 9

— Сиди, — велела она. — Я еще не настолько зла, чтобы предпочесть видеть на тебе штаны. Ты должен уметь формулировать мысль иначе.

— Как? — спросил я опасливо.

— Большая часть женщин, — сказала она наставительно, — и значительная часть мужчин предпочитают кухни, но большая часть мужчин и значительная часть женщин предпочитает науку!

— Занудно, — определил я.

— Но зато правильно.

Я вздохнул с облегчением и виноватостью:

— Прости, все верно. Но я не настолько зануден. В разговоре на кухне обычно все упрощаем и обобщаем.

Не слушая, она откинула дверцу духовки, пахнуло мощным ароматом запеченной птицы.

— Натуральная, — сказала она, не поворачиваясь, — не геномодифицированная.

— Ничего, — успокоил я, — и до вас цивилизация доберется. Со временем.

Она вздохнула.

— Понятно, ты из тех, кто предпочитает гено-измененное. Но нетронутое стоит дороже.

— У нас деревянные ложки тоже дороже металлических, — сообщил я. — Хотя есть ими неудобно. А самовары так вообще в цене!.. Сколько еще на свете... нормальных и правильных, просто ужас...

Она вытащила из духовки пышущую жаром индейку, национальное блюдо, хоть и уступает нашему гусю по всем показателям, но американцы обязаны есть именно ее, так как, когда первые колонисты с Мэйфлауэра, измученные и едва живые от голода сошли на берег, увидели огромные стада диких индеек, что паслись там же у самой воды.

Любой народ нуждается в каких-то символах. Евреи в память о том, что сорок лет скитались по пустыне в поисках места, где нет нефти, и потому питались отвратительной манной небесной, чтобы не умереть с голоду, в память о том героическом времени, пекут пресные и почти несъедобные лепешки, китайцы в память о победе при Янцзы полторы тысячи лет назад носят по улицам огромного дракона, а нынешние американцы обязательно пекут индейку, а кто этого не делает, тот предатель и пособник кровавой диктатуры Москвы.

Я потянул носом, запах проник до самых пяток, заставил подпрыгнуть в радостном ожидании желудок. Когда-то заменю на аккумулятор, там бу-

дут другие радости и преимущества, но пока он, не видя конкуренции, наглеет и выставляет свои требования как самые правильные и законные.

— Да режь скорее, — взмолился я. — Или дай нож, я сам!

— Возьми, — ответила она и протянула огромный десантный нож ручкой вперед. — Поупражняйся в убийстве, теоретик!

— Какое же это убийство? — возразил я.

— Сперва жареную птицу, — сказала она, — потом живую... а затем и человека.

Я передернул плечами.

— Ну что ты!.. Человека хоть и хочется, но нельзя, даже если хочется очень уж очень. Пусть даже приятно, если все-таки зарежешь. Но почему-то нельзя, а я законопослушный. Нельзя так нельзя.

Она подставила свою тарелку, я переложил ей самый сочный ломоть, это область задницы, у птиц это тоже самое лакомое, себе традиционно мясистую ногу, так как мужчины должны крепко держаться в седле, такова жизнь, молодым девушкам кладут крылышки, ей же вылетать замуж, так что все путем, я распределил правильно, а по ее лицу вижу, что да, у них примерно тот же принцип. Американцы тоже произошли от той же обезьяны, как и мы, хотя и утверждают, что их сотворил сам Бог.

— Нельзя так нельзя, — повторила она, — но ты из тех, кто устанавливает новые правила?

— Прогресс устанавливает, — ответил я дипломатично.

— А ты из таких?

— Мы только формулируем.

Она нахмурилась, ела молча, потом все же заинтересовалась:

— А по каким... критериям?

— Критериям выживаемости человечества, — ответил я кратко. — Технический и вообще научный прогресс застал нас малость неподготовленными.

— Это малость?

— Даже не малость, — согласился я, — а даже очень сильно неподготовленными. В Штатах до сих пор видят угрозу со стороны террористов, что взрывают бомбы в ваших городах...

— Все более мощные, — напомнила она.

— Но это просто смешно...

Она чуть не подавилась куском мяса.

— Смешно?

— Я хотел сказать, — уточнил я поспешно, — что это комариные укусы. Сколько та бомба убьет? Ну двадцать-тридцать, пусть даже сто человек! Для трехсотмиллионной Америки это меньше комариного укуса. Однако сейчас быстро зреют угрозы во всех концах планеты... угрозы всему роду человеческому. И если не начнем прямо сейчас быстро и беспощадно... на виде человека можно поставить крест. Вид, это биологический вид, есть такой термин.

— Правда? — спросила она с сарказмом. — В Штатах тоже, кстати, начальные школы есть. И биологию там проходят!

— Ух ты, — ответил я в счастливом изумлении, — а я думал, вы все креационисты.

Она молча взяла обе тарелки, я едва успел схватить со своей последний кусок индейки, стряхнула кости в ведро, а тарелки сунула в посудомоечную.

— Ладно, — сказала она с тяжелым вздохом, — надо спать. Не хочу явиться на службу невыспанная и с помятым лицом.

Я благоразумно умолк. Что-то пошло не так, как предполагала она, да и я тоже, потому, наверное, лучше всего сделать вид, что ничего не случилось.

Вынырнул из бездны сна довольно рано, организм восстановился, еще до поездки в Штаты кое в чем еще и апгрейвился, отдыха требуется совсем мало.

Рядом пышет жаром плотное горячее тело спящей Барбары, такого носорога не подгрестишь ближе, сам прижался к ее спине, где под тонким слоем нежного жира прощупываются упругие широкие и плотные мышцы, начал перебирать секретнейшие данные, тщательно упрятанные Пентагоном в свои закрома.

Там в самом деле немало такого, что очень даже заинтересовало бы КГБ и ГРУ, но пока что останется все здесь. И вовсе не потому, что пришлось бы объяснять, как получил к ним доступ.

Дело в том, что и КГБ с ГРУ, и ЦРУ с АНБ пока еще нужны структуры для сегодняшнего дня, но я живу и работаю на будущее и очень не хочу влезать как в сегодняшнюю политику, так и в противостояние между разведками. Все это прошлое, устаревшее, атавизм, и очень скоро будет оставлено за порогом нового чудесного мира сингулярности...

Пробежался по списку жильцов дома, за секунду пересмотрел записи со всех видеокамер. Кое-кто еще спит, как и Барбара, некоторые встали и плотно завтракают, один чужак крутит педали на велотренажере, уже мокрый, хрипит, но не отрывает взгляда от табло с меняющимися цифрами...

В этом доме по большей части чиновники Пентагона, в какой-то мере удобно по целому ряду причин, а с другой стороны, весь дом становится лакомой целью для террористической атаки.

Конечно, здесь охрана дай боже, зато одним ударом можно отправить в ад сотни высокопоставленных неверных. Жилыцы об этом не забывают, не случайно среди них такой высокий процент страдающих язвой желудка и рядом нервных расстройств.

Барбара всхрипнула, как могучий брабант, вернулась, не просыпаясь, на спину. Крупное лицо во сне стало почти женским, расслабленным, грудь все еще не потеряла форму, могучие такие полушария, нежно-белая кожа, словно ее хозяйка года два-три не бывала в отпуске на море, хотя, возможно, и в самом деле не могла выкроить время. А то и в самом деле пренебрегала этим бесцельным занятием, столь обожаемым офисным планктоном и прочими бездельниками и лодырями.

Тех, кто не пропускает ни отпуска, ни выходные дни, а после работы никогда не задерживается на службе, редко продвигают по ступенькам карьеры. А у нее не только поощрения и награды, но и эти вот шрамы. Даже без заглядывания в ее досье могу сказать, какой от пули, какой от ножа, а вот эти два от осколков гранаты...

Ее веки затрепетали, быстро распахнула глаза, но на меня взглянула без изумления, быстро вспомнила, как я оказался в ее постели, тут же проговорила все еще сонным голосом:

— Который час?.. А-а, вижу... Не спится?

— Уже выспался, — ответил я.

— Разница во времени? — спросила она.

— Я перестраиваюсь быстро, — заверил я. — Никаких проблем. Как спалось?

— Как убитая, — ответила она. — Давно не спала так крепко. И ничего не снилось.

— Показатели идеальные, — согласился я.

Она перевела взгляд на табло на стене, туда по Вай-Фаю идет информация от датчиков кровати, и сейчас там подрагивают цифры, почти не сменяясь: артериальное давление сто двадцать на восемьдесят, пульс сорок девять, объем легких четыре триста, правый желудочек сердца... левый...

— Выровнялись, — произнесла она со странным выражением, — вчера было сто пятьдесят на девяносто, а пульс за восемьдесят...

— Здоровый сон, — сказал я, — это здорово. Здоровый сон... он восстанавливает, ага. И приводит все в норму, а как же. Так запрограммировано... сон для того и задуман природой, чтобы неспешно разобраться во всем, что днем напутали и наперепутывали...

— Похоже, — согласилась она, — так и есть... И это несмотря на то, что ты вчера только и делал, что бросал камни в Штаты! И вообще вы все постоянно говорите о нашей стране почти с враждой...

— Да, — согласился я, — но это понятная амбивалентность. Мы же соперники. Это такая любовь.

— Странная какая-то любовь...

— Нисколько, — возразил я. — Мы все особенно придирчивы к своим близким, кого любим и ценим. Остальные нам по фигу. За своих болеем, ругаем за малейший промах, назойливо поучаем, как надо, что надо, сюда не ходи, а ходи сюда...

— Гм...

— Штаты, — сказал я настойчиво, — лидер нашего мира. Того мира, в котором Россия занимает не последнее место. Говоря начистоту, второе. Сразу после Америки следует Россия. И только Россия, как и Америка, озабочена судьбами всего мира и может смотреть по сторонам.

— А остальные?

Я зевнул, сладко потянулся.

— Погрязли. В дрязгах, внутренних проблемах. Взять тот же Европейский союз. Мало того что у каждой страны внутри творится такое, даже со стороны смотреть страшно, так еще и друг с другом грызутся. Куда уж поднять голову и посмотреть, что там затевается, например, в Тунисе? Или в Шри-Ланке?

— Ну да, — согласился она, — Америка смотрит за порядком...

— Международный жандарм, — напомнил я.

Она сердито отрезала:

— Не люблю этого слова!

— Эх, — сказал я с сожалением, — как же въелось у каждого из вас наследие Робин Гуда, лесного грабителя!.. И хотя понимаете необходимость и правоту шерифа, сами же их выбираете из числа самых лучших, честных и порядочных, но что-то гаденькое в душе подает голос за Робина. Дескать, как же это приятно убивать и грабить...

Она промолчала, задумавшись, как представитель власти и вообще взрослый понимающий человек, она, естественно, на стороне ноттингемского шерифа Гая Гисборна, но подленькая часть бунтарства подает голос за грабителя Робин Гуда...

Мы зевали и потягивались, до подъема еще полчаса, но вот так лежать двум голым в постели, разговаривать и не повязаться как-то не совсем правильно.

Барбара тоже вроде бы ощутила некоторый диссонанс, некоторые вещи должны происходить обязательно, иначе оставят неприятный привкус, что не рассеется, а будет только усиливаться.

В какой-то момент она ощутила, что я ищу тему и не нахожу, она повернулась ко мне, лицо почти злое, что-то мы оба отходим от своих принципов, однако те рождены в коре головного мозга, который вообще щенок перед спинным и даже перед своими же глубинными долями, где гнездятся основные инстинкты, что заставили когда-то выбраться на сушу, а потом победно повели по ступенькам эволюции, попутно выращивая и увеличивая в размерах крохотный и слабенький головной...

Против такой мощи даже спорить глупо, мы совершенно бездумно и предельно инстинктивно сдались этой стихии, что подхватила и понесла, как ураган две сцепившиеся щепки.

Наверное, так же инстинктивно, но на чуть более позднем уровне, относимся друг к другу как противники, даже как враги, потому что когда расцепились и упали на постель, то долго отхрюкивались, вконец измученные.

Вообще-то как-то неправильно, вчера пошли на секс согласно протоколу, так принято в приличном обществе, без этих обязательных фрикций как-то даже неловко, словно двое жуликов, но и переходить за грань всего лишь оргазма считается чрезмерным. Такое свойственно про-

столюдинам и прочим безголовым, у которых поведением управляют гениталии.

— Пора вставать, — произнесла она с усилием, мне в глаза старалась не смотреть, — а пока освежимся в душе, тем временем поспеет завтрак...

— Я прослежу за ним, — пообещал я, это чтобы не идти с нею в душевую, но она то ли не поняла, то ли не приняла такой жертвы, отмахнулась: — У меня все на автоматике. Пойдем!

В душевой поместился бы и взвод, то ли американцы обожают все просторное, то ли мы после замучившего нас жилищного вопроса, когда шла война за каждый квадратный метр площади, никак не привыкнем, но я мог бы встать за три шага от Барбары, но опять же будет выглядеть странно, потому взял мягкую тряпочку, работающую здесь мочалкой, и старательно протер ей широкую спину и массивную, как у коня круп, задницу.

В свою очередь, она быстро помогла освободиться от остатков пота мне, стараясь не задевать эрогенные зоны, а то что-то как-то ведем себя не совсем как глава сенатской комиссии и доктор наук, лучше не провоцировать в себе пещерность, а то в зеркало смотреть будет как-то неловко. Хотя и приятно.

Из душевой отправились каждый к своей одежде, а на кухню уже вышли председатель сенатской комиссии и глава Центра борьбы с глобальными угрозами.

— Хорошо пахнет, — сказал я ободрительно. — Индейка?

— Индейка, — наставительно ответила она, — это по праздникам!.. Нельзя опошлять священные символы. Мало ли что можем каждый день... но нельзя.

Глава 10

Я наклонился, рассматривая, как в хорошо освещенном пространстве духовки медленно вращается на вертеле здоровенный то ли гусь, то ли тетерев. Из крохотных отверстий в стенках время от времени упруго выстреливают струйки не то воды, не то специй, блестящая коричневая корочка сверкает, я уже ощутил как захрустит на зубах толстая нежная корочка, впитавшая в себя все ароматы и одуряющие запахи...

— Вот почему американцы, — сказал я с чувством, — самая толстая нация!

— Но-но, — сказала она, — уже не американцы. У нас мода на здоровый образ жизни, а вот в России...

— Открывай, — прервал я, — видишь, уже готово!

— Еще четыре минуты, — уточнила она. — Здесь все выверено.

— А плита штатовская, — заметил я. — Кухня и почти вся мебель китайская, а вот аппаратура... молодцы, этого отдавать нельзя. Подумать только, хай-тек и здесь рулит!.. Кофеварка в инете?

— А откуда ей еще скачивать новые рецепты? — ответила она. — Следит, всюду шарит... Заодно и апгрейдится.

Я кивнул.

— Моим родителям трудно представить, что купленная однажды вещь не стареет, а начинает работать все лучше.

— И возможностей, — подтвердила она, — у нее откуда-то становится все больше. До сих пор сама изумляюсь.

— Изумляюсь и радуюсь, — подтвердил я. — Мы все меняем мир. Для всех.

Таймер пикнул, Барбара сделала перед плитой понятный жест, и передняя стенка подалась вперед, распахивая залитую ярким светом оранжево-коричневую тушку гуся.

Одуряющий аромат шибанул в лицо, я охнул, Барбара ловко вытащила коричневое тельце и сразу переложила на блюдо. Дверка печи величественно закрылась, свет внутри погас.

Я разрезал гуся на части, поинтересовался:

— А почему эта милая птичка?..

— А что надо было?

— Ну, телятина, говядина...

Она сдвинула плечами.

— Мужчины почему-то предпочитают гуся. Даже больше, чем курицу.

— Наверное, — предположил я, — гусь покрупнее?.. Не важно, я тоже из большинства. Гусь — это круто. Думаю, мы с тобой управимся.

— Мне вон тот кусок, — скомандовала она. — Все-все, довольно!.. Ладно, и этот, но не больше...

Я тоже поглядывал на часы, Дуайт выйдет на улицу встречать, у меня пропуска в Пентагон нет и не будет, да и ненадолго приехал, Барбара жует тоже споро и безостановочно, как мощная камнедробилка, в армии учат есть быстро.

Еще минута на то, чтобы обуться, мы управились и уже при полном параде вошли в лифт.

Внизу морпех на пульте охраны посмотрел на меня с явным интересом и нескрываемым уважением. Не знаю как, но мы, мужчины, издали и с первого взгляда понимаем, этот спал в подобных случаях на диване или под одним одеялом с хозяйкой.

Садясь в автомобиль, она сказала сурово:

— Будь готов, если разговор снова зайдет о минах.

Я охнул.

— Но я же сказал все! И так, мне кажется, уже повторяюсь!

— Придут новые, — объяснила она, — уже из Белого дома. Администрация президента хочет услышать из первых уст. Может быть, им ты скажешь больше?.. Пристегнись, ты не в диких степях России!

— Барбара, — ответил я с мукой, — ну как им объяснить, что сейчас главное вовсе не эти мины?.. Конечно же, Россия не хочет их взрывать. И скорее всего вообще не взорвет, даже если Америка совсем уж на голову сядет... Просто я бы не советовал рисковать... слишком уж. Отчаянные люди есть везде, а бывает и такое, что самые рассудительные вдруг иногда в такое пике срываются!.. слабые уходят в буддизм, а сильные говорят: да пропади оно все пропадом!

— То-то и оно.

— Сейчас, — сказал с жаром, — у нас куда более опасный вызов, чем эти мины!

— Твои глобальные террористы?

В ее голосе все еще звучало сомнение, я сказал с нажимом:

— Да!.. Они угрожают Штатам, России и всему миру!.. Это новая угроза, к которой мы еще не готовы. Надо было начинать борьбу еще год назад!.. А сейчас в спешке, раз уж опоздали, нужно срочно уничтожить эти гнезда, чтобы там осталась только выжженная земля!

Она вырулила на широкую трассу, добавила скорости, автомобиль понесся по идеально ровному и ухоженному полотну дороги.

— Группа с военной базы под Эль-Кала, — сказала она вдруг, — в авральном порядке прибыла в указанное вами место. Обнаружено несколько обутленных тел с застрявшими в костях пулями, в основном в черепах, что говорит о хорошей подготовке стрелявших, и остатки медицинского оборудования. Верить тебе нашим специалистам очень не хочется, слишком неудобные и даже страшные вещи говоришь, потому там сейчас проверяют все очень тщательно...

— Надеюсь, — пробормотал я.

Она сказала ровным голосом:

— Но уже подозрительно, что такое дорогое и сложное оборудование завезено в такие недоступные места. И еще нехороший момент...

— Барбара?

Она договорила мрачно:

— Никто нигде не возмутился, что какие-то бандиты напали на их мирных исследователей и убили всех.

— Еще бы, — сказал я, оживая. — Даже сейчас, если там хорошо порыться, можно многое накопать из незаконного.

Она сказала с неодобрением:

— Но все-таки сделано по-русски. То есть слишком грубо и прямолинейно. Нужно было арестовывать для допроса...

— Во-первых, — ответил я с жаром, — они в самом деле не знали, кто им заказывал исследование и создание вируса. Деньги поступали с анонимного счета. Во-вторых... мы и так опаздывали!

Она сурово поджала губы.

— Дуайт рассказал, как вы поступили с беженцами.

— Беженцами? Там были террористы!

Она покачала головой.

— Наши законы так поступать не позволяют.

— Значит, — отрезал я, — надо их менять.

Для спасения человечества никакие меры не чрезмерны!.. А как бы поступили ваши?.. Видя, как шестьсот человек, уже зараженных смертельным вирусом, приближаются к берегам Италии?

Она нахмурилась, смолчала, а я не стал дожидаться, оба знаем, что штатовские командос позволили бы пристать к берегу, там пытались бы как-то сдержать в одном месте эту разбегающуюся толпу в шестьсот человек, не удалось бы, вызвали бы всю местную полицию, что заразилась бы тоже, половина беженцев все равно сумеет вырваться из хилого окружения спецназа из полдюжины человек, а дальше смертоносная чума победно пошла бы косить миллионы людей в Европе...

— Пугает этот ваш новый мир, — сказала она вдруг. — Много полезных новинок.. и еще больше смертельно опасных!..

— Барбара, — сказал я, — ты умная женщина, раз такое понимаешь, и, вижу, готова действовать в нужном направлении. Возможно, не будь лесбиянкой, могла бы получить этот высокий пост и без камингаута. Чисто за заслуги.

Она дернулась так, что даже автомобиль чуть вильнул, скривилась и посмотрела на меня с отвращением.

— Это при чем?

Я ответил скромно:

— Но весь мир знает, что в Штатах высокие должности можно получить только будучи геем,

лесбияном или зоофилом!.. Желательно еще и дауном.

Она буркнула:

— Мало ли что наши враги говорят. Я, кстати, призналась в лейсбийстве уже на посту председателя сенатской комиссии!

— О-о-о, — сказал я с уважением, — значит, решила выдвигать свою кандидатуру еще и в президенты?.. Или на пост военного министра? Можно я тоже за тебя проголосую?

Она сказала рассерженно:

— Как с русскими наш государственный секретарь разговаривает?

— Ему доплачивают, — предположил я. — Или молоко выдают бесплатно. За вредные условия работы... Нет, ты в самом деле готова поддержать соглашение о сотрудничестве наших силовых ведомств?

Она покосилась в окно, там с ревом сирен и мигалками пронесся целый караван полицейских машин, преследуя очередного борца за права афроамериканского населения, который всего лишь расстрелял нескольких отвратительно белых, недостаточно быстро и почтительно уступивших ему дорогу.

— Верно, — ответила она с заметной неохотой.

— Но... почему? — спросил я. — Тебя характеризовали, уж прости, как самого непримиримого противника такого соглашения! Достаточно тупого и не принимающего новых реалий. Неужели мои доводы обладают настолько убийственной силой?

Она покачала головой.

— Честно говоря, я в твоей тарабарщине быстро потеряла нить... и дальше не слушала.

— Ох, — сказал я, — так я зря старался?

— Но ты же убедил генералов, — обронила она. — Или почти убедил. Я видела по их лицам. Я покачал головой.

— Насколько я уже наслышан, их мнение ничего не значит без одобрения вашего сенатского комитета. У вас же эта, как вы ее называете, ага, демократия...

Она ответила спокойно:

— Она самая. И в ней каждый человек на своем месте. Да, это демократия, когда каждый человек на том месте, где может проявить себя наилучшим образом.

— И все-таки, — сказал я чистосердечно, — я не врубился. Почему такая перемена? Мне казалось, ты относилась очень враждебно...

— Скорее настороженно, — уточнила она, подумала и добавила: — Нет, ты прав, даже с враждебностью. Женщины осторожнее мужчин, мы вот так с головой не бросаемся в авантюры.

— И что заставило... прости, побудило переменить взгляды?

Она покачала головой.

— Не взгляды. Они у меня все те же. Но решение...

— Да-да, слушаю.

Мне показалось, что в глазах ее блеснули рубиновые лазеры.

— Решение изменила. Что переубедило?.. Ты и переубедил. Нет, не твоя горячая речь, нить которой, как уже упомянула, я потеряла достаточно быстро. Но ты сам...

Я проговорил с неловкостью:

— Видимо, моя убежденность...

Она снова покачала головой.

— Самые убежденные люди на свете — это сумасшедшие и фанатики халифата. Потому не убежденность, а весь комплекс... Чтобы разобраться лучше, я и пригласила тебя на ужин.

— Ого, — сказал я пораженно, — так ты еще тогда все просчитала?

Она ответила с неудовольствием:

— Я сама противилась своему решению. Оно какое-то неправильное, а мы, американцы, стараемся всегда поступать правильно. Нас этому учат с пеленок. Но как-то все само шло в том направлении... Ты это назовешь логикой событий, но люди не всегда логичны, я сопротивлялась, ты мог заметить...

— Заметил, — подтвердил я. — Мне казалось, что это я... Нет, ты права, нас повела сама вселенная, что заинтересована в спасении человеческого вида!

Она поморщилась.

— Вселенной мы зачем?

— Чтобы спасти саму вселенную, — ответил я уверенно. — Ей грозят страшные опасности типа перехода темной материи в обычную, квантовое смещение, блипность, разрыв внутриатомных связей и прочее-прочее, из-за чего она просто перестанет существовать. И возможно, до этого момента остаются секунды. Вселенские секунды.

— Я не так хорошо разбираюсь в проблемах, — сказала она, — но хорошо разбираюсь в людях, это моя работа. К сожалению, ты тот человек, который знает, что говорит, и слова которого сбываются. Я таких уже встречала, это прирожденные... нет, не обязательно лидеры, хотя часто ими становятся, иногда поневоле, но это люди, которые понимают, куда катится мир.

И раньше других замечают, что нужно успеть сделать.

Далеко впереди показалось массивное здание Пентагона, Барбара чуть прибавила скорость, и тут же я ощутил пристальный взгляд радара, что не только проверил номер автомобиля и лицензию водителя, но и старается уже на таком расстоянии понять, кто в нем, что везут и какой индекс опасности.

Вчера, как мне кажется, этого радара еще не было. Хай-тек на марше, каждый день идут апгрейды, иногда дважды в сутки, а потом апгрейды пойдут так часто, что не будешь успевать осваивать, и знакомый вроде бы смартфон превратится в нечто непонятное со своей волей, желаниями и амбициями.

Барбара сказала сурово, вглядываясь в приближающееся здание:

— Мне совсем не нравится тот наступающий мир, который ты олицетворяешь... но понимаю его неизбежность и хочу, чтобы моя страна была готова войти в него без особых потерь.

— Приобретений будет больше, — заверил я. Она вздохнула.

— Ты же знаешь, даже сейчас, когда высокие технологии освободили людей от тяжелой и грязной работы, очень многие вздыхают о старом добром времени, когда не было ни компьютеров, ни Интернета, ни мобильных!.. Даже я вспоминаю с нежностью то время, когда жить было намного проще. А что говорить про новый мир, который будет еще необычнее и потому страшнее?

— Не все люди, — заверил я дипломатично, — страшатся нового мира. Немногие, но зато луч-

шие, страстно приближают его и работают над тем, чтобы он был дружественным и безопасным.

Она посмотрела исподлобья, покачала головой.

— Да я поняла тебя, доктор... Ну вот, приехали вовремя. До начала заседания еще десять минут. А вон и Дуайт вышел...

Глава 11

Дуайту, как вижу, стоило огромного труда не вытаращить глаза, когда увидел, как из автомобиля генерала Барбары Баллантэйн выходим мы вдвоем, да еще и не поцарапанные, в целой одежде и вообще без следов остервенелой драки.

Он поклонился с самым озадаченным видом, даже обалделым, Барбара безучастно кивнула и обронила равнодушным голосом:

— Я у себя в кабинете. Когда понадобится, знаете, где искать.

И прошла мимо, величественная даже не как линкор, а прямо авианосец в начале военной миссии.

— Да-да, — сказал Дуайт ей в спину, — да, генерал... Спасибо.

Я остановился возле, спросил из вежливости:

— Я не опоздал?

— Нет-нет, — заверил он тем же ошалелым голосом. — Вы прям как немец!.. Русский бы пришел часов на пять позже, а то еще и вовсе завтра...

— ...с толпой пьяных приятелей, — досказал я, — плюс медведь с балалайкой.

Он смотрел на меня квадратными глазами, мои слова доходят до него, как через вату в ушах, наконец вздрогнул, проговорил, стараясь, чтобы голос звучал деловито:

— Пойдемте. Сегодня, надеюсь, наши силовые структуры будут более готовы что-то решать на-счет глобальных опасностей.

— Наконец-то!.. Или, как говорят в Америке, слава богу.

Он уточнил:

— Хотя, конечно, новость о минных поясах всех встряхнула здорово.

— А нас ваши базы раздражают и беспокоят вот уже полста лет, — ответил я вежливо. — Так что квиты.

Он хмыкнул.

— Какое же это квиты? Квиты, когда бьем только мы, а в ответ скулят и просят пощады!

— Хорошая позиция, — согласился я.

— Мы к ней уже привыкли!

— Только не говорите русским, — посоветовал я. — А то кто-то рассердится и нажмет красную кнопку.

У входа разодетые в новенькую форму солдаты подтянулись, то ли Дуайт — величина чуть покрупнее, чем показывает это, то ли как-то узнали, что я очень важная птица.

Я вижу, Дуайт сама деликатность, из всех сил сдерживается, чтобы не спросить, как это я выжил, общаясь с таким носорого-крокодиллом, а еще не знает, что ночь провели под одним одеялом, настороженные друг к другу, как Россия и Америка, но все-таки как-то на ощупь отыскавшие в темноте точки соприкосновения.

Хотя, может, и знает. Демократия демократией, но слежку и прослушку наверняка организо-

вали самую плотную. Барбара вряд ли участвует, не тот ранг, но понимает трезво, что и за нею смотрят, и каждое слово пишут, а если еще и со мной, то к бабке Ванге не ходи.

То-то в некоторые моменты как-то особенно выгибалась, демонстрируя сильное тело не только мне, но и зрителям, и стонала несколько театрально, хотя и весьма даже, весьма мне понравилось.

Ну да ладно, все идет к полной открытости в новом мире, надо привыкать и перестать замечать такое обыденное.

Когда шли по коридору, он понизил голос и сказал, боязливо кося глазом вдоль длинного ряда дверей:

— Похоже, вы произвели... гм... надлежащее впечатление.

— На генерала Баллантэйн?

— Да-да, на генерала...

— Я просто пересказал ей ваши слова, — заверил я.

— Ох, — сказал он опасливо. — Надеюсь, не по поводу ее фигуры?

— Дуайт, — сказал я с укором, — я же деловой человек. Только о вариантах сотрудничества!

— И... как?

— С первого раза, — сказал я вежливо, — когда в зале говорили вы, она не врубилась, что и понятно, женщины все туповатые, вы же знаете, хотя это между нами, недостаточно толерантными, но когда я повторил медленно и внятно, как и полагается разговаривать с... ну, женщинами, она все или почти все поняла. По крайней мере поняла достаточно.

Он сказал польщенно:

— Спасибо, я рад, что вы заметили мои доводы. Они, кстати, почти полностью совпадают с вашими основными.

— Я положил их в основу, — заверил я. — Вы прекрасный аналитик. Думаю, сможем сотрудничать в сфере борьбы с глобальными рисками?

— Надеюсь на это, — сказал он горячо. — Это же такое поле деятельности!..

— Да, — поддакнул я. — Перспективы, повышения, награды...

Он уловил сарказм, хоть и американец, ответил с укором:

— Влад, просто каждому хочется вырваться на простор. А этот уровень борьбы позволит и себя проявить, и огромную пользу принести!.. Это же идеальный вариант работы!

Он все притормаживал, я ощутил, что хочет сказать нечто, тоже замедлил шаг, посмотрел ему в лицо.

— Дуайт?

— Сегодня заседание особенное, — сказал он тихо. — Помимо докторов Вачмоуга и Реншоу прибыли еще руководители Центров, групп, подразделений и комитетов по глобальным рискам.

— Хорошая новость, — сказал я.

— В Штатах, — пояснил он, — такие группы каждый день появляются все новые. У всех свои программы и методы, но все обеспокоены рисками будущих технологий, потому эта волна становится все заметнее. Ребята очень серьезные, работу проделали огромную и накопили материалов очень много, увидите. А вашу миссию анализируют и тщательно обсуждают в самых верхах.

— Насчет мин? — спросил я безнадежным голосом.

Он кивнул.

— Да, но еще больше, вы не поверите, доктор, эту вашу концепцию насчет глобальных рисков.

Я вздохнул с облегчением.

— Вы доложили о случившемся в Тунисе?

Он сказал со сдержанной улыбкой:

— Это их и подвигло. Как только поняли, что такое же сейчас может происходить и в других частях планеты. А что-то может быть и еще хуже...

— И решили сделать еще круче, чем сделали мы?

Он посмотрел внимательно.

— Просчитываете реакции? Совершенно верно, почти сразу решили не отдавать России первенство в таких операциях. Мир должны спасти Соединенные Штаты!

— Прекрасно, — сказал я с облегчением. — Это самое лучшее соперничество, что можно придумать. Мы не против отдать им первенство. Пусть спасают. В Штатах же уверены, что и Гитлера это они разгромили, а Россия не то где-то на горе пряталась и смотрела издали, не то вообще в союзе с Гитлером воевала против белоснежной и незапятнанной Америки.

Он криво усмехнулся.

— Перегибы бывают, но не так уж. Зато народ верит, что именно Штатам принадлежит будущее! А веру нужно поддерживать.

— Но не так же, — сказал я с упреком. — Знаете ли... Россия может крепко обидеться. Многие уже обижены. Вам в самом деле нужны враги в России?.. Я же показал на примере, что могут натворить даже мелкие группы, как вон та, что мы ликвидировали в Тунисе? А если всерьез обидится Россия?

Он вздохнул, развел руками.

— Постараюсь донести вашу точку зрения до руководства.

— Да уж постарайтесь.

— Вообще-то, — сказал он, — там головастые аналитики сидят и все высчитывают. До какой степени можно нажать на Россию, чтобы та не взъярилась и не ударила.

— Не просчитались бы, — сказал я с предостережением. — Ставки предельно высоки. Никогда еще на кон не ставилось все человечество!.. А сейчас оно уже там.

Он взял меня под локоть.

— Пойдемте, пока и мы не поссорились. Все почти собрались.

Мы прошли к тому же залу, Дуайт вежливо распахнул передо мною двери. На той стороне зала стена уже переливается цветными картинками на экранах, генералы тоже люди и предпочитают яркие изображения вместо графиков и сухих сообщений, хотя на двух дисплеях как раз ползут, резко переламяваясь и злобно сшибаясь, кривые стрелы диаграмм.

Красная стрела упрямо прет вверх, обгоняя оранжевую и зеленую, те часто застывают на изломах, иногда проваливаются, потом начинают медленное мучительное всползание за победно прущей на гору зловеще-красной, при виде которой даже я ощутил некоторую тревогу.

В зале, кроме генералов и уже пятерых в штатском, с заметным облегчением увидел Фрэнка Вачмоуга с его коллегой Крисом Реншоу, их рассматриваю как коллег и союзников, а в заднем ряду скромно примостился еще один из «наших», то есть из яйцеголовых, Кен Шейн, океанолог, у ко-

торого подписанный контракт на сотрудничество с военными и клятва о неразглашении.

Дуайт с самым почтительным видом провел меня к столу, это намек на то, что держусь не слишком представительно, приходится подыгрывать, подчеркивая мой высокий статус.

Часть генералов еще на ногах, беседуют в кучках, сейчас начали занимать свои места, повернулись в ожидании в нашу сторону.

Дуайт поднялся, сказал громко:

— Продолжаем. Но не на том же месте, как полагает доктор Лавроноф. Он увидит, что у нас даже ночью работают и принимают важные решения... Доктор?

Я поднялся, генералы и штатские в зале рассматривают меня внимательно, кто с откровенной враждебностью, кто нейтрально, только трое яйцеголовых поглядывают с едва заметным сочувствием.

— Добрый день, — сказал я. — Иногда мне тоже, как и многим из вас, хотелось бы стать добрым таким доктором Айболитом, лечить милых зверюшек, кошечек и собачек, канареек... Но для нас с вами, сильных и ответственных, это всего лишь минуты слабости. В остальное время лечим весь мир и спасаем его от угрозы заболеть смертельно.

Дуайт заметил довольно громко:

— Неблагодарная работа. Даже спасибо не скажут... Простите, доктор, продолжайте, пожалуйста!

— Еще и обругают, — согласился я. — Простому обывателю, а ваш президент тоже простой обыватель... простите, я хочу сказать, что этот вами избранный за какие-то достоинства человек в первую

очередь прислушивается к мнению обывателей, раз уж их во всем мире, в том числе и в России, абсолютное большинство... так вот простому обывателю кажется, что главное — борьба с терроризмом, что захватывает их детей в школах или оставляет бомбы в автобусах, которыми они ездят на службу...

Рядом Дуайт, вижу, рассматривает лица слушающих, все напряженные, словно вспоминают пифагоровы штаны, сказал мне с доброжелательной улыбкой:

— Дорогой Влад, я как-то попытался произнести русские слова «человеконенавистническое частнопредпринимательское». Неделью ходил с распухшим языком и вывихнутой челюстью, но зато понял, вам нужно говорить менее сложными фразами. Мы, американцы, народ простой.

— Простите, — сказал я. — До этого я говорил с немцами, а для них такие слова, как «Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz» или «Verkehrsinfrastrukturfinanzierungsgesellschaft», в порядке вещей... В общем, никто в нашем мире не думает на два хода вперед, потому что это сложно. Говорят, пусть лошадь думает, у нее голова большая, или, на худой конец, президент, его для того и выбрали....

Сигурдсон сказал из переднего ряда громко:

— Народ живет сегодняшним днем, что и правильно. Для стабильности.

— А президент тоже народ, — добавил Дуайт.

— Тогда мы инопланетяне, — возразил я. — Или пришельцы из будущего. Да, мы в самом деле пришельцы из будущего! И нас заботит, чтобы оно состоялось. Для этого нужно думать хотя бы на два хода вперед. Но лучше на три. Но когда заговариваешь про угрозы глобальных катастроф,

все отмахиваются, как от забот следующего поколения, когда будут осваивать Марс. Но у нас, я говорю о России, уже приняты решительные меры. Некоторые из вас уже знают, о чем я.

Дуайт кивнул.

— У нас тоже принимаются... но пока на уровне обсуждения степени рисков. С другой стороны, у нас над этой проблемой работают десятки хорошо оснащенных и щедро финансируемых центров.

— А когда, — поинтересовался я, — начнете действовать активно?

Он ответил серьезно:

— С сегодняшнего дня, доктор. Пока вы всю ночь развлекались... наверное, в казино?.. в Белом доме, где никогда не спят, а все работают на благо простых американцев, было принято важное решение. Да-да, то самое! И передано для исполнения Пентагону. Генерал Сигурдсон назначен руководителем проекта.

Я в изумлении посмотрел на Сигурдсона, тот перехватил мой взгляд и с некоторой иронией поклонился.

Дуайт продолжил с монотонностью дальнего поезда, следующего по межконтинентальному маршруту:

— Создается центр по управлению операциями по всему миру. Предполагается; что первые группы начнут действовать сразу же, как только будут найдены первые цели.

— Целями охотно поделюсь, — сказал я. — Сегодня же. Могу прямо щас.

Дуайт сказал с настороженностью:

— Да, конечно...

— Понимаю ваше недоверие, — сказал я. — Ах-ах, как бы не ударить по хорошим террористам,

так называемым лояльным, вместо нехороших, совсем нехороших... Но не забывайте, простые американцы с восторгом приняли слова нашего президента насчет того, что мы в сортах говна не разбираемся и уничтожаем террористов любой масти, национальности и вероисповедания...

Он поморщился.

— Это сорт популизма.

— Ваши люди увидят на месте, — пообещал я, — стоило вам вмешиваться или нет. Если мы дадим не те цели, то у вас не будет больше доверия к нашим данным, чего, естественно, мы не хотим.

Сигурдсон встал и заявил мощным голосом, словно на приближенных к боевым учениях, где надо перекрикивать грохот канонады:

— Мы рассмотрим все ваши предложения! В Белом доме выразили удивление, что в России начали действовать раньше нас. Потому велели моему отделу, его спешно создают сейчас, оказывать вам всяческое содействие и поддерживать контакты на всех уровнях.

Дуайт с легкой усмешкой добавил:

— Раз уж это больше не тайна, то добавлю... в общем, наши спецслужбы собирались начать такие операции уже давно, однако у нас слишком громоздкий бюрократический аппарат. Такое решение проходит долго, со скрипом, часто возвращается на доработку и уточнение деталей чуть ли не на каждом этапе. Потому, дорогой доктор, вы можете по возвращении доложить, что ваша миссия завершилась полным успехом. Как насчет шантажа с миной, так и предложения насчет сотрудничества разведок...

— Не только разведок, — уточнил Сигурдсон бравым голосом, — но и боевых групп. А мы не

ограничимся засылкой спецподразделений. Если надо, пошлем к берегам Белоруссии и Седьмой авианосный флот!

Из заднего ряда Фрэнк сказал сердито:

— У Белоруссии нет выхода к морю!..

Сигурдсон ухмыльнулся.

— Дорогой Фрэнк, надо уметь превращать ляпы Белого дома в мэмы, показывая, что у нас есть чувство юмора, и мы умеем шутить даже над собой. К таким людям больше доверия, доктор Лавроноф подтвердит.

Дуайт сказал весело:

— Доктор Лавроноф сам таким приемом пользуется активно. Доктор?

Я запротестовал:

— Шантажа не было!

Сигурдсон обронил с мрачной улыбкой:

— С вашей стороны, доктор, не было. Вы человек искренний и честный, все аналитики твердят это слово в слово. Но те, кто вам это велел сообщить... или вежливо попросил сообщить, люди стратегической разведки дальнего действия, просчитывающие ходы на много клеток вперед.

Я развел руками.

— Все может быть, я все-таки человек точной науки, а не политик или, простите за бранное слово, дипломат.

Глава 12

Один из гражданских, что присутствовал с первого же дня, наконец поднялся, сразу привлекая к себе внимание, солидный благообразный мужчина департаментской внешности из чи-

сла тех, кто нравится женщинам, вперил в меня требовательный взгляд.

— Майкл О'Коннел, — представился он, — глава совета по безопасности от республиканской партии.

Я поклонился с некоторой настороженностью.

— Я к вашим услугам, мистер О'Коннел.

— Некоторым членам нашей партии, — произнес он звучно, — непонятна ваша роль, господин Лавроноф. По всем данным, доступным в Сети, а у нас нет необходимости сомневаться в их достоверности, вы нейрофизиолог высокого уровня. Доктор наук, ваши работы опубликованы в солидных научных журналах, вы бывали на международных конференциях... и вдруг такое назначение!

Я развел руками.

— Что делать, для новой работы новые люди. Так же и у вас, насколько знаю. Атомную бомбу делали не военные, а ученые-физики под руководством Оппенгеймера. А проект по закладке атомных мин разрабатывал тоже не военный, а крупный ученый, академик Сахаров.

Он поморщился.

— Тот самый правозащитник?

— Военные, — сказал я, — в ту эпоху называли его план чудовищным и людоедским, даже отказались выполнять. Но Сахаров был гением, заглядывающим далеко вперед. Через какие-то тридцать-сорок лет пришло людоедское время, когда сильные страны начали вторгаться в страны послабее под предлогом сделать их счастливыми... вы о таких не слыхали, вижу по вашим лицам, потому план гражданского академика Сахарова показался вполне приемлемым.

Он смотрел на меня с мрачной и бессильной злостью, а Дуайт, разряжая обстановку, сказал громко и с иронией:

— Как мы видим, опасаться нужно как раз ученых. Это самые опасные люди на свете.

Я ответил так же любезно:

— Это блестяще доказали ваши ученые, создавшие атомные бомбы. Их как раз и заложили вдоль разломов у вашего побережья. Только мощнее. И числом побольше.

Генерал из переднего ряда прорычал:

— Да уж, вы хорошие ученики.

— Не во всем, правда, — уточнил Майкл О'Коннел.

Я сказал настойчиво:

— Еще раз прошу вернуться к теме моей поездки. Я не уполномочен вести какие-либо разговоры про эти закладки. Я прибыл только ради координации действий со службами по обнаружению глобальных рисков...

Майкл О'Коннел возразил:

— Доктор Лавроноф, но вы должны понять наше состояние. Вдруг узнать, что кто-то в России одним движением пальца может смести Америку с лица земли...

— Ничего, — утешил я, — Россия как-то живет в окружении ваших баз с ракетно-ядерным оружием? И кто-то в Штатах одним движением пальца...

Он возразил:

— У нас понадобится слишком много пальцев для такого решения!

— Значит, наша позиция лучше, — ответил я. — Но мы можем в конце концов перейти к теме, ради которой я прибыл?.. Над человечеством

нависли угрозы пострашнее вашего противостояния!.. Хуже того, их становится все больше. Мы в худшем случае сможем смести с лица планеты друг друга, а эти террористы нового поколения сметут все человечество!.. Возможно, вообще все живое

Дуайт рядом пробормотал:

— Судьба микробов меня как-то не волнует, но вот люди... гм...

Я сказал устало:

— Уважаемый глава совета по безопасности от республиканской партии! Вы слушали меня с самого начала. И хотя можете подозревать какие угодно хитрые ходы КГБ, я даже не стану вас уверять снова и снова, что ничего не скрываю. Я сказал уже все.

— Ну-ну, — сказал он хищно, — начинайте признаваться!

— Пожалуйста, — ответил я. — Моя цель, как уже сказал всем и не раз повторил, в установлении контактов с вашим центром по изучению глобальных катастроф. С вашими центрами, у вас же их много. Сейчас весь мир в опасности, а вы только о своих Штатах!

Он сказал на удивление спокойно:

— Соединенные Штаты Америки и есть основа миропорядка.

Я ответил зло:

— Вирус, разработанный где-то в Бурунди, может смести с лица земли и США. Просто заодно!.. Это пострашнее ядерных закладов, которые в надежных руках людей, признающих лидирующие позиции Штатов и не желающих вам вредить.

Он воскликнул:

— Но тогда зачем?

Я ответил с сарказмом:

— Мы что, какие-то блаженные иисусики?.. А гордость? А оскорбленное самолюбие?.. Кто из нас, видя, как вы направили все ракетно-ядерные силы в сторону нашей страны, не возжелает нажать кнопку Судного дня?.. Думаете, хоть кто-то скажет, что пусть лучше умрем одни, а Штаты пусть останутся жить?.. Вы это серьезно? Да таких даже в вашей пятой колонне мало!

Он буркнул:

— Понимаю, русские еще меньше разумны, чем мы.

— Все придем к разумности, — сказал я, — и тогда смешно будет вспоминать, какими мы были.

— И стыдно, — добавил он невесело.

— И стыдно, — согласился я. — Тем более тот мир придет гораздо раньше, чем ожидаем. Не придет, а прилетит... обрушится с такой скоростью, что даже не знаю... Может быть, понимая это, перейдем наконец к выработке общей стратегии реагирования на угрозы?

Даунит не ошибся, почти все прибывшие сегодня оказались главами отделов и комитетов по глобальным угрозам. Как военные, так и гражданские, так что разговор хоть и не сразу, но перешел на деловые рельсы и по конкретным проблемам.

У них материала больше, зато у меня точнее и с указанием где и что затевается. Двое из присутствующих специалистов переглянулись, вышли в коридор, я не поленился посмотреть, что передают, как и ожидал, сообщают в оперативные центры, где террористы собирают отряды, чтобы

нанести удары по американским базам завтра-послезавтра.

Незаметно подошло время обеда, я даже удивился, что все еще не ощутил голода, увлекся, вот тебе и могучий инстинкт, отступивший перед активной мозговой деятельностью.

Дуайт, который ни о чем не забывает, страна страной, но кушать все равно нужно здоровую и сбалансированную пищу, деликатно взял меня под локоть.

— Коллега, некоторые спешили с других концов страны...

— Понял, — ответил я. — Пойдем жрать. Это дело нужное. Даже не знаю, как будем с этим делом, когда начнем переходить на электропитание.

— Нужно получать удовольствие?

— Ну да, — ответил я. — И ради жизни и... ради самого удовольствия.

Он сказал с пониманием:

— Радости при заполнении аккумулятора желудка предусмотреть необходимо... Коллеги, пора прерваться на обед!.. Потом продолжим.

Фрэнк Вачмоут и Крис Реншоу, как уже старые знакомые и даже близкие приятели, поднялись первыми и подошли к нам, так вместе и отправились в ресторан, где на этот раз столик на четверых заняли полностью, уже чувствуя свою цивилизационную общность.

После обеда поработали еще несколько часов, Дуайт дважды заказывал кофе и булочки прямо в зал, наконец зевнул, взглянул на часы.

— Ого, мы уже переработали... Какие-то еще вопросы?

Фрэнк сказал с виноватой улыбкой:

— Вообще-то мы пошли уже по второму кругу... Просто удивительно приятно встретить коллегу с той стороны планеты, что мыслит не только точно так же, но и, что удивительно, опередил в реакции на такие угрозы!

Дуайт пояснил уже свободнее, без прежней натянутой улыбки:

— У них меньше волокиты, что присуще неотягощенным демократией режимам. Доктор?

— Полагаю, — ответил я, — что в самом деле практически все вопросы утрясли. А так отныне остаемся на связи. Мой номер у вас есть, как и ваш у меня. Теперь общаться будем чаще. Хоть по скайпу, хоть по мессенджеру, хоть по любому варианту телеконференции.

Он поднялся.

— Тогда заканчиваем?.. Ближайший рейс в Москву утром. Если у вас нет намерений остаться на несколько дней, чтобы побегать по магазинам, у вас же в Москве голод, ежей едят...

— Ежей уже поели, — сообщил я. — Теперь кошек жрем, как поляки в Москве.

Он охнул.

— Кошек?

— А что, — ответил я, — их не жалко, не собак же. А-а-а, вижу кошатника...

— Да ладно, — сказал он, — кошки тоже люди. Значит, завтра в Москву?

— Да, — ответил я. — Но теперь мир стал крохотный, будем видаться по скайпу, а то и в реале. Работа у нас такая. Начинаем спасать мир! Раньше это было из разряда шуточек, кто бы подумал, что окажется такой путающей реальностью...

Он протянул руку.

— Тогда до встреч!

Я попрощался и с коллегами по глобальной безопасности, Дуайт все же вышел проводить, я сказал ему уже в коридоре:

— Судя по реакции ваших военных, их тряхнуло так, что и ваши военные министры и даже президент должны стоять на ушах, но что-то не вижу их заинтересованности...

Он ответил, понизив голос:

— Влад, они стоят на ушах, но так как вы неофициально, то это оставляет нам и вам свободу маневра. Ваше руководство поступило очень мудро!

— Прислав меня?

— Именно. Тем самым дали нам возможность реагировать или не реагировать, что-то предпринимать или не предпринимать... Вы же понимаете, за нашей реакцией на ваш вброс ваша разведка сейчас следит особенно пристально!

— Даже не подумал о таком, — признался я.

Он внимательно следил за моим лицом.

— Верю. Потому что вы не разведчик, у нас это сразу поняли. И не только по вашему досье крупного ученого, а... в общем, профессионалы разведки умеют узнавать друг друга. Пусть не всегда с первого взгляда, но есть множество моментов, тестов и реакций, которые указывают, кто из нас кто... Потому, повторяю, все было сделано очень продуманно. И с вашей стороны, и с нашей.

Я улыбнулся, кивнул и пошел к выходу из здания. Пока ждал лифт, подошел генерал Сигурдсон, кивнул достаточно приветливо, хотя по его роже понять трудно, как относится на самом деле.

— Уже обратно?

— Да, — ответил я. — Все сделано, спасибо за помощь.

— Не за что, — ответил он. — Делаем общее дело. Но почему так сразу и обратно? У нас стра-на чудес...

— Знаю, — согласился я. — У меня такие же смартвочи, как у вас. И мобильник тот же. Мир един!

Он поинтересовался коварно:

— А наши женщины?.. На них только смотреть по скайпу... как-то недостаточно.

Я подумал, хотел было ответить как-то дипломатично, но попадусь на контрольном вопросе, потому ответил честно:

— Генерал, я вроде бы не стар, но научное познание мира старит человека. Это я чтобы не сказать хвастливо, что мудрее.

— Понял, — ответил он. — Все верно, только бездельники придают им какое-то значение... как женщинам. Для меня генерал Барбара Баллантэйн никакая не женщина. А как генерал она вполне. Когда не пытается влезать во что-то новое, а вот поддерживать заданный курс она вполне в состоянии.

Я пытался понять, знает ли, что я переспал с Барбарой, точнее, она переспала со мной, но у него привычно каменное лицо, военные вообще не должны выказывать эмоций.

Вернее, не должны выказывать эмоций, эмоциональные военные — угроза армии. К управлению межконтинентальными баллистическими ракетами с ядерными зарядами допускают только абсолютно лишенных каких-либо чувств, что роднит их с даунами, самыми предсказуемыми людьми на земле и потому особо опекаемыми и вращиваемыми политиками.

Он протянул руку.

— Рад был с вами пообщаться, доктор. Мое мнение о вашем Мордоре значительно улучшилось.

Я с чувством пожал ему широкую крепкую ладонь.

— Спасибо, генерал. Когда я был юн и не весьма зрел, тоже был на стороне Люка Скайвокера.

— Я тоже, — ответил он с гордостью.

— А теперь? — спросил я с интересом. — Когда повзрослели?

Он насторожился.

— А что... пытаетесь завербовать?

— Мир изменился, — напомнил я. — Не пора ли вашу республику повстанцев превращать в империю? Хотя она уже давно превратилась, осталось только это признать вслух и начинать выполнять имперские обязанности, не прикрываясь устаревшими лозунгами о демократии?

Он смолчал, я улыбнулся и нажал кнопку лифта, из конференц-зала на триста человек вышла Барбара Баллантэйн с двумя помощниками, слушают подобострастно, часто кивают и чуть ли не обивают хвостами бока.

Увидев меня, отпустила их властным взмахом руки, словно отогнала воробьев, оба упорхнули с заметным облегчением, а она кивнула мне покровительственно, массивное лицо дрогнуло в некоем подобии улыбки.

— Похоже, ваша миссия завершилась удачно, доктор?

— Сам не верю, — признался я. — Но у меня в кармане уже билет на утренний рейс в Москву. Это значит, все основное утрясли.

— И даже мелочи, — ответила она. — Я в курсе. Хотя у нас разногласий и острых углов многовато, но в данном случае...

Я спросил неожиданно:

— Раз уж все дела закончены, поужинаем вместе?

— Охотно, — ответила она. — Ресторан «Монтесума»?

— Гм, — сказал я, — там, как на вокзале...

— Тогда «Колорадское Небо»?

Я прямо посмотрел ей в глаза.

— У меня есть и третий вариант.

Она ответила таким же прямым взглядом.

— Серьезно?.. Хорошо, я для такого случая отложу встречу со своей... подругой.

— Не обидится?

Она ответила почти без улыбки:

— Так мы же по делу.

— Да, — согласился я. — Дело слишком важное, чтобы не использовать все возможности.

— Я заканчиваю через сорок минут, — сообщила она.

Глава 13

Лифт быстро опустил на первый этаж, наземных всего четыре, вроде бы зачем он, пусть тренируют ноги офисные крысы и толстожопые генералы, однако некоторое оборудование по лестнице не втащить, да и не четыре этажа, еще два подземных, это официально, ниже еще неизвестно сколько, не считая в самой преисподней ядерного реактора, обеспечивающего энергией все огромное здание на случай войны.

Внизу, как всегда, народ носится туды-суды, умеют же люди делать вид воспламененных работой на благо отечества и демократии американского образца...

Я направился к выходу, закатное солнце уже воспламенило западную часть неба, тени легли на крыльцо длинные и угольно-черные.

— Доктор!

Я обернулся, Дуайт вышел из помещения с надписью «Только для персонала» и шел ко мне с широкой улыбкой.

— Мы все не расстанемся, — сказал он весело. — Это примета, что будем встречаться часто!

— Мы хорошо поработали, — согласился я. — Так что, да, с такими партнерами просто необходимо работать и работать...

Он вышел со мной на свежий воздух, тихо и тепло, ни малейшего ветерка, глубоко вдохнул всей грудью.

— Хорошо как...

Часы на руке дернулись, я сказал «Извините», вытащил мобильник и поднес к уху, сделав звук минимальным.

— Да?

— Выхожу через десять минут, — сообщила Барбара. — Дверь слева от той, которую ты знаешь.

Я ответил весело:

— Найду. Что купить: цветы, шампанское или шоколадку?

Она буркнула что-то нечленораздельное, связь оборвалась. Дуайт спросил с интересом:

— Женщина? Изабель говорит, что вы Пайпер заинтересовались?

— Да, — согласился я. — Даже очень. Но на этот раз у меня чисто деловая встреча.

Он спросил с пониманием:

— Ну да, а как же... А после этой деловой встречи прямо из постели в аэропорт?

— Верно, — ответил я. — Попью кофе, как раз все успею.

Он поинтересовался понимающе:

— Кого-то из наших подцепили? Не отходя от рабочего стола?

— У нас говорят, — пояснил я, — не снимая лыж. Но разве не работа, как говорил и даже говорил Наполеон, должна быть на первом месте?

Он кивнул.

— Да, мы такие... Но я любопытный, вот постою и увижу, кого это вы из наших секретарш завербовали.

Я ответил мирно:

— А чего мне ваших жалеть? Арестовывайте, ломайте им кости в Гуантанамо. Вот сейчас выйдет, сразу хватайтесь за пистолет...

— Безжалостные вы люди, — сказал он.

— Ладно, — сказал я, — сжалюсь, как профессионал, хоть и не профессионал, над профессионалом. — Барбара заканчивает минут через десять. Думаю, пообщаемся малость, а потом от нее сразу на самолет.

— Барбара? — переспросил он озадаченно. — А это кто...

— Вспоминайте, — посоветовал я.

— Барбара, — пробормотал он, — Барбара... Барбара?.. Никого не знаю с таким именем. Есть только одна Барбара, Барбара Баллантэйн...

— Наконец-то, — сказал я с сочувствием. — А вы тугодум, оказывается. Не пробовали философией заниматься?..

Он улыбнулся.

— Да, конечно, Барбара Баллантэйн!.. Генерал Баллантэйн... простите, сразу не понял... Вы серьезно? Или это у вас такой особый русский юмор?

— Какой юмор? — спросил я изумленно. — Женщина вполне... И все у нее на месте. Даже в тройном размере. Есть за что взяться.

Он улыбнулся, все еще не веря.

— Ну да, вы же русский, у вас даже с медведями...

— Ничего подобного, — возразил я с достоинством. — Никакими извращениями не страдаю! Не с медведями, а с медведицами.

Он вскинул брови.

— Гм... достаточно емкое определение. Мы все слышаны о русских, так что генерал Баллантэйн вполне, вполне... Как там у вас о таких говорится с похвалой: коня на скаку остановит, хобот слону оторвет... М-да, настоящая женщина!.. В русском стиле.

— Вполне, — согласился я. — Есть, оказывается, и в Америке женщины!.. А то я думал, одни золотоискательницы и кандидатши в президенты, у вас же страна мечты, где каждая кухарка уже научилась, как велел Ленин, управлять государством... Вы мой номер еще не потеряли? Впрочем, я с вами сам скорее всего свяжусь раньше. Мир ускорился, дорогой Дуайт.

— Заметил, — ответил он, — и как-то все слишком быстро поменялось.

— То ли еще будет, — пообещал я. — Раньше большая рыба съедала мелкую, а теперь быстрая рыба съедает медленную. Вне зависимости от ее размеров.

Он посмотрел на меня несколько ошалело.

— Если это применимо к странам...

Я отмахнулся.

— Страны все больше теряют свое значение. Мир глобализуется. Семь процентов населения

в каждой стране уже глобализовано. Как только доберем еще три, считайте мир единым.

Он переспросил со скептицизмом:

— Но семь и три будет всего десять процентов? Или в России считают как-то иначе?

— Считаем иначе, — подтвердил я. — Остальные девяносто всегда и везде шли за этими десятью. Толпа, или давайте ее корректно называть нормальными людьми, не пойдет за двумя-тремя с их необычными идеями, но когда тех станет десять, попрут всем стадом, всем электоратом. Еще и уверять будут, что давно бы ломанулись, но башмаки долго искали.

На выходе из соседнего подъезда показалась Барбара, увидела меня с Дуайтом, указала в сторону своего автомобиля.

Дуайт вздрогнул, а я протянул ему руку.

— Дуайт, прощаемся еще раз!.. Надеюсь, увидимся до наступления сингулярности.

Он ответил на рукопожатие совсем обалдело. Явно до этого мгновения полагал, что шучу, у русских даже юмор какой-то совершенно русский, а оказывается, это, как и с минами, совсем не тот юмор, над которым обхохочешься.

Я быстро направился к Барбаре, она распахнула мне дверцу, я сел рядом и послушно потащил на себя ремень, в Америке никто не сдвинется с места, если не пристегнуться еще до начала движения, а сам автомобиль начинает скандальить, орать и в конце концов вырубает двигатель.

Странно, конечно, что я решил провести последнюю ночь в Штатах не в постели с нежной и предельно ласковой Пайпер, и не с той юной веселой студенткой, что подрабатывает официанткой, а с генералом Барбарой, очень уж мало

похожей на женщину, но, с другой стороны, разве не все женщины одинаковы, если смотреть, как гласит народная мудрость, в корень?

К тому же с Пайпер и официанткой — это всего лишь секс, такой пустяк по нынешним временам, а с Барбарой — серьезное общение на важнейшие темы, это главное, а попутно и секс, однако даже он в какой-то мере даже более запоминающийся, чем с Пайпер или официанткой.

Барбара вырулила на магистраль, покосилась в мою сторону.

— Дуайт дружелюбен?

— В достаточной степени, — ответил я. — Думаю, поладим. Со Штатами у нас и во времена Гитлера были нелады, но воевали же вместе против угрозы фашизма!

Она ответила медленно:

— И это все... что ты хотел сказать?

Я переспросил:

— В моих словах есть какой-то тайный смысл?

— Я политик, — напомнила она. — А политика — управление возможностями. То, что ты сообщил, уже как-то изменит... многое. В том числе и наши взаимоотношения между странами.

Я пробормотал:

— Не может быть, чтобы ваше правительство не знало о минных закладках.

— Должно бы знать, — ответила она задумчиво, — но политика... это управление. Прежде всего населением. Давать ему возможности хорошо работать, жить счастливо и обогащать казну. Узнай население о минных закладках, упадет не только рейтинг президента, это ерунда, не один президент, так другой, но упадет и ВВП, а это серьезнее. Возможно, начнется отток богатых лю-

дей в более благополучные, а главное, безопасные страны, что совсем уж чревато.

Я помолчал, мозг работает быстро, но, перебрав все варианты, сказал урюмо:

— Есть только один выход.

— Какой?

— Не нагнетать, — ответил я, морщась. — Не напирать. Напротив, предпринять какие-то шаги по снижению... напряжения.

— Какие?

Я сдвинул плечами.

— Не знаю, это дело специалистов. Но население России, посмотри на результаты опросов ваших же специалистов, население России встревожено окружением вашими военными базами. Очень! И требует от правительства... именно требует!.. дать отпор. Но так как наши военные силы слабее, то отпор можем дать только асимметричный. Терпение населения опасно испытывать долго. Сейчас точка кипения подошла к взрыву. Еще чуть, и даже военные скажут, что Россию нужно избавить от угрозы ракетно-ядерного удара со стороны США и НАТО, потому стоит все-таки взорвать те мины. Сразу с обеих сторон. В будущее, дескать, пойдем с Европой без оставшейся в старых учебниках истории Америки.

Она проговорила медленно и значительно:

— Я доведу эту точку зрения до высшего руководства.

Я запротестовал:

— Барбара!.. Это только моя личная точка зрения!

Она кивнула, но видно, что не верит. В таких вопросах не начинают сразу с отзыва послов или

объявления войны, а сперва доводят свое видение ситуации через как бы посторонних или совсем мало причастных к делу лиц, а там смотрят, какая будет реакция.

— Нам тоже очень не хочется войны с Россией, — сказала она после долгой паузы. — Вовсе не из-за симпатии к ней. У вас враждебный нам режим, как бы ты ни расписывал, что нас любят и уважают. Но если вспыхнет война, пусть даже не такая истребительная, как может быть в высшей фазе, все равно в выигрыше останутся Китай и быстро растущий исламский мир. И даже далекая Индия.

— Трезвый взгляд, — сказал я с облегчением.

— Трезвость, — заметила она, — черта политика. Никакой романтики! Никакой веры. Никаких надежд, не подкрепленных договорами.

— Но если не хотите, — сказал я, — тратить силы впустую...

— Ну-ну? — ответила она, когда я запнулся. — Что в твоём понимании впустую?

— Нарращивание ваших баз вокруг России, — напомнил я. — Угроза идет с другой стороны. Россия — союзник, а не враг. Россия неминуемо ответит на давление с вашей стороны, а это добром не кончится. Если между нашими странами будет малая война, то окончательную победу будут праздновать исламисты и установят всемирный халифат на развалинах России и Штатов. Но если будет большая война...

Я умолк, тоска сжала горло, как только понял с предельной ясностью, что это не только возможно, но и близко по срокам.

— Если будет большая? — повторила она.

— Победу будут праздновать тараканы, — ответил я тускло. — Они выживут в любой войне.

Она произнесла с тяжелым вздохом:

— Оба варианта не радуют.

— Но можем к ним прийти, — сказал я. — Техника развивается быстрее, чем люди. Люди живут прошлым днем. И даже не догадываются, что войны сейчас не те. Как после Первой мировой, так и после Второй человечество восстановилось моментально. Несмотря на все потери. Но после третьей восстанавливаться будет некому.

— Я доложу, — повторила она, — твои... эти соображения. И сама подготовлю экспертов и аналитиков, чтобы докладывали не то, что хотят услышать в Белом доме, слишком уж часто это делается, а то, что есть. Иначе исламский фундаментализм опрокинет вас и нас, поглотит Европу и схлестнется с Китаем. Но Китай, даже если победит, вряд ли возжелает восстанавливать Европу или нас. Просто заберет наши земли как выморочное имущество.

— В тревожном мире живем, — согласился я. — С другой стороны... если удастся протянуть без крупных войн и глобальных терактов еще лет тридцать-сорок, мир спасен.

Она спросила скептически:

— Каким образом?

— Сингулярность, — ответил я. — Бессмертные и всемогущие люди... Это же победа!

Она разочарованно вздохнула.

— А-а, эти сказки... Ладно, пусть, но в любом случае должны выстраивать свои отношения правильно.

Я сказал с оптимизмом:

— Мы-то выстраиваем ничего так...

Она нахмурилась, резко повернула руль, автомобиль начал сбрасывать скорость и остановился у подъезда ее дома.

— Я говорю о наших странах!

Я отстегнул ремень, вылез, представил себе, как изумится морпех на входе, надо быть героем, чтобы и второй раз рискнуть провести ночь с генеральшей, что не генеральша, а генерал.

Барбара показала себя настоящей женщиной, сразу на кухню, а я из ванной слышал, как на кухне плита быстро и с удовольствием готовит, жарит и парит, сегодня день особенный, с Пентагоном достигнут консенсус насчет совместных действий, а это и есть то, ради чего приезжал.

Когда я вышел, чистенький и освеженный, она вынула из стенного шкафа тонкостенные фужеры, а я достал из соседнего бутылку шампанского.

Она взглянула с интересом.

— Ого, уже знаешь, где что лежит?

— У американцев все типовое, — ответил я. — Посмотри кухню одного, увидишь кухни всех.

Она поморщилась.

— Так уж у всех одинаково?

— У всех, — подтвердил я. — Отличается только степенью роскоши, дизайна и некоторых прибамбасов. Но это же хорошо!.. Я не уважаю тех, кто ищет разнообразия в еде, винах и развлечениях. Зато Америка задает тон в науке и хай-теке. Вот там да!.. Американцы — не кухонная нация.

Она вздохнула.

— Тебя не сразу и поймешь. Кажется, что обругал, но присмотреться... гм... вроде бы похвалил.

Я наконец осторожно вытащил деревянную пробку, стараясь, чтобы не стрельнула, разлил по фужерам.

— Есть такое пожелание, — сказал я, — чтобы жизнь была полна! Или еще говорят, да будет полна чаша...

Она поинтересовалась с интересом:

— Что это значит?

— Это всего и много, — пояснил я. — Но не так, как понимает простой демократ, что под «всего и много» разумеет только много денег. Или вообще одни радости. Нет, всего — это всего, хорошего и плохого. Так вот сейчас это сбывается. Наука и высокие технологии создали компьютеры, смартфоны, Интернет, чудодейственные лекарства, жизнь удлинилась... но одновременно пришли и новые болезни, как естественные, так и созданные в лабораториях, появились и быстро возрастают угрозы всей жизни на Земле... Да-да, это и есть «всего и много». И, что больше всего тревожит, этого всего и много будет с каждым годом все больше, а потом с каждым месяцем, каждым днем, каждой минутой...

— И люди перестанут понимать, — сказала она мрачно, — в каком мире живут.

Я сказал трезвым голосом:

— Если выживут.

— Да, если выживут, — сказала она, — на что я все-таки надеюсь.

— Я тоже, — ответил я, — иначе мы бы вот так спокойно не разговаривали на кухне. Все зависит от нас. Как это ни звучит патетически, но и от нас с тобой. Возможно, мы те самые песчинки, благодаря которым сдвинется гора?

— Я не настолько самоуверенна, — ответила она. — У нас демократия.

— Быть демократом, — сказал я, — не обязательно быть ленивым и постоянно развлекающимся дураком, как это проповедуется и внедряется у вас. Ситуация уже выходит из-под контроля! Ситуация с рисками.

Она повторила:

— Я приложу все усилия, чтобы этой проблеме уделили... Нет, ей уже уделили, давно уже, но сейчас переводим в другую фазу. Активную. Начнем наносить удары по таким гнездам и в чужих странах.

— Невзирая на суверенитеты, — напомнил я.

Она сказала с неохотой:

— Да, конечно... С тайными операциями на чужих территориях есть опыт, хотя не по таким целям, но в каких-то случаях придется обращаться и к местным правительствам...

— Лучше сводить такие случаи к минимуму, — посоветовал я трезво. — Местные корольки почти всегда прикрывают своих. Или дадут возможность выскользнуть из-под удара. Не забывайте, жандарм не спрашивает разрешения!.. Он действует быстро и жестко, оберегая остальных людей от преступника.

Она посмотрела на меня исподлобья.

— А Россия будет кричать о нарушениях законности и указывать на нас пальцем?

Я ухмыльнулся.

— Только если будете наступать нам на ноги. Нарочито. Хотя, думаю, даже в этих случаях не будем. В конце концов, выжигая такие гнезда, мы спасаем не только себя, но и друг друга. И... плюньте на суверенитеты всяких там стран и государств. Средние века, когда к этим суверинитетам относились с трепетом, остались в прошлом!

Глава 14

В Шереметьеве меня встретили, как встречали, наверное, Корвалана или кого-нить важного и тайного. Сразу в закрытый черный лимузин и с охраной в виде джипа на большой скорости повезли в одно из зданий ГРУ.

В кабинете Мещерского уже ждут как он сам, так и Бондаренко, а за минуту до моего прибытия явились генерал Кремнев и еще двое в форме высоких армейских чинов.

Поднимаясь по лестнице, я просматривал глазами видеокамер помещение и слушал, о чем говорит Мещерский, так что, когда меня подвели к кабинету и распахнули дверь, я уже знал, кого увижу и что услышу.

Мещерский шагнул навстречу, лицо приветливо-радостное, что ничего не значит, разведчики могут надевать любое обличье, но я понимал, что он в самом деле рад и даже счастлив.

— Доктор, — сказал он, — у нас это не принято, но мне так жаждется обнять вас!.. Вы сделали всё и даже больше!

Бондаренко заметил скромно:

— Хотя мы вообще-то на это надеялись... даже рассчитывали, но шанс был один к шести...

Мещерский крепко подал мне руку и, не отпуская, провел к столу и усадил, лишь потом сел по другую сторону и сказал уже более серьезным тоном:

— Прошу всех сесть. Владимир Алексеевич, вы не представляете, с каким нетерпением мы вас ждали!

Я разыгрывать изумление не стал, ответил честно:

— Вообще-то представляю. Установление связей с зарубежными центрами по устранению глобальных рисков было только ширмой?

Он охнул, но чуточку театрально, я теперь такие оттенки замечаю:

— Владимир Алексеевич!

— Да ладно, — ответил я, — раз уж в нашем мире никогда ничего прямо не делается, а все через афедрон, то ладно, я все-таки реалист, понимаю, что еще не в двадцать третьем веке. Главное, все же удалось договориться о сотрудничестве с их центрами. Информацию будут передавать мне напрямую, а тут уж как распорядимся...

Кремнев гулко бухнул:

— Да, это здорово... а как насчет того, что вы называете ширмой?

Все в кабинете перестали даже шевелиться и уставились в меня, как будто я сейчас совершу чудо или хотя бы скажу, как его творить по формуле «Сделай сам».

— Вы знаете, — ответил я, — что называю ширмой. Да, все передал, а дальше в процессе бурных дебатов... да, были такие, высказал все то, что вы и хотели бы высказать. Но высказал я. И хотя вы меня использовали втемную...

Мещерский бурно запротестовал:

— Владимир Алексеевич!.. Никто ничего такого!.. Вы ехали устанавливать контакты со штатовским центром глобальных катастроф. Вы их установили!.. Прекрасно. А что попутно сообщили о выброшенной на берег mine...

Я отмахнулся.

— На самом деле это и было главной целью моей поездки, теперь знаю. Нет-нет, я не так уж и в обиде, кто знает, вдруг в самом деле иначе

было нельзя? Контакты в самом деле установил, что еще... Мне в ЦРУ объяснили, что вообще-то подобное относится к испытанным ходам. Сами к нему прибегают, когда нечто важное поручают сообщить непрофессионалу, дабы оставался статус абсолютно неофициального послания.

Мещерский вздохнул чуть свободнее.

— Вот что значит иметь дело с умным и даже мудрым человеком. Владимир Алексеевич, это не такая уж и бессовестная лесть, вы в самом деле человек умный и мудрый, доказали еще в трудном случае со Стельмахом. Теперь, чтобы доказать, что не таите обиды, расскажите поподробнее с самого начала, как все было...

Я долго и подробно рассказывал, как приехал, как встретили, о чем говорили. Память у меня, как у молодого слона, даже когда начались перекрестные вопросы, я повторял слово в слово.

Думаю, аналитики в живом эфире смотрят на мое лицо на мониторах, слушают и всматриваются, в нужные моменты подсказывают Мещерскому и Бондаренко по встроенным в уши приемникам, какие вопросы задать, чтобы перепроверить сказанное ранее, но сам мой вид дышит искренностью, как и каждое слово.

Конечно, никто не догадается, что все секретные данные Пентагона я просмотрел очень внимательно, ничего особенно интересного для трансгуманизма не нашел, а подливать бензинчика в огонь противостояния сверхдержав не собираюсь.

Дуайта Мещерский знает, как и тот его, хотя и заочно, а вот про Барбару он попросил рассказать подробнее, да и все заметно оживились,

даже Кремнев потер ладони и вместе с креслом придвинулся поближе.

Я рассказал, скрывать нечего, наоборот, можно даже скромно побахвалиться, такую медведицу уложил в постель в ее же берлоге, теперь это давно не компромат даже среди разведчиков, а среди мужчин совсем наоборот, а мы страна пока еще с демократическими традициями, женщины могут пробиться наверх только по заслугам, а не по квотам.

И уже в конце, когда все вопрошающие начали вроде бы выдыхаться, а вопросы пошли по второму кругу, я сказал сварливо:

— Но на будущее давайте играть честно. Я же не чужак, чтобы использовать меня вот так... Мне кажется, если буду знать, что предстоит, то сумею... да что там, кажется, точно сумею!

Мещерский посмотрел с вежливым укором.

— Владимир Алексеевич!

— Но вы же подставили, — напомнил я, — двух зайцев одним камнем? Причем первый оказался вовсе не зайцем, а чем-то вроде слона?.. Для сегодняшнего человека мины выглядят слоном, а гибель человечества от вирусов или вулкана именно зайцем, а то и вовсе мышью!

Они переглянулись, Мещерский сказал почти виноватым тоном:

— Владимир Алексеевич... но вы же сделали все, как нельзя лучше. Никто бы не смог провести переговоры лучше вас. Нас знают как облупленных, к нашим словам доверия нет. Сразу бы начали высчитывать, а что хотим этим сказать, а что стоит за нашими словами...

— У меня такое тоже было, — заверил я.

Мещерский отмахнулся.

— В отношении вас было лишь легкое подозрение, вообще легчайшее, а нам бы вообще не поверили! Владимир Алексеевич, все просто удивительно хорошо. Тьфу-тьфу!.. И то, что наладили взаимодействие между нашими Центрами... это вообще сказка.

Кремнев проворчал, как огромный сытый медведь:

— Если бы мы выложили вам сразу все, это сказалось бы на вашем поведении там. А их спецы сразу бы все заметили. А так вы вели себя совершенно естественно... Аркадий Валентинович?

Мещерский кивнул.

— Да, вы правы, Антон Васильевич, время прерваться. Завтра-послезавтра, когда проанализируем сказанное вами, зададим еще несколько вопросов, но уже так, уточняющие. Поздравляю вас, Владимир Алексеевич, с удачно выполненным... нет, не заданием, это было, можно сказать, правительственное поручение...

Второй помощник Мещерского, майор Бронник Лаврентий Петрович, который не Павлович, а именно Петрович, уточнил, приятно улыбаясь:

— Даже просьба. Дескать, раз уж все равно едете в Штаты по делу, заодно расскажите там... точнее, проинформируйте и о выброшенной на поверхность атомной mine. Типа того. А так все прекрасно!

Мещерский проговорил с облегченным вздохом:

— Честно говоря, я тоже побаивался, что могут быть некоторые неприятности. Тьфу-тьфу, обошлось. А у нас, Владимир Алексеевич, для вас есть подарок.

Бондаренко вставил светским голосом:

— Не подумайте, что из-за удачно переданной просьбы! Его начали готовить, пока вы безмятежно... или мятежно спали в генеральской постели. Готовы взглянуть?

— И взглянуть, — ответил я, — и принять. Доставайте!

— Это не здесь, — ответил Бондаренко и посмотрел с ожиданием на Мещерского.

Мещерский взглянул на часы.

— У меня окно на полтора часа. Отвезу и покажу.

Глава 15

Он сам сел за руль, по дороге еще немного поговорили об Америке и ее роли международного жандарма. Мещерский не политик, хотя и политик тоже, трезво видит необходимость международной жандармерии.

— В современных условиях, — заметил он, — когда угрозы из дальних уголков планеты затрагивают уже не только тот уголок, как было раньше, но и весь мир, то и жандармерия должна быть всемирная.

— Должна бы, — сказал я на его сослагательное наклонение.

— Никто не согласится, — сказал он, тут же добавил: — Кроме некоторых стран. То ли продвинутых, то ли тупых, то ли в отчаянном положении.

— Которым жандарм нужен, чтобы решал их проблемы?

— Да. Хотя это не худший вариант. Решить их проблемы, если там межэтническая или клановая война, а затем установить полный контроль.

Я сказал осторожно:

— В любом случае контроль придется отдавать им.

Он взглянул с любопытством.

— Штатам?

— Да.

— Почему им?

В голосе не было неприятия, я ответил чуть свободнее:

— У них репутация.

— У нас тоже, — ответил он с иронией.

— Вот-вот, — сказал я, — из-за разницы в репутации. Они могут доказать, что будут смотреть только за безопасностью, а остальное им по фигу, вон Саудовскую Аравию до сих пор не трогают, хотя там и геев казнят, и женщинам свободы нет, и вообще дикое средневековье...

— А мы?

Я вздохнул.

— От нас во всех странах ждут, что всюду будем свергать режимы и устанавливать коммунизм.

— А как же то, — уточнил он, — что Россия сейчас становится оплотом консервативных ценностей?

— Во-первых, — ответил я, — это мнение только-только начинает укрепляться среди умных, а их везде мало, зато массовое сознание привычно видит в России все тот же Советский Союз...

— ...что умело подогревается штатовской пропагандой.

— Точно, — сказал я.

— А во-вторых? — напомнил он.

— Во-вторых, — ответил я невесело, — мы и сами не уверены, что сможем справиться с ролью

международного жандарма. Мы слишком молоды, энергия в нас бьет ключом, а это может привести к желанию исправить положение чуточку круче, чем позволяют обстоятельства. Мы слишком честны и справедливы, а Штаты похожи на полицейского, который, немолодой и толстый, знает человеческие слабости, иногда закрывает глаза на мелкие нарушения закона, для него важнее мир и покой на охраняемой им территории... словом, такому полицейскому доверяют больше.

Он вздохнул, круто повернул баранку, автомобиль въехал в нашу тихую улочку и, пробравшись между настолько аккуратно припаркованными автомобилями, словно и они служат в ГРУ, подкатил к зданию, где мы занимаем верхний этаж.

Мещерский время от времени загадочно улыбался, я не придал значения, мысленно просчитывая варианты модификации вирусов, которыми можно бы внедряться в клетки и с их помощью совершать нужные мне манипуляции с геномом, раз уж не существует такого ножа, чтобы самому и своими руками...

Мы поднялись на верхний этаж, в коридоре рабочие таскают тяжелые ящики и двигают мебель, Мещерский распахнул передо мной дверь в наш главный зал, что не зал, а так, просторная комната...

Я переступил порог и охнул.

— Ого!.. Когда же успели?

Мещерский скромно улыбнулся.

— Бисмарк сказал, в России медленно запрягают, но ездят быстро? Что делать, Россия после падения Советского Союза поднималась медленно... как считается, хотя на самом деле не для посторонних ушей.

— Я посвящен, — напомнил я.

— Потому так быстро и запрягли, — обронил он многозначительно.

Боковые стены исчезли, теперь это в самом деле громадный зал, где вся стена напротив в экранах от пола и потолка, причем это один экран, который легко разбивать на участки нужного размера.

Столы у всех компьютерные, но не в старом значении, что значило, на них или под них ставили компьютеры, а с широкими столешницами-экранами, что не только поддерживают тачскринную работу десятка умников одновременно, но и позволяют моментально строить над поверхностью трехмерные объекты, что безумно важно для быстрого понимания проблемы.

Рабочие еще торопливо укрывают кожухами проложенные по стенам толстые разноцветные кабели, моих людей пока никого, во всех углах царит спешка.

— Здорово, — сказал я ошарашенно, — не представляю, какие толстые каналы подвели...

Он посмотрел на меня, чуть прищурившись.

— Да? А то мне показалось, не только представляете, но и знаете все цифры, вплоть до сотой после запятой.

— Ой, — сказал я, — это быть либо аутистом, либо нечеловеком...

Он сказал деловито:

— Мы посоветовались и решили, что весь этаж целесообразнее превратить в большой зал, где и будет сосредоточено наблюдение за всеми объектами... по планете. А ваш кабинет, как и кабинеты других сотрудников, можно расположить на четвертом этаже.

— Остальные внизу?

— Ждут вас, — ответил он довольно. — Все на месте, пьяных нет.

— Пойдемте, — велел я, все-таки я здесь хозяин, — покажете, что натворили внизу. Прежние хозяева, значит, выселены?

— Им дали другое помещение, — сообщил он. — Ваш отдел будет расширяться быстро, нужны помещения на вырост. Желательно в том же месте. Потому решено все здание передать вам.

На четвертом этаже ремонтники тянут по стенам толстые шнуры оптоволокну, двери во все комнаты распахнуты, там то ли ремонт, то ли установка аппаратуры, Мещерский кивнул на дверь в середине коридора.

— Там рабочий центр, ваши все там... Помогают расставлять технику, заодно выхватывают друг у друга ту, что поновее.

Я подошел к распахнутой двери, уже оценив, что кабинет хоть по размерам такой же, как и тот, что был у меня на пятом, но кажется тесным из-за сосредоточенной, как сказал Мещерский, техники, еще и загроможден массивными стойками с рейд-массивами. Вдоль стен внизу проложены толстые кабели, я невольно подумал, что лет через десять, даже через пять это будет выглядеть как чудовищный анахронизм, как сейчас дети не поймут, что такое видеоманитофоны.

И не только потому, что нынешние мощнейшие компьютеры уменьшатся до размеров пуговиц на одежде, но вполне возможно, придет нечто и абсолютно новое, что захватит мир так же моментально, как захватил и преобразовал его Интернет.

Под глухой стеной — скрепленные изоляционной лентой пучки оптоволокна, красные отдельно, желтые отдельно, а еще синие и зеленые, в каждом пучке не меньше двадцати проводов, а это значит, по скорости у нас не уступает пентагоновскому.

На столах дисплеи разного формата, ноуты и планшеты, я огляделся и пробормотал:

— Надо понимать, бардак на стадии упорядочивания?

Моя команда, как только мы с Мещерским вошли, встала у стены и замерла чуть ли не по стойке «смирно». Я еще раз обвел зал всеохватывающим взглядом, требовательно посмотрел на Данко и Гостомыслова, которых оставлял за старших.

Данко ответил с готовностью:

— Сюда в спешке свезли все, что может пригодиться. А мы уже должны разобраться, что нам нужно, а что стоит вернуть.

— Возвращать не нужно, — заявил Ивар. — Все пригодится.

— Не жадничай, — посоветовал я.

— Почему? — спросил он в изумлении. — Миром правят жадные!.. Жадность создала наш мир. Вот муравьи все полезное тащат в свою нору, даже своих муравьиных коров загоняют в подземные коровники и там кормят всю зиму, чтобы первыми выгнать весной на пастбища, потому мы и муравьи правим миром... Только самоубийцы и бунтари не жадные, а мы же с ними боремся?.. Шеф, давайте оставим все!

Я покачал головой.

— Нам нужно самое совершенное. Потому, если есть что-то лучше, тут же подавайте заявку.

Гаврош, что молча стоит рядом с Иваром, расцвел в ликующей улыбке.

— Ой, я знаю такое!

Мещерский сказал с улыбкой:

— Владимир Алексеевич, оставляю вас. Что понадобится, тут же дайте знать.

Он вышел в коридор и там исчез, а я наконец изволил заметить двух новеньких, молодого мужчину, аккуратно подстриженного и аккуратно одетого, но без модничанья, и смирно застывшую у стены молодую женщину со скрещенными на животе руками.

— А это кто?

Данко шагнул вперед и бодро отрапортовал:

— Это вот Дмитрий Аскольдов, неплохой программист, я уже проверил, а это...

Я впери́л взгляд в Аскольдова.

— Вы по рекомендации...

— Мещерского, — подсказал он. — Я работаю в программном отделе, но Аркадий Валентинович сказал, что вам нужно укреплять новую группу и порекомендовал мне... Хотя я познакомился с ребятами и увидел, что укреплять нечего, все свое дело знают, но все равно я рад здесь работать...

Я кивнул.

— Хорошо. Вы на испытательном сроке, Ивар и Данко расскажут, чем занимаемся и чем должны заниматься... Та-ак, а это...

Данко сказал с чувством:

— Первая женщина в нашем здоровом, даже очень здоровом коллективе! Ну, если не считать Ингрид...

— Догадываюсь, — буркнул я. — А зачем?

— Как это? — изумился он. — Хотите, чтобы нас обвинили в нетолерантности?.. Сексизме? Еще в чем-то, забыл трудное слово, длинное та-

кое, как ленточный червяк, еще и с полосками посередине... и шерстинками...

Я взглянул на нее требовательно, она подошла, смиренно опустила взор, потом передумала, подняла на меня взгляд больших карих глаз, вообще-то внимательных и умных.

— Как зовут? — поинтересовался я.

— Оксана Удовичко, — сообщила она. — Программист, знаю фортран, кобол, алгол, знаю ассемблер и бестиповые языки, работала с большими базами данных, специализировалась по языкам пятого поколения.

— Программист? — перепросил я с недоверием. — Данко, если ты рекомендуешь, то спрашивать буду с тебя за любой ее промах. У нас нет квот на женщин, мы не сраная Европа, у нас либерте, эгалите и фратерните. В общем, кто не врубился, я говорю о равноправии. И равных возможностях для всех.

Данко ответил быстро:

— Я проверял ее почти час! Она в самом деле разбирается во всем на вполне мужском уровне.

— Даже в языках пятого поколения?

— Шеф, я же проверил!

Ивар подал голос из своего угла:

— Шеф, дело не в толерантности. Да, женщины слабее нас как по штанге, так и в шахматах, но даже в шахматах чемпионка среди женщин обыгрывает кандидата в мастера среди мужчин!..

— Знаю, — ответил я, — но я в команду подбираю лучших. Согласен, она лучшая программистка в мире... среди женщин. А как здесь?

— Шеф, — сказал Ивар, — Данко же говорит, проверил лично. Она урод среди женщин, у нее в самом деле есть мозги!

Оксана чуть поморщилась, но терпеливо слушала, поглядывая на меня украдкой.

— Хорошо, — ответил я. — Месяц испытательного периода.

Данко сказал обрадованно:

— Спасибо, шеф!

Ивар тоже заулыбался, я сказал сварливо:

— Понимаю, почему женщина на корабле к несчастью! А нашему кораблю предстоит еще та-а-акие бури! Смотрите, когда начнет тонуть, я вас всех за борт повышвыриваю. И поведу корабль один, как гордый пингвин.

Данко уловил, что собираюсь отступить к дверям в коридор, спросил торопливо:

— Какие указания, шеф?

— Обживайтесь быстро, — буркнул я. — Завтра приду на весь день и буду гонять вас всех как цуциков. Если что замечу...

Он отрапортовал:

— Сегодня же все наладим!

— Проверю, — сказал я с угрозой и вышел в коридор, уже прикидывая, как там мои соскучившиеся по мне мышки, как продвигается работа в самом Центре, обычно меня интересует только моя лаборатория и смежные с нею, но на самом деле Мацанюк создал чудовищно огромную и жизнеспособную структуру, что даже начала приносить ему прибыль, хотя сперва все полагали создание ее чисто благотворительным жестом.

На самом деле так и было, чистая наука не приносит прибыли, она только раздвигает границы наших знаний, однако Мацанюк не был бы Мацанюком, если бы не замечал возможности заработать. Через пару лет то одна лаборато-

рия начала приносить прибыль, создавая новые лекарства, то другая предложила нечто не просто инновационное, но пригодное к внедрению в быт, так что корреспонденты тут же вспомнили историю с изобретенной Эдисоном лампочкой, которую он начал продавать по цене в несколько раз ниже себестоимости, и лет пять терпел все увеличивающиеся убытки, хотя себестоимость все уменьшалась, наконец снизилась настолько, что разом вернул все затраты и начал получать все растущую прибыль.

Ивар сказал, что у этой Оксаны в самом деле есть мозги, но у нее еще и крупные сиськи, как и оттопыренная жопа. Вообще вся яркая той щедрой полтавской красотой, где всего даже с избытком. Не накрашенная, я заметил, но выглядит так, будто даже перестаралась с румянцем на щеках, брови черные и густые, ресницы длинные, густые и загнутые на кончиках, а глаза крупные, такие почему-то зовут коровьими, хотя анекдот про украинку и тубетейку возник не на пустом месте, а она, похоже, именно из таких.

Иначе, мелькнула мысль, не освоила бы программирование на уровне кандидата в мастера. Так что крепитесь, ребята. Такие недолго остаются робкими овечками.

Часть III

Глава 1

Мышки мне обрадовались, я же вижу, я им еще больше, эгоист хренов, даже на первый взгляд помолодели в экспериментальной группе, если сравнивать с контрольными, а замеры, надеюсь, покажут, что первое впечатление не ошибочно.

Конечно, увеличение жизни мышёк даже в десять раз даст увеличение жизни человека разве что процентов на десять. У мышки нужно найти и отключить, условно говоря, всего один предохранитель, а у нас их сотни, если не тысячи. Эволюция многократно продублировала обязательность смерти от старости, иначе получи люди бессмертие на этапе питекантропства, так бы питекантропами и остались.

Те, кто постоянно тычет якобы важными фактами, что какие-то бактерии или простейшие вроде гидры живут вечно, забывают, что эти гидры все еще гидры, несмотря на их вечную жизнь, а короткоживущие люди создали цивилизацию.

Мобильник прислал сигнал вызова, я тут же вывел изображение на стену. Оттуда смотрит хорошенькая мордочка Катеньки, глазки радостно-

хитренькие, но в то же время и в чем-то непри-
вычно печальные.

— Ой, — сказала она, — ты уже дома?

— Уже, — ответил я, — если по дороге, заезжай.
Накормлю, почешу и поглажу.

— Через двадцать минут буду!

Она прибыла не через двадцать, а через пят-
надцать, словно всю дорогу гнала на повышен-
ной скорости, оставила автомобиль посреди дво-
ра, а сама ринулась мне на шею.

— Ой, ты стал и ростом выше, и крепче!.. Ка-
кая же я умная, какая я хитрая и замечательная!

Я легко подхватил на руки ее легкое, как у ре-
бенка, тельце, покружился на месте и понес в дом.
Она уютно устроилась у меня на груди, таких
женщин часто берут на руки даже те мужчины,
которым тяжело, но так приятно чувствовать
свою явную и неоспоримую доминантность.

В доме выбрал самый уютный диван и посадил
ее там, укутав ноги красивым шотландским пле-
дом, но она сразу снова забралась мне на колени.

— Ты даже не спросил, — прошептала она на
ухо с детской обидой, — как я теперь, когда я вот
такая... ну, старорежимно замужняя!

Я ответил с неловкостью:

— Ты счастлива, знаю. И твой муж счастлив.

— Договаривай, — потребовала она, — я же ви-
жу, что-то придержал, а это нечестно. Я же друг?

— Который живет в моем сердце, — заверил
я. — И все мы тебя нежно любим. Надеюсь, ты не
разочаруешься в своем выборе и будешь счастли-
ва. Надеюсь не потому, что так уж желаю счастья
ему, а потому что желаю его тебе...

— Договаривай, — сказала она сердито. — Что
еще прачешь за спиной?

— Новые нормы морали, — ответил я с некоторой неохотой, — всегда были мягче и демократичнее старых, как бы ни ворчал старшее поколение. У питекантропов мягче, чем у обезьян, у неандертальцев мягче, чем у питекантропов, а у кроманьонцев мягче, чем у неандертальцев... и так до сегодняшнего дня. И хотя старшее поколение хоть питекантропов, хоть времен твоей бабушки всегда негодует по поводу распушенности молодежи, все-таки новая мораль побеждает и становится нормой. Потом, возможно, ее сметет еще что-то более вольное...

Она пискнула недовольно:

— Хочешь сказать, разочаруюсь?

— Я этого не хочу, — ответил я.

— Тогда...

— Мне жадется, — пояснил я клятвенно, — чтобы ты была счастлива. Но современные женщины, ощутившие вкус свободы, как-то не рвутся надеть хиджаб, тем более никаб или вовсе чадру, паранджу или джилъбаб.

Она помолчала, глядя на меня исподлобья по-детски большими трагическими глазами.

— Если ты все знал, — проговорила она тихонько, — почему не сказал?

— Что, — спросил я с тревогой, — уже ощутила?

— Не в полной мере, — буркнула она, — но что-то не так. Я представляла это иначе. И бабушка говорит...

— Бабушки все знают, — согласился я. — О том старом мире. Но он меняется стремительно, а в нем бабушкам непонятно, неуютно и потому враждебно. Хотя каждый новый мир, как бы его ни ругали, лучше предыдущего.

— Даже того, — сказала она жалобно, — когда были принцы, принцессы и добрые волшебники?

— Даже тогда, — подтвердил я, — злые короли угнетали добрых, злая мачеха обижала Золушку, а добрые волшебники прятались по лесам от злых, захвативших власть...

Она прильнула к моей груди, прижалась крепко-крепко.

— Почему мне безопасно только с тобой?

Я прошептал в ее розовое ушко:

— Потому что я безопасное будущее.

Она пискнула:

— Хочется, чтобы ты был и моим будущим. Но в то же время и боюсь тебя.

— Почему?

Она сказала жалобно:

— Иногда от тебя веет просто космическим холодом. Я же чувствую! Но потом замечаешь меня, улыбаешься, и это жар, как в недрах Солнца...

— И тоже страшно? — спросил я.

— Тоже, — ответила она серьезно. — Но все равно с тобой как-то особо... Ты спасешь, что бы ни случилось. Ты обязательно спасешь!

— Да, — ответил я. — Это я сделаю.

Наутро я поспешил в центр наших биоинформационных технологий, Геращенко так обрадовался и расчувствовался, что обнял при встрече, чего почти никогда не делал.

— Ты здоров, — прошептал он, косясь по сторонам, — здоров как бык!.. Ну такой, бойцовский бык. Поджарый. Тьфу-тьфу, какие же мы молодцы, как же бог нас любит!.. Понимает, что работаем на благо всего мироздания.

— Понимает, — согласился я. — Тем более что бог и есть сама вселенная, а вселенная — бог. Он уже сейчас примерно знает, что и как будет делать со звездной материей, как управлять ею так, чтобы остановить коллапс мироздания... Потому как там мои мышки?

Он вскинул брови.

— Так ты же всех забрал к себе!

Я охнул.

— Издеваешься? А те, что остались?

— Наверное, — пробормотал он, — уже померли.

— Как померли?

Он сказал, защищаясь:

— Да сколько там того корма было в кормушках... Стой, куда побежал! Да пошутил я, что-то ты уже и чувство юмора потерял?

Я остановился, оглянулся. Он смотрит вслед с тревогой и любовью, настоящий отец солдатам науки, но головой покачивает с укором.

— Похоже, — признался я, — теряю. Юмор вообще-то больше свойство молодости, тогда все вокруг высмеивается и вышучивается, а когда все больше взрослеешь...

Он отмахнулся.

— Я вдвое старше, но чувства юмора не растерял. Так что не прикидывайся старцем.

— Ох, — сказал я, — видать, у меня ускоренное старение. Прогерия.

Он встревожился, понизил голос и сказал, пугливо поглядывая по сторонам:

— Пойдем возьмем анализы. Если прогерия, надо срочно принимать меры. В этом вопросе некоторые подвижки уже есть...

— Ага, — сказал я злорадно, — нет в вас чувства юмора!

Он вздохнул с облегчением, мы вошли в длинный зал, приспособленный для масштабных опытов, когда в контрольных группах в клеточках живут по сотне-две мышек, едят, пьют и безобразничают, не понимая, почему с ними ничего не делают, как вот с теми собратями на той стороне прохода.

До обеда общался с коллегами, но странное чувство в груди разрасталось все сильнее, пока не сообразил, что тянет уже в наш Центр по изучению рисков глобальных катастроф, так он звучит полностью, хотя для всех нас название слишком длинное, сокращаем так и эдак, пока не установится что-то как бы само собой, что и есть самое демократическое решение.

Вообще в нашей жизни слишком много такого, что совершается как бы само собой, что было нормально в старом безалаберном времени, потому такому для нас беспечно милому, но, увы, в будущем даже мелкая безалаберность может вызвать катастрофу.

Еще подъезжая к офису, ощутил, что здесь безалаберностью и не пахнет: четкость и продуманность видна даже в оборудовании стоянки для автомашин, как будто ее проектировали совсем другие люди, умные, знающие и собранные, живущие в самом деле в двадцать первом веке.

И люди, начиная от внешней охраны и до каждого, увиденного в коридоре, смотрятся как люди будущего. Пусть не сингуляры, но из того мира, где каждый будет понимать, что даже от его усилий зависит, каким быть их миру.

Встретить меня вышел Бондаренко, элегантный, как английский лорд, даже еще элегантнее,

прямо дворецкий лорда, светски улыбнулся, показывая идеально ровные белые зубы.

— После такого трудного задания, — поинтересовался он, — отдыхать на Гавайи?

— У меня везде Гавайи, — пояснил я.

Он улыбнулся уже одними глазами.

— Вам тоже работать интереснее, чем отдыхать?..

— Неинтересную работу, — пояснил я, — скоро полностью переложим на роботов. Людям останется только интересная работа.

Он покачал головой.

— Все равно абсолютное большинство работать не пожелает. Нигде и ничего... Прошу вас сюда, у нас сейчас не совещание, а так, состыковка различных вариантов действий...

Он распахнул передо мной дверь, подчеркивая, что я хоть и свой, но почетный свой, что все-таки ближе к гостю.

В кабинете Мещерский и Бронник что-то перетирают вполголоса. Я с порога помахал рукой, а Мещерский, не отрываясь от разговора, указал мне на свободное кресло.

Я опустился на мягкое сиденье, чувствуя себя, как ни странно, среди своих, хотя в нашем обществе к силовым структурам всегда не просто недоверие, а неприязнь и даже вражда. У всех нас сидит это гребаное робингудство, как и страсть ломать и гадить, а эти вот как раз и не дают разгуляться нашему свободолюбивому самовыражению питекантропа в теле кроманьонца.

Мещерский, остановив жестом начавшего возражать Бронника, повернулся ко мне.

— Ну что, Владимир Алексеевич?.. Все идет как нельзя лучше, даже страшно. Я волк битый,

подсознательно жду, что хотя бы первый блин должен быть комом, а у нас...

Все трое уставились в меня с интересом и тем профессиональным любопытством, дескать, выкладывай, кого подкупал, кого очаровывал, кого втихую зарезал... и где трупы прятал?.. и вообще поделись секретами, а то в самом деле новички иной раз придумывают такие хитрые ходы, что профи в растерянности чешут в затылках.

— Первый блин вообще-то комом, — ответил я, — просто в спешке мы на ходу импровизировали...

Мещерский напомнил живо:

— Владимир Алексеевич!.. Скажу честно, профессионалы бы позволили тем тунисским террористам высадиться на итальянский берег.

— Почему? — спросил я.

Мещерский улыбнулся, за него ответил Бондаренко:

— У них инструкции, правила, навык, отлаженные приемы, а после операции обязательный разбор, что и как сделано не так...

Бронник сказал скромно:

— Вы, как новички, этих правил еще не знали, а руководствовались простым здравым смыслом. Там, где профи дрогнули бы и отступили, вы нанесли быстрый удар.

— Консультироваться было некогда, — напомнил я.

Мещерский сказал благожелательно:

— Да вам и в голову не пришла идея насчет консультации, разве не так? Ситуация была предельно ясной: через несколько минут зараженные страшной чумой шестьсот человек высадутся на берег и разнесут ее по всей Италии. Вы по-

ступили абсолютно верно... с учетом нового времени.

Я ответил с неловкостью:

— Первый блин не комом, однако нашей заслуги, если честно, там мало. Вернее, есть, но и наш противник допускал промахи. Но сейчас мы должны действовать уже не так... по-детски. С учетом того, что противник не промахнется.

Мещерский сказал ровным голосом:

— Владимир Алексеевич, мы не сидели сложа руки. В вашем распоряжении будут лучшие части спецназа ГРУ. Уже разворачивается особый учебный центр с лагерем подготовки. И конечно, вы должны только указывать цель, а действовать будут специально отобранные группы.

Бондаренко проговорил с мягким нажимом:

— Вы показали себя блестяще. Но вы теперь сами командующий. И не успеете везде лично.

— И не стараюсь, — возразил я. — С моим участием была только проверка... Я же должен представлять, как это происходит! Чтобы планировать... более успешное.

Он сказал деловым голосом:

— Возможен вариант, как мы обсуждали перед вашим приходом, что таких операций одновременно может проводиться по две-три в день. В разных частях света.

Я кивнул, подтвердил:

— Да, такое возможно. И понятно, я буду приглядывать из командного центра, а не бегать с высунутым языком впереди каждой группы из трех-четырех человек.

Мещерский прислушался к голосу в клипсе на ухе, ответил громко, чтобы слышали и мы:

— Да, Антон Васильевич, мы как раз говорим на эту тему. Заходите, послушаете. Что-то посоветуете...

Бондаренко спросил с иронией:

— Генерал?

— Да, — ответил Мещерский. — У него скоро очередной выпуск краповых беретов. Ищет, где опробовать их выучку в реальных условиях.

Бондаренко улыбнулся.

— Владимир Алексеевич укажет немало целей. Владимир Алексеевич?

Я невесело вздохнул.

— К сожалению. Мир развивается неравномерно, что создает... трудности, говоря мягко. К примеру, взять Китай, который так спешно встраивается в западную модель мира, чему все рады. Но в Китае копировать западную технологию, не считаясь с лицензиями, считается вообще доблестью.

— Свинство, — заметил Бондаренко с достоинством.

— Они это называют учебой, — пояснил я, — а учиться везде и у всех считается хорошим делом. Так что у них нет никаких угрызений совести, когда проводят запрещенные в Европе эксперименты с генетическим моделированием.

Бондаренко сказал с иронией:

— Это же в сраной Европе запрещены!.. А Восток и Азия от нее теперь свободны. Так, Владимир Алексеевич?

— Вот-вот, — поддержал его Бронник, — Европа Китаю не указ. Тем более ни у кого не спрашивают разрешения Северная Корея или Бирма... как и сотня еще независимых и суверенных стран, чтоб они все передохли!

Глава 2

Отворилась дверь, вошел Кремнев, огромный и красномордый настолько, словно его только что вынули из горна с горящими угольями.

Пожал всем нам руки и сел рядом с Бронником. Мещерский сказал успокаивающе:

— Антон Васильевич, спокойнее, спокойнее. Не надо так по-людоедски, хотя мы, как гуманисты и ценители прекрасного, вас вполне понимаем, но... молча. Вон как Лаврентий Петрович, самый большой ценитель гуманизма.

Кремнев хмыкнул, но смолчал.

Бондаренко сказал ровным голосом:

— Разная философия, неравномерность развития... Потому Азия и Восток даже не поймут, почему вы им такие страсти желаете. Там даже не предполагают, что их закрытость от инспекций может принести всему человечеству гибель. Им тоже.

Мещерский сказал невесело:

— Всю историю человечества все страны и народы боролись за независимость!.. Большинство в мелких странах до сих пор чувствуют себя, скажем мягко, не совсем в безопасности.

Кремнев прогрохотал негромко:

— А как должны себя чувствовать, видя, как Штаты по надуманным и лживым предложениям напали на Ирак и Ливию? Уничтожили эти государства полностью, а теперь совершают перевороты в других странах, которые им не нравятся?

Мещерский чуть поморщился, но возражать почему-то не стал, как и другие, я сказал резко:

— Это никому не нравится! Как и Штатам. Но если бы те страны допустили комиссии для проверки, ничего бы не случилось.

— Ничего? — спросил Кремнев.

— Войны бы не случилось! — отрезал я. — Какой, на хрен, суверенитет в двадцать первом веке? Мы уже начали слияние в одно государство!

Кремнев прогрохотал:

— Конечно, в Соединенные Штаты Америки?

Он произнес это с таким выражением, что даже мне стало неловко, словно я что-то или кого-то предаю, хотя генерала понимаю чисто по-человечески... на уровне человека девятнадцатого и даже двадцатого веков. Никто не желает не просто подчинить свою страну другой, тем более чужой и в немалой степени враждебной, но и вообще строить свою страну в этой самой чужой, что значит, отказаться от идентичности.

Я покосился на Мещерского, тоже морщится, постоянно сталкивается с тем, с чем столкнулся я на этом совещании. Только сейчас дошло, что все промолчали намеренно, подталкивая меня ответить генералу, а я, вот уж новичок в таких играх, тут же клюнул.

— К сожалению, — сказал я, раз уж отвечать надо и дальше, — время не терпит. Вы видели, что нас только чудо... или случай спас от эпидемии в Европе.

Мещерский, тонко улыбнувшись, уточнил:

— Непрофессионализм! Непрофессионализм спас.

— Тот самый, — подхватил Бронник, — который и должен стать эталоном профессионализма в двадцать первом веке.

Я сделал вид, что не услышал, чтобы не дать сбить себя на соседнюю дорожку дискуссии, и сказал с тем же нажимом:

— Предположу, что такие же лаборатории сейчас создаются и в других точках планеты. Это мо-

жет быть даже в Штатах и Европе, но там чуть труднее, зато полное раздолье в нестабильных странах!

Мещерский помолчал, ожидая, когда я продолжу, но я молчал, он сказал в нетерпении:

— Договаривайте, Владимир Алексеевич.

Я огрызнулся:

— А если и мне такое сказать страшно, как и вам?.. Ладно, скажу. Реагировать нужно немедленно. Сегодня же. На самом высшем уровне, будь это экстренное совещание глав государств или всякие там магаты и ооны. Требуется срочно принять доктрину о полном примате международного права над суверенитетами, если есть хоть малейшее подозрение на исходящую оттуда угрозу. При этом, конечно, никаких изменений в режиме правления, но полная инспекция складов с любым оружием.

Мещерский обронил:

— Вы говорили о лабораториях...

— Это относится к складам с любым оружием, — отрубил я. — Теперь не требуется строить подземные убежища под толщей гор. Сейчас склад может помещаться в одной-единственной колбе!

Бронник простонал, как от сильнейшей зубной боли:

— Вы представляете, что сказали?

Я сказал зло:

— У нас выбор: либо суверенитет и полные свободы личности... на очень недолгое время, либо существование человеческого вида! Если подходить разумно, то для сохранения жизни на земле никакие предосторожности не должны считаться чрезмерными.

Кремнев сказал тяжело и веско:

— Если подходить разумно... Владимир Алексеевич! А как же честь, достоинство, амбиции, дуэли за оброненный платочек?.. Малые страны очень обидчивы. И за посягательство на свой суверенитет пойдут на что угодно...

— Отказ от инспекций, — сказал я, — мгновенно ведет к отказу от суверенитета! Мы вправе забрасывать с воздуха любые группы для проверок подозрительных объектов...

— Когда вы говорите «мы»...

Я уточнил:

— ...то имею в виду цивилизованные страны, что понимают опасность новых технологий. Пусть отряды морских котиков забрасывают Штаты, Германия, даже Андорра, лишь бы все опасные ростки подавлялись... нет, уничтожались прямо на корню... Истреблялись! Любые исследования можно проводить только гласно и под международным контролем. Полностью прозрачно и по заранее обнародованным программам.

Кремнев поинтересовался с недоверием:

— А те, которые не обнародовали свои программы...

— Должны быть закрыты немедленно, — отчеканил я. — Более того, желательно уничтожать все, что успели сделать. Честному человеку нечего прятать от закона, не так ли?

Он посмотрел на меня с уважением.

— Знаете, юноша, я говорил здесь мягче, и то меня били...

— Я очень мягкий человек, — заверил я. — Но сейчас на кону стоит быть или не быть человечеству. Без дураков. Это не гипербола, не метафора, не литературная красивость. Так и есть, генерал.

И количество угроз будет только возрастать. Сейчас ситуация чрезвычайная, а люди живут, словно они еще в эпоху промышленной революции!.. Или даже Галилея.

— Процесс пошел, — заверил меня Мещерский.

— Медленно! — возразил я.

Кремнев кивнул, но смолчал.

— Медленно, — согласился Мещерский со вздохом. — К сожалению, у нас тоже демократия, а она не позволяет решения принимать быстро.

— Двое наших агентов погибли, — напомнил я, — пытаюсь узнать, что там в удаленном уголке Туниса. А нам удалось решить проблему с великим трудом, хотя один все-таки был ранен и у нас. Но такие меры недостаточны, потому что это кустарщина... и прошлый век!

Никто не проронил ни слова, даже не шелохнулся, только Кремнев подвигал задом в кресле, все еще не сводя с меня взгляда.

— Договаривайте, — попросил Мещерский мягко.

Я сказал зло:

— Если страна отказалась подписать конвенцию о немедленных проверках на своей территории, то мы... я имею в виду страны, которые берут на себя ответственность за выживание человечества, можем.. да что там можем, обязаны!.. да, обязаны нанести по той точке ракетно-бомбовый удар.

В наступившей гробовой тишине гулко прозвучал голос Кремнева:

— Лучше ракетный. Самолету и лететь долго, и запрашивать разрешение стран, через территорию которых...

— Ракетный, — согласился я. — Наконец-то кто-то решился. Спасибо, генерал!.. В города, правда, придется забрасывать десантные группы по точечному устранению, но это будет позже. Сперва все будут стараться строить лаборатории в удаленных местах.

Мещерский заметил с некоторым удовлетворением:

— Лаборатория в труднодоступном или просто удаленном месте сама по себе подозрительна. Государству, на чьей территории она расположилась, трудно будет оспаривать ее уничтожение. Даже если само правительство санкционировало ее создание.

Кремнев сказал бодрым голосом:

— Что-то мне ученые начинают нравиться. Рядом с ними меня скоро начнут называть голубем... Владимир Алексеевич прав, он смотрит в завтрашний день, а мы все еще во вчерашнем с его методами. Хотя ему, как агенту госдепа верить рискованно, но мы же такая структура, со всеми умеем работать...

Я сказал с наигранным недовольством:

— Антон Васильевич, идите в жопу со своими шуточками! Сами видите, я был прав насчет расширения взаимных проверок.

— Со взаимными у нас все в порядке, — напомнил он.

— Со Штатами?

— Да, — подтвердил он. — Каждый год друг у друга пересчитываем все ракеты и даже танки. Есть идея пересчитывать даже патроны, тогда можно дольше там гулять в казино и борделях.

— А как там с борделями? — поинтересовался Бондаренко.

— Лучше не бывает, — заверил Кремнев. — Как у нас в Госдуме.

— А от взаимных, — сказал Мещерский деловым тоном, — нужно перейти к международным. Убедить те режимы, которые под нашим влиянием, что режим проверок ныне не каприз отдельных стран, а необходимость. Которая и нам не нравится, но кто-то делать это обязан... Я сегодня же составлю докладную и передам ее на самый верх. Владимир Алексеевич, уверяю вас, в таких экстренных случаях у нас действуют очень быстро!

Распростившись с ними, развернул автомобиль и погнал к зданию нашего Центра, что разрастается с такой скоростью, что, да, верю Мещерскому в достаточно быстрое решение проблем глобальных рисков.

Однако натиск нужно усиливать, развитие хай-тека идет не просто по нарастающей, а по экспоненте. Так что решения придется принимать не просто быстрые и жесткие, а очень жесткие, непривычные для нас, все еще живущих в прошлом веке.

Непривычные и отвратительные.

Поднимаясь по лестнице, посмотрел глазами камер, кто чем занят, все-таки в отсутствие кота мыши обычно пляшут на столе, а у кого есть новенькая байма, азартно гоняет ее по экрану.

Но на этот раз пока все в работе, только Ивар и Данко азартно беседуют о будущем, когда станут совсем старыми, деловито обсуждают, кто кого должен воскресить, если до бессмертия вдруг не доживут, какие деньги на это потребуются и какая нужна будет сама процедура.

Если кто-то из них умрет раньше, чем будет найдено средство для продления жизни, то придется крионировать, для этой цели нужно сразу выделить неприкосновенную сумму, а также подписать с КривоРусом договор на всю процедуру, начиная от замораживания и заканчивая бережным хранением до того времени, когда медицина разработает безопасный способ размораживания и возвращения к жизни.

Гаврош слушает краем уха, иногда бросает ехидные реплики. В его возрасте жизнь кажется бесконечной, и он уверен абсолютно, что доживет до бессмертия и сингулярности в любом случае.

Все повернулись в креслах, когда я вошел, но не встали, я запретил, мы не военные, и я не учитель, а они не школьники, а коллеги.

Я прошел к столу Ивара, повернулся, все смотрят в ожидании.

— Аскольдов, — сказал я громко, — встаньте... А теперь отойдите к двери.

Все молча ждали, Аскольдов в недоумении поднялся, вылез из-за стола.

— Да, слушаю...

— К двери, — велел я.

Он послушался, а там повернулся ко мне лицом, раздраженный и нахмуренный.

— Что-то случилось?

— Пока нет, — сообщил я. — Но могло случиться, пока вы на рабочем месте занимались личными делами, играли в Эверквест-Некст и пытались преодолеть защиту, чтобы что-то взять из своего домашнего компьютера.

Он побледнел, вскрикнул:

— Но я...

Я остановил его властным жестом.

— Разве я не говорил, что при всей нашей демократии здесь все под неусыпным наблюдением?.. Кто-то еще здесь решил, что если я не генерал КГБ, а ученый-нейрофизиолог, то такого можно обвести вокруг пальца?..

Все молчали, уstraшенные и притихшие. Аскольдов сказал дрожащим голосом:

— Но я не сделал ничего преступного...

— Если бы вы сумели взломать защиту, — отрезал я, — вас бы ликвидировали на месте, и Мещерский не смог бы заступиться. Родне сообщили бы, что напились и не там переходили дорогу. Или что-то в этом роде. Но сейчас не прошли испытательный срок, можете быть свободны. Без права где-то заикнуться, где были и чем занимались. Помните, я сам прикажу вас ликвидировать. И, скажу честно, сделаю это даже с удовольствием, ненавижу таких... А теперь идите!

Он поспешно повернулся и вышел, не посмев выкнуть даже о том, что на столе остались его личные вещи.

Я повернулся к притихшим сотрудникам.

— Вопреки расхожему мнению, самые мирные люди на свете — военные. Им меньше всего хочется воевать, так как это не только тяготы, но и вероятность гибели в первую же очередь. Самые жестокие люди — ученые. Это гуманнейший академик Сахаров предложил и разработал план закладки атомных мин на побережье США, это Оппенгеймер с его атомной бомбой, Теллер с термоядерной, Максим — создатель пулемета и даже Архимед, придумавший, как с безопасного расстояния топить вражеские корабли вместе со всем экипажем. Это понятно?

Данко проговорил трепещущим голосом:

— Да!.. Еще как!

— Моя роль в нашей работе, — сказал я еще жестче, — выявление угроз человечеству. И для его защиты, как догадываетесь, пожертвую не только отдельными особями, но и целыми группами, если понадобится. Даже большими группами. Всем понятно? Работайте!

Я повернулся и вышел в коридор, там только перевел дыхание, суетливо проверяя себя, так ли сказал, достаточно ли жестко, хорошо ли прониклись.

Очень надо, чтобы прониклись. Время пришло новое, а мы еще совсем старые, в чем-то вообще средневековые. Точно сгинем, если не сумеем идти вровень с нашей же все ускоряющейся техникой, и с бегущим на взлет прогрессом.

Глава 3

У меня отдельный комфортабельный кабинет, где могу проводить короткие брифинги и устраивать совещания для небольшого круга лиц. Правда, сейчас у меня столько сотрудников, что все поместятся на одном диване, но Мещерский все планирует на вырост.

А еще одним кликом могу выводить на экран изображения с видеокамер, кто что делает у себя на рабочем месте или даже что делал, запись ведется постоянно, все двадцать четыре часа, не прерываясь ни на секунду.

Правда, я могу просматривать, и что делает, скажем, генерал Сигурдсон или Барбара Баллантэйн, все с такой же простотой и легкостью, как

и наблюдать, как себя ведет и о чем разговаривает Мещерский, Кремнев или любой другой, просто другие сейчас интересуют мало, гораздо важнее пробежаться по Всемирной паутине, просмотреть эсэмэски, прослушать переговоры по мобильникам, даже одноразовым, как здесь в России, так и в Штатах, Англии, по Европе...

Мозг накаляется, в ушах предостерегающе стучит сердце, протестует, кричит, что не успевает качать в череп обогащенную кислородом кровь, но все же прошерстил насчет глобальных рисков, пока явных близко нет, а за дальними понаблюдаем, сейчас же выделю их в отдельную группу...

Передохнув, малость поколебался, стоит не стоит, наконец взял смартфон, некоторое время слушал, как медленно и тягуче сигналы текут по проводам, затем достаточно быстро пересекают океан.

Голос прозвучал хриплый и почти враждебный:

— Ну кто это еще?

— Сержант Килинг, — ответил я на английском с легким южным налетом коренного техасца, потому что сержант там родился и жил вплоть до службы в армии, — дело срочное, потому я вот так напрямую. За городом в доме номер триста сорок два склад с оружием. Нагрянуть не успеваете, там сейчас как раз заправляются боеприпасами боевики. Нападение будет на кинотеатр напротив Макдоналдса. Если успеете...

Голос прервал с еще большей враждебностью:

— Что за хрень?.. Проспись, дурак...

— Не вешай трубу! — крикнул я. — Не веришь, езжай просто туда. Как раз успеешь к началу резни. Потом посмотрим, будет ли тебя грызть

совесть, что столько людей погибло, а боевики скрылись...

— А ты откуда знаешь?

Я сказал жестче:

— Ты зря пытаешься вычислить мой адрес. Все скрыто так, что и ЦРУ не достанет. Давай езжай туда. Хотя бы посмотришь на свежие трупы... Но про этот звонок никому ни слова!

— Пошел прочь, дурак!

Связь прервалась. Я с досадой отложил смартфон, реакция предсказуемая, привычная. Можно бы сообщить кому-то еще, но этот Гарри Килинг выглядит по его досье наиболее адекватным, остальные вообще люди вчерашнего дня.

Вспыхнул боковой экран, Гаврош доложил бодро:

— Шеф, тут прислали еще одного на собеседование. В компьютерах ноль, ну а так вообще-то забавный...

— Пришли ко мне, — велел я.

Одновременно посмотрел через камеры в их комнату, взял кадр с лицом соискателя и мигом посмотрел о нем в инете, соцсетях, записи разговоров, медицинскую карточку и перечень мест, где работал, так что когда он постучал в дверь и переступил порог, я уже почти составил о нем мнение, но сказать сразу, едва он вошел, «приняты», как-то не совсем в самом начале новой эры открытых коммуникаций, многие еще не знают, что их ждет, потому я сказал приветливо:

— Да-да, мне сказали. Садитесь. Кто вы, что вы?

Моложавый, опрятно одетый, выглядит лет на тридцать, хотя на самом деле ему за пятьдесят, что хорошо, предпочитаю людей, которые следят за собой, такие и работают лучше и больше, сел

на указанный стул, заговорил мягким интеллигентным голосом:

— Сергей Мануйленко, кандидат наук, диссертацию защищал как раз по глобальным рискам, исходя из постулата о неуничтожимости цивилизации...

— По Никонову?

— Да, он мой научный руководитель, — подтвердил он с гордостью, — он и тему подсказал, а потом давал очень ценные советы...

— Почему решили попробовать работать у нас?

— Мне сказали, — пояснил он, — что у вас формируется большой отдел, целиком посвященный этой теме...

Я кивнул и некоторое время слушал его рассуждения о необходимости классификации этих рисков, а также выработки решений, в каком случае что делать.

Конечно, это совсем не то, что мне нужно, хотя отдел о рисках планетарных катастроф у нас уже есть, укомплектованный как сотрудниками, так и кабинетами, пусть даже одним, а также кое-какой аппаратурой.

Этот же отдел, если говорить начистоту, вообще лишний, так как вопросами возможных катастроф, связанных с падением огромных метеоритов, гамма-всплесками близких звезд или магнитными бурями на Солнце занимаются в сотнях научно-исследовательских институтов по всему свету.

Однако этот отдел и является нашей вывеской для различных проверяющих структур, хотя посторонние все равно сюда быть допущены не могут по определению, но даже не все высшие лица

в КГБ, армии или даже правительстве не должны знать о нашей черной работе слишком много.

Я отвлекся, просматривая новые данные испанской разведки, а когда поднял взгляд на этого Сергея Мануйленко, он заканчивал свою речь, заметно волнуясь и глядя на меня с надеждой:

— Потому я уверен, что сверхглубокое бурение несет огромные риски для существования всей земной цивилизации!..

— Только из-за выброса магмы? — спросил я.

— Больше из-за атмосферы, — ответил он, — что будет закрыта плотными тучами. А у нас на земле воцарится зима на несколько лет! Даже в Африке! Дело в том, что исследователями движет чисто научный интерес, не оправданный никакими меркантильными интересами.

Я проронил несколько провокационно:

— Но это же ученые. Фундаментальная наука не предполагает немедленной отдачи.

Он возразил горячо:

— На Луну хотят попасть потому, что там гелий-три, бесценное ядерное топливо, в коллайдере мечтают найти источник бесплатной энергии, генную инженерию развивают для устранения всех болезней и бессмертия людей, а вот сверхглубокое бурение обещает пока только выброс огромных масс магмы, плотный экран пепла между планетой и солнечными лучами и смерть всего животного мира!

Я сказал успокаивающе:

— Не волнуйтесь, я понимаю и разделяю вашу точку зрения. Вы приняты. Круг ваших обязанностей очертим позже, а сейчас соберите все за и против глубинного бурения, чтобы положить на стол тех, кто выше нас обоих.

Он ушел ошесчастливленный, а я подумал, что этого можно будет перевести в основной отдел, все-таки сверхглубокое бурение совсем не то, что вспышка на Солнце, взрывы звезд, сверхвспышки на Солнце и прочие беды, с которыми сделать ничего не можем.

Хотя пока пусть поработает в отделе прикрытия. Увидим со временем, что и как. А если какие-то проверяющие, что обязательно появятся, начнут наезжать из-за наших слишком широких полномочий, будем выставлять этот отдел как основной и чуть ли не единственный.

Хаотическая работа начинает упорядочиваться, я наконец-то велел всем собраться в главном зале, сообщу о программе, которой будем руководствоваться, и, чего я меньше всего ожидал, кроме моих непосредственных сотрудников, пришли даже Мещерский и Кремнев.

Мы не просто новый отдел, прочел я в глазах Мещерского, но именно тот отдел, что перепрофилирует их деятельность с мелкопоместной на общечеловеческую, что льстит и тревожит одновременно.

— Первое задание, — сказал я, — взять под особый контроль страны и режимы, что втайне от других пытаются совершить прорывы в биологии или в чем-то еще опасном и добиться преимущества.

Кремнев уточнил с некоторой насмешкой:

— От кого задание?

— От вселенной, — объяснил я. — Ей грозит опасность, она ждет от нас помощи. Потому ей нужно, чтобы мы сами спаслись, развились как можно быстрее и без поломанных рук-ног вышли за пределы земной колыбели.

Он усмехнулся, кивнул.

— Достойные цели. Не так уж чтоб совсем мелкие.

— Под контроль уже взяли, — пискнул Гаврош и тут же отступил за широкую спину Ивара.

— Пока Европа жует сопли, — сказал я, — и мямлит про этику, азиатские страны всю экспериментируют с генной модификацией... Да не растений, а человека! А если учесть, что далеко не обо всех опытах просачивается даже в научные круги, то опасность переоценить трудно!

Мещерский кивнул, сказал очень серьезно:

— Видимо, нужно не спускать глаза и со стран Южной Америки?

— Верно, — ответил я. — У них наука пока не очень, зато те горячие головы из университетов США, которым не дают ходу старые и мудрые, бегут в их джунгли и там основывают всякие скрытые как от Штатов, так и от местной власти лаборатории.

Мещерский проронил задумчиво:

— Любая фирма, что привлекает большие средства и объявляет некий стартап, что перевернет мир и осчастливит всех, должна привлекать внимание.

— Абсолютно верно, — сказал я. — Жуликов всегда хватало, а теперь стало еще больше.

Кремнев рыкнул:

— В наше время резких перемен, где со всех сторон мутная водица, не знаешь куда плыть, особенно легко ловить крупную рыбу в чужом водоеме.

— Это дело правоохранительных и законодательных структур, — сказал я, — а наше управление должны привлекать внимание малоизвестные или

совсем новые фирмы, что уже располагают большими суммами и начинают некое стартапство без привлечения инвесторов и шумихи в прессе.

— Без шумихи, — сказал Мещерский. — Да, это ключевой момент! Какую бы пакость ни задумали, но все будут стараться проделывать тайно.

Гаврош снова не утерпел, высунулся из-за Ивара.

— Все оставляет следы! Нужно быть только хорошим следопытом. Мы уже наблюдаем за рядом таких... думают, что все шито-крыто, но остаются чеки оплаты, квитанции на перевозку...

Кремнев посмотрел на него оценивающе.

— Шустрый парнишка. Может быть, забрать его к нам в военную разведку?

— Не пойду! — вскрикнул Гаврош.

— Мобилизуем, — пообещал Кремнев сурово.

— Я не военнообязанный, — заявил Гаврош. — У меня куча болезней!

— Исправим, — сказал Кремнев. — В смысле, подменим медицинскую карточку... Ладно-ладно, не падай в обморок, генералы тоже шутят. Даже Иосиф Виссарионович шутил...

Они походили хозяйски по всем помещениям, поинтересовались, чем еще помочь, но у меня все равно остался какой-то осадок. Понятно же, я здесь не бог и не царь, но как-то задевает, что вот приходят и посматривают свысока.

Да, умом понимаю, что у них масштабы пошире, армиями двигают, целой страной рулят, но все равно еще шире масштабы у меня: я живу сегодня и одновременно завтра, а они пока только сегодня...

В новостях передали, в Штатах в гонке за президентское кресло уверенно лидирует Золтан Иштван, а у нас пока борьба за лидерство идет между партиями Ицкова и Данилы Медведева.

У Ицкова последователей больше, однако в последнее время пошли слухи, что Медведев заручился поддержкой Игоря Мацанюка, однако удачливый инвестор заверил СМИ, что политика его пока что не интересует, он вкладывает деньги только в хай-тек, а не в тех, кто рвется к президентскому креслу.

Поверили далеко не все, самые искушенные напомнили, что финансовые воротилы редко обнародуют все свои планы. У них всегда на каждый широко освещаемый в прессе проект находится по два таких, о которых никто ни сном ни духом.

На короткое время возник слухок, который тут же замяли, что кампанию Ицкова финансирует могущественная Алиса Чумаченко, владелица целой империи из фабрик по производству компьютерного оборудования, трех фирм по производству игр AAA-класса, медицинского оборудования предельно точной диагностики и множества стартапов, в которых ее участие довольно значительно.

Личности Мацанюка и Алисы покрыты завесой тайны, я вспомнил слухи об их тайном союзе, подумал, что это не в духе Мацанюка — класть яйца в разные корзины, он умеет рисковать, иногда вообще поступал вопреки всем прогнозам, но сейчас то ли постарел, хотя еще рано, то ли сотня миллиардов долларов сделала осторожным, но, вполне возможно, решил подстраховаться, чтобы при победе любого из кандидатов оказаться в выигрыше.

С другой стороны, когда денег не много, а очень много, то можно начинать вести дела без риска, потому что совсем не важно, получится ли в результате какой-то сделки из ста миллиардов сто десять или же всего лишь девяносто...

Я повертел мысль так и эдак, подумал, что меня бы задело. Дело не в деньгах, мужчины не любят проигрывать. Одно дело, проиграть пару тактических боев, но выиграть битву, другое — проиграть десять миллиардов без возможности получить на этом двадцать.

А Мацанюк, по слухам, все еще играет достаточно азартно.

Вспыхнул экран, Данко сказал без предисловий:

— Шеф, что-то наклеывается. Одна из возникших ниоткуда фирм скромно заявила, что намерена производить чипы по новой технологии, на которую обладает патентами.

— Так-так, — сказал я, — у кого купила патент?

— Суть покупки, цена и все остальное, — сообщил он, — держится в секрете. Объявлено это, чтобы более богатые и мощные фирмы не опередили, но как только будет готов образец первого чипа...

Данных не так уж много, да и те, что удалось нахватать из обрывистых сведений, складывал так и этак, но что-то тревожило на уровне подсознания, чего не люблю, раздражает, я ученый, а не рерихнутик, всеми мыслительными операциями рулит мозг, хотя точнее говорить: головной мозг, так как спинной намного старше и потому время от времени пытается командовать и на высшем уровне, в то время как я настаиваю, чтобы он ограничился пищеварением, выработкой гормонов и прочей необходимой для жизни деятельностью.

Данко подсказал бодро:

— Шеф, вот тут Гаврош накопал, что завозимое туда оборудование как бы не совсем.

— Что значит «не совсем»?

— Что-то малость лишнее, — пояснил он, — а чего-то недостает. Может, потом довезут...

Я поискал взглядом Гавроша в самом углу их комнаты, но там пока пустое кресло.

— А почему он сам не докладывает?

Ивар довольно усмехнулся.

— Мы его тут долго учили манерам, субординации и умению жить в обществе. Все-таки хакеры и прочие гики — это полупомешанные, что прячутся от мира и даже солнечного света, как пауки. Мы его учим жизни, а вон Оксана обещает поучить его и сексуальной. С разными штучками.

Оксана от своего стола крикнула рассерженно:

— Сам учи!.. Ты и похож на такого!

Ивар сказал хитро:

— А если шеф премию выпишет?

Оксана заявила гордо:

— Ни за какие деньги!.. Я украинская женщина, по мне, мужчина должен быть фактурный, а не шмендрик полудохлый.

— Гавроша послали в кафе за бутербродами, — сообщил Ивар. — Вернется, расскажет. Но он молодец, следит за Сетью, быстро схватывает, что нам нужно и за чем охотимся.

Глава 4

Дверь распахнулась, с двумя огромными пакетами в зал влетел Гаврош, с ходу заявил возмущенно:

— Кто-то меня оскорбил, назвав молодцом?.. Может быть, я еще и руки мою перед обедом и после туалета?.. Шеф, туда завезено оборудо-

вание, что необходимо для изготовления чипов по восьми нанометрам.

— А что в этом ненормального? — спросил я. — Сейчас на него уже начинают...

— Я просмотрел спецификации, — отрапортовал он моментально. — Примерно треть доставленного никак не участвует в изготовлении чипов...

Ивар предположил:

— Разве что какая-то особо новая технология?

Они вперили взгляды в Гавроша, тот помотал головой.

— Я посмотрел не только оборудование, — ответил он быстро, — что необходимо при таких операциях, но и все научные публикации в солидных и несолидных журналах.

Оксана смерила его уничтожающим взглядом.

— Ты?

— Я, — ответил он. — Тебе не понять, существо в юбке, когда в тексте попадаются незнакомые буковки, что и не буковки?

Я спросил нетерпеливо:

— И что там?

— В хай-теке пока нет и намека на нечто прорывное, — пояснил он. — Как шло медленное поступательное движение от ста двадцати нанометров к нынешним десяти, так пойдет и дальше без рывков и задержек.

Ивар буркнул:

— А как же новые открытия?

Вместо Гавроша ответил Данко:

— Открытия — это другое, а здесь уже инженерная задача. И в ней нет места для неожиданного прогресса в уменьшении размеров чипа. Шеф? Разве что на иные принципы вроде кван-

тового или темноматерного. Оксана, темная материя — это не совсем ругательство.

— Понаблюдайте с недельку, — велел я. — Если ничего не прояснится, придется посылать туда...

— Наблюдателей?

— Контролеров, — ответил я.

Из кабинета связался по защищенной сети с Мещерским, предупредил о новом месте возможной угрозы. По выражению его лица понял, что у него и так какие-то трудности, а тут еще мы, он и ответил ожидаемо:

— Владимир Алексеевич, перенос производства в страны третьего мира — объективный процесс. Зарплата там впятеро меньше, чем в Штатах, расходы на инфраструктуру и удобства минимальные, к тому же не нужно тратить на обогрев помещения в зимнее время... в общем, все логично.

— Кроме одной мелочи, — согласился я вежливо.

— Весьма существенной?

— Увы, да.

— Слушаю, — произнес он.

— Обычно такое стараются строить в людных местах, — напомнил я. — Где легко привлечь дешевую рабочую силу.

— А в нашем случае?

— Увы.

— Где-то в лесу?

— В горах, — ответил я. — Боюсь, там немало пещер, где вообще можно многое упрятать от наблюдения с воздуха.

Он тяжело вздохнул, потер ладонью лоб.

— Значит, это наши клиенты?

— Мне тоже этого не хотелось бы, — ответил я.

Он проговорил медленно:

— Придется самим или же, раз уж теперь у нас есть союзники...

— Я бы тоже предпочел спихнуть на американцев, — признался я. — Раз уж объявили себя единственными белыми среди негритянского населения планеты, то и несите бремя белого человека...

— Но с другой стороны?

— Верно, — ответил я. — Нет доказательств, что это не сами американцы что-то тестируют в условиях повышенной секретности. Даже от сената и его настырных комиссий, которым бы только тащить и не пущать.

Он медленно кивнул.

— Наблюдайте. Но если что, в вашем распоряжении будут лучшие из наших коммандос. Нет, они уже в вашем распоряжении!

После разговора я потратил пару секунд, просматривая штатовские газеты, где перевозносятся двух полицейских, что совершенно случайно проезжали мимо кинотеатра. Когда террористы там устроили бойню, оба тут же применили оружие и уничтожили всех четверых на месте. Не окажись их там, жертв оказалось бы на порядок больше.

Я позвонил, услышал в ответ: «Полиция слушает», — сказал бодро:

— Сержант Килинг?.. Вижу, вы успешно справились!

В ответ послышалась брань и злой голос:

— Это ты тот идиот, что не убедил начальство повысить?

— Не было времени, — пояснил я, — а вы, как ветеран иракской войны, легче на подъем. И, как я и ожидал, успели вовремя.

Он прорычал:

— Как это вовремя?... Пятеро гражданских убито!

— Зато вы с сержантом Хопкинсом, — ответил я, — перестреляли всех четверых террористов, как только те открыли огонь.

— Но люди погибли, сволочь!

— Главное, — сказал я наставительно, — угроза устранена. А народ... в стране их триста миллионов, и почти все бездельники. Их не жалко. И вообще пятеро убитых — капля в море.

Он прорычал:

— Ублюдок, ты не американец, верно?

— Я позвоню еще, — пообещал я. — Рад, что у вас теперь больше доверия к моим словам. Спасибо за сотрудничество.

И оборвал связь, чтобы не выслушивать такую яростную брань, словно там среди пятерых убитых по меньшей мере его жена и дети, а то и вовсе любимая собака.

В центральном зале как короли расположились Ивар, Данко, Гаврош и Оксана, которую Гаврош именует примкнувшей, то ли напоминая о Шепилове, хотя откуда ему о нем знать, впрочем, нынешняя молодежь как может ничего не знать вообще, так и знать намного больше старшего поколения.

Мне можно и не заходить к ним, все равно вижу, кто что делает, и слышу, кто что говорит. Это не вуайеризм, а нормальное поведение в сверхзасекреченных организациях.

Я включил связь, сейчас мое лицо крупным планом на их центральном экране, сказал сразу всем:

— Выясняйте, кто за этим стоит. Прямых уликам никто не даст, смотрите: кто поставщик обо-

рудования, кто его заказал, кто оплатил, кто принял и перевез... Возможно, эти люди вообще ни о чем не догадываются, но могут привести к тем, кто принимает на месте и устанавливает в засекреченной лаборатории.

Ивар сказал осторожно:

— Шеф, те тоже, скорее всего, не знают настоящего хозяина.

— Да, — согласился я, — потому нужно собирать все данные, а потом тащить за все ниточки. Какие-то оборвутся, какие-то поведут не туда, но что-то может и выявиться... Для того у нас такой коллектив. Иначе одного Гавроша бы хватило.

Гаврош счастливо заулыбался.

— Как же здорово, это же мы почти шпионы?

— Аналитики, — уточнил я. — Сборщики сведений. А что с ними будут делать те, кому передадим, не наше дело. А теперь за работу!

Я отключил связь еще и потому, что к зданию подъехали и сейчас поднимаются по лестнице еще трое, присланные Мещерским на собеседование.

Он квалифицирует их как специалистов и вообще асов для аналитической работы в Интернете, я торопливо просмотрел их закрытые для просмотра досье, в самом деле работники отличные, спасибо Мещерскому, умеет подбирать лучших. Конечно, кто-то из них будет шпионить за нами, а то и не один, это нормальный процесс для сравнения информации.

Шпионаж за сотрудниками неизбежное зло в секретных службах, такое практикуется даже в крупных корпорациях, так что я даже не стану пытаться как-то выделить таких в ту или другую сторону.

Всегда будут те, кто помимо сведений о работе, проделанной или еще только планируемой, будет докладывать еще и о настроениях, симпатиях, политических взглядах, планах на будущее и вообще обо всем, что заинтересует внутреннюю службу в самом ГРУ.

Впрочем, вместе с мечами и стрелами одновременно совершенствуются щиты и панцири, так что постараюсь, чтобы Мещерский получал только то, что нужно для нашей успешной работы.

Камеры, установленные у меня дома, позволяют отсюда, из рабочего кабинета, не только следить за моими мышками, могу даже проделывать некоторые простейшие манипуляции насчет корма и температурных предпочтений.

За это время разработал рискованный план замены фрагмента ДНК, не самого испорченного, но указывающего на мою сильную предрасположенность к скоропостижной смерти от рака мозга.

Вообще мозг у меня слабое место. Сильный, но слабый.

В секвенировании генома уже не так важно получить всю карту полностью, как считалось совсем недавно. Важнее прочесть правильно и понять, что в ней записано на самом деле, а не что говорят бойкие ребята, бросившиеся быстрее других, более честных и совестливых, зарабатывать на этой модной штуке.

В первую очередь нас интересует предрасположенность к болезням, а также возможная продолжительность нашей драгоценной жизни. К сожалению, даже лучшие из лучших специалистов не могут сказать не только с точностью, но

даже с достаточной вероятностью, чем заболеем и сколько там на роду написано лет, так как геном — это вроде Книги Бытия, в которой записано кто ты, с кем надлежит вязаться для улучшения породы и какой свиньей жить.

Я свой прочел, хотя полдня кровь шла из носа, кровеносные сосудики лопались от перенагрузки, хотя, казалось бы, трудились не они, а всю пахала нервная сеть...

После прочтения осторожно попытался заменить пару затертых букв в геноме. Это не всегда получается, даже не сразу узнаешь, получилось ли, это хоть и хай-тек, но не перегоревшую микросхемку заменить на новенькую с гарантийным сроком. Там либо работает, либо перегорело, а здесь хоть и работает, но все хуже и хуже, сравнить можно разве что с фильтром, что начинает пропускать все больше дряни, и можно дожидаться, либо когда совсем откажет, либо заменить чуть раньше...

Вроде бы ничего не изменилось, хотя что может измениться вот так сразу, когда кодируешь себя на более продолжительную жизнь?

Сегодня воскресенье, я дома с утра, весь зарылся в работу, будто карась в придонный ил, на свежую голову заменил еще в двух местах испорченные участки ДНК, нацелился, разохотившись, еще и на третий, но в коридоре прозвенел оставленный там мобильник.

Я сказал громко:

— Сири, попроси подождать!.. Через пару минут подойду.

Мне совсем не требуется открывать дверь, чтобы услышать ее голос и угрожающие нотки в голосе Ингрид:

— Я подожду. Но если он и через две минуты не вытащит свою задницу из кресла перед телевизором...

Две минуты мне понадобилось, чтобы снять стерильный халат, маску и резиновые перчатки, а когда вышел из лаборатории и миновал коридор, Ингрид уже зло и требовательно уставилась на меня с большого экрана.

— Что, в бассейне кайфовал?..

— Нет, — сообщил я, — на бильярде упражнялся. После бассейна. А то как буду выглядеть среди ваших генералов? Не все же играют только в карманный вариант...

— А что пил?

— Все, — согласился я. — Кроме того. А потом просто лежал и представлял тебя в одеждах баядерки.

— Ты паршивая гедонистская свинья, — сообщила она. — О рисках твоей цивилизации забыл совсем?

— Милая, — возразил я, — сейчас двадцать первый век!.. Это ты забыла про удаленный доступ. Я вижу и слышу все, что происходит в нашем Центре. И руковожу, не покидая лаборатории.

Она презрительно фыркнула.

— Да ну? И что я сейчас делаю?

— Ты сейчас вышла в холл, — сообщил я. — А до этого заходила в туалет, а там, кроме всего прочего, перекосив рожу, сладострастно царапала себе спину. Чесотку подцепила, что ли?

Она сказала зло и растеряннo:

— Я в холле, верно, но насчет того, что чесала спину, врешь!.. И все придумываешь!

— Милая, — сказал я растроганно, — как же приятно видеть такую наивность!.. Забыла, что

все пишется?.. Хочешь, отмотаю на тот момент, сделаю скрин и помещу в социальные сети?.. Или в коридоре Центра на Доску почета передовиков производства?

Она мгновенно вспыхнула яростью.

— Что?.. Я тебя тут же убью!

— А что такого? — спросил я невинно. — Все люди чешутся. Чего тут скрывать? Не понимаю... Ах да, забыл сказать, на этом переходном этапе от пещерных нравов к послепещерным доступ к тотальному просмотру только у меня. А охрана бдит только за входом, лестницами, коридорами... Теми местами, где все и так приосаниваются и подтягивают животы.

— Как же тебе повезло, — сказала она с тяжелым сарказмом. — Во всех туалетах камеры установил?

— Во всех, — подтвердил я. — А что такого? Не заметила, что теперь во всех фильмах главные герои время от времени заходят в туалет, писают и какают, выпучивая глазки от натуги?

Она передернула плечами.

— Омерзительно.

— Какая ты допещерная, — сказал я с сожалением. — А с виду вон какая... одни сиськи чего стоят!.. Это все делается для того, чтобы приучить народ, что в человеке нет ничего стыдного, чего нельзя показывать посторонним.

— А приличия?

— Пережиток, — отрезал я уверенно и нагло. — В каждом веке, даже в каждой отрезке времени свои пережитки, то бишь приличия. Даже на протяжении одной жизни меняются не по разу.

— Все равно ты свинья!

Я сказал успокаивающе:

— По крайней мере не стоит прятаться от проверяющих органов.

— Это ты проверяющий?

— Я консультирующий, — ответил я с достоинством. — Контролирующий. Да-да, контролирующий человечество на его трудном переходе из одной стадии в другую, потом быстро-быстро в третью, а затем уже с разгона прыжок в четвертую.

— А кто не успел, — съязвила она, — тот, как ты говоришь по-научному, опездол?

— Вот видишь, — сказал я довольно, — даже капитана контрразведки удастся обучить научной терминологии!

Она сказала мечтательно:

— Как бы тебя придушить, гад?

— Пусть лучше увидят, — сказал я успокаивающе, — как ты какаешь, чем ворвутся к тебе ночью, выбив дверь, по подозрению в изготовлении в туалете биологического оружия. А заподозрить могут по утечке запахов... если забудешь смыть или очень уж мощно пукнешь.

Она сказала со злостью:

— Блин, и этот мир я защищаю? Или в самом деле чего-то недопонимаю?.. Давай собирайся. В шесть будет совещание высшего руководства.

Я спросил недовольно:

— А разве наш комитет по рискам не автономен?

— Автономен, — ответила она с неохотой, — но начальники отделов время от времени собираются на координацию своих действий.

— Собираются или их собирают? — спросил я. — Ладно, не отвечай. К шести буду. А так как

шесть утра уже миновало, а до шести вечера еще семь часов...

— За тобой заехать? — предложила она. — А то у высоколобых бывают с памятью проблемы.

— Заезжай, — предложил я. — Заодно приведешь меня в форму.

— Чего-чего? — переспросила она. — А знаешь, что теперь называется сексуальным домогательством? Да еще с использованием служебного положения?

— Ладно, — сказал я, — тогда не заезжай.

Она подумала, сказала сердито:

— Как ты быстро сдаешься!.. Заеду, но сексуальное домогательство будет с моей стороны. Надеюсь, тебе стыдно будет подавать жалобу в комитет по защите животных?

— Ничуть, — заверил я. — Открытость и прозрачность общества предполагают, что в нашей жизни ничего не может быть стыдным. И чем мы высокодуховнее и законопослушнее, тем бесстыднее и безнравственнее.

Она сказала зло:

— Сейчас приеду и сразу убью! С порога.

Глава 5

Приехала не сейчас, пугает, но за три часа до начала совещания, так что успела и в форму привести, впрочем, себя тоже, и поужинать поужинали, а то на ночь есть вредно, после чего вытащила меня из дома и впихнула в автомобиль.

Я не стал уточнять, что за такое срочное совещание вечером в воскресенье. Понятно, достаточно и субботы, это демократам нужно отдыхать

всю жизнь и ничего не делать, а для людей воскресенье — это уже начало понедельника.

Обязаны работать даже генералы, хотя, по расхожему мнению вечно недовольных интеллигентов, генералы только в гольф играют на генеральских дачах, выстроенных руками бедных солдат-срочников.

Едва выехали на шоссе, засветился экран на боковой панели, Данко послал вызов и ждет, я сказал коротко:

— Связь.

Появилось его лицо, покосился на Ингрид, но если я принял вызов при ней, то, значит, говорить можно, он сказал с чувством глубокого удовлетворения:

— Владимир Алексеевич, несколько нитей привели к Килу Рутерману. Это крупный торговец, смелый и амбициозный, занимался строительством в Африке, вкладывал деньги в нефть и сжиженный газ, торговал оружием, спонсировал государственный переворот в Уганде, разжег этническую войну в Чаде, однако прямых улики против него собрать так и не удалось...

— Хорошая биография, — одобрил я.

— Не скучно человек живет, — согласился он. — Не яхты себе покупает и не острова в теплых морях...

— Частные армии имеет?

— Не знаю насчет всех, — ответил он, — но две у него есть точно. Обе моторизованные, вооружены по последнему слову, в каждой по две тысячи головорезов. Не считая отдельных мобильных отрядов, что по его заданиям рыскают не только по всей Африке, но теперь осваивают и Ближний Восток.

Я задумался, кивнул.

— Даже не оружейный барон, а оружейный герцог?

Он покосился на замершую Ингрид, что старается даже не двигаться, чтобы не мешать настолько масштабному разговору.

— А то и король, — ответил он и уточнил: — В этом регионе.

Я сказал неторопливо:

— Если такой гигант поставляет оборудование куда-то в горы, то это не рядовой заказ. Явно этот Рутерман ждет, что ему от такого сотрудничества обломится очень много. Или даже многое.

— Да, шеф!

— Копайте еще, — велел я. — А я буду докладывать по инстанциям.

Я прервал связь, потому что старший я, хотя заканчивает разговор обычно тот, кто начал, но мои ребята уже усекли насчет субординации, даже Ингрид заметила, что держусь я достаточно уверенно и команду так, будто и родился во главе хотя бы дивизиона, а то и дивизии.

— Снова где-то что-то? — спросила она.

Я хмыкнул.

— Удивлена?.. Да теперь это станет обыденностью. И пойдет все чаще и чаще, а потом вообще как горох из мешка. Вся проблема будет в том, сумеем ли успевать душировать все эти очаги?.. Сумасшедших, желающих уничтожить мир, и сейчас масса, но что могут сделать сегодня? Взять автомат и расстрелять людей в кафе?..

Она передернула плечами.

— Как вспомню, что чуть не опоздали тогда в Тунисе...

— Вот-вот, — согласился я. — Через полгода будет по десять таких тунисов в месяц, а через год по сто.

— А через три года?

Я сдвинул плечами.

— При нынешней системе безопасности и демократии, основанной на ценностях даже не двадцатого, а девятнадцатого века... человечество не просуществует еще три года.

— Ужас, — произнесла она трепещущим голосом. — Надеюсь, наше правительство знает, что делать в самом срочном порядке.

— Знает, — согласился я. — Работы уже ведутся. Мир ждут колоссальные изменения. Очень не хотелось бы, чтобы Штаты опоздали. Если исчезнут из-за преступной неповоротливости, потеря для человечества будет громадная, а достижение бессмертия и сингулярности придется отсрочить еще на пару десятков лет.

Она посмотрела на меня с тревогой.

— Ты снова поедешь выжигать осиное гнездо?.. Не забудь, я твой персональный телохранитель!..

— Не поеду, — заверил я.

— Точно?

— Точно, — повторил я. — Просто потому, что эту работу сумеют сделать и без меня. А я там, где, кроме меня, никто...

— Ну ты и самовлюбленный гад!

В кабинете Мещерского, кроме Бондаренко и Бронника, присутствует еще и Кремнев, а также двое неизвестных мне сотрудников демонстрируют им какие-то схемы на большом настенном дисплее.

Незнакомыми они для меня и остались, хотя вовсе не неизвестными, пары секунд хватило,

чтобы узнать о них больше, чем знает сам Мещерский, как и о той операции, что высвечивается на экране, хотя тут же изображение убрали, попрощались и ушли, захватив с собой флешку, на которой для меня нет, как уже посмотрел, ничего интересного.

— У нас по-прежнему царит мнение, — сказал я, едва за ними закрылась дверь, — что серьезные прорывы в хай-теке по плечу либо европейцам, либо китайцам, что в сфере конструирования уже европейцы вместе с японцами. Но мы в отличие от обывателя знаем, что санкции против Ирана ничуть не остановили его научно-технический прогресс! Там силами своих иранских ученых создали и ядерное оружие, и межконтинентальные ракеты... Уж молчу о многочисленных публикациях в международных научных журналах, а это показатель очень высокого уровня иранских ученых...

Мещерский и Бондаренко слушали внимательно, только Кремнев то и дело вставал и отходил в сторону, отвечая на частые звонки, да еще Бронник ушел через пару минут.

Бондаренко поинтересовался:

— Полагаете, иранцы...

— Нет-нет, — сказал я поспешно. — Просто напоминаю, Ближний Восток — это не только банды халифата.

Мещерский заметил мрачно:

— Лучше бы только банды. С теми хотя бы понятно.

— И просто, — добавил Бондаренко.

— Мы все соскучились по простоте, — согласился я. — Не случайно так много народа уходит в ролевые игры о средневековом мире... Но, как я понял, что-то случилось?

Мещерский взглянул на меня пытливо:

— Чувствуете, да?.. Вы очень сенситивный человек, Владимир Алексеевич. Таким везде легко и одновременно трудно.

Кремнев тяжело опустился в кресло, оно жалобно нявкнуло, а он буркнул недовольно:

— Пока совершенствуете движок насчет поиска глобальных катастроф, мы тут старыми добрыми методами нащупали нечто тревожное.

Он замолчал, что-то обдумывая, я спросил в нетерпении:

— Антон Васильевич?

Он взглянул на меня исподлобья.

— Вы все думаете о грядущем мире, как там будете жить, заодно рассматриваете угрозы, что возникнут в нем, а нас тут старое хватает за ноги.

— Так везде, — ответил я настороженно, — и во всем.

Он покосился на Мещерского, словно передавая ему мяч, тот ответил так же невесело:

— В общем, из небытия вынырнули элементы атомных бомб.

Я спросил встревоженно:

— Как... откуда?

Быстро пересмотрел последние новости в инете, особо напирая на все, хоть как-то касающееся атомных бомб, но, к своему стыду, ничего нового не обнаружил.

— Наследие Советского Союза, — ответил Мещерский. — Развал, неразбериха, хотя, как вы знаете, распуск Советского Союза был запланирован и проводился настойчиво и неуклонно, однако не все шло абсолютно ровно и предсказуемо, да и не могло все пойти гладко, слишком грандиозную операцию осуществили. Потому и резкое

обнищание населения, бандитский разгул девяностых...

Бондаренко сказал живо:

— Аркадий Валентинович!.. Доктор Лавронов свой, ему можно сказать правду. Это тоже было запланировано, иначе западные страны, то же НАТО, моментально вторглись бы в наши земли... А когда увидели, с чем придется столкнуться, побежденных придется кормить, они оставили Россию помирать от голода и разрухи, чтобы потом просто взять обезлюдевшие территории.

Я вздохнул, да, все понятно, сам догадывался, что разруха была подчеркнутой и картинной, больше вывеской для Запада и США, чтоб не лезли в такой ужас, но ее преодолели за несколько лет, а это ничтожная часть жизни даже одного поколения.

— Элементы атомных бомб, — повторил я. — В разобранном виде?

Мещерский кивнул.

— Да, все разбирали, раз уж мы отказались от противостояния со Штатами, а под их надзором уничтожали, как и большую часть нашей армии, авиации...

Он снова умолк, на этот раз досказал я сам:

— Часть атомных зарядов вы припрятали, а потом использовали для создания пояса атомных мин, помню.

Он покачал головой.

— Если бы только это.

— А что еще?

— На Украине, — пояснил он, — мгновенно смекнули, где можно пожить. Одни нацелились на приватизацию заводов, рудников и пароходств, сразу стали олигархами, а некоторые

ловкие ребята припрятали атомные заряды в разобранном виде.

Я заметил невинно:

— Как и у нас?

Он подтвердил неохотно:

— Да, но у нас было запланировано. По договору о роспуске Советского Союза все атомные заряды перевозились с Украины в Россию, а уже в России под надзором международной комиссии лишние уничтожались.

— И как шло уничтожение? — осведомился я.

Он ответил с горечью:

— Слишком даже успешно. Нам с трудом удалось спрятать пару сотен бомб.

Я сказал с сарказмом:

— Всего-то?

Он посмотрел мне в глаза.

— Владимир Алексеевич, знали бы вы, сколько их было на самом деле!

— И эта пара сотен, — досказал я, — пошла потом как заряды для тех атомных мин?

— Да, — ответил он уклончиво, — в основном. Американцы следили тщательно, влезали во все дыры, так что если бы могли больше, то сделали бы.

Кремнев буркнул:

— Но и то, что сумели... уже немало.

— Еще бы, — подтвердил я. — Одним нажатием кнопки уничтожить всю Америку!.. Больше и не надо.

Он покачал головой.

— Надо. Помимо Америки есть враги посерьезнее. Настоящие.

Я заметил невинно:

— Не думаю, что все заряды пошли как начинка для мин.

— Думаете верно, — ответил он нехотя, — но можно было бы сохранить больше.

Я слушал, а мозг уже просчитывает тысячи вариантов, как делали, что делали, к чему может привести потеря контроля над даже малой частью зарядов.

Наконец-то отыскал отчеты, запрятанные в самые дальние узлы и прикрытые файерволами и паролями, быстро прочел, но там сказано и подтверждено подписями глав международных комиссий, что все атомные заряды, подлежащие утилизации, полностью утилизированы под их присмотром.

А сколько, мелькнула мысль, на самом деле уничтожили, в точности никто не знает даже в КГБ. Да, записи велись, но очень быстро куда-то исчезли. Как и вся документация по самому производству бомб.

Так вот почему никаких следов... Интернет так быстро стал всеобщим и привычным, что забываем про дикое время, когда все записи были только на бумаге. А если их еще и уничтожили до наступления эры инета, то, понятно, и оцифровать не успели. Или был приказ, не оцифровывать.

Я подумал, сказал рассудительно:

— Сама документация мало что даст. Производство атомных бомб так же дорого и затратно, как и пятьдесят лет назад. Тогда делать ядерные заряды могли позволить себе только богатые и развитые государства, так и сейчас... Это не вирус, сконструированный в подвале на коленке. Другое дело...

Мещерский проговорил медленно, не сводя с меня взгляда:

— Договаривайте, Владимир Алексеевич. Похоже, вы сразу все ухватили.

— Не знаю, — ответил я, — ухватил ли, но гораздо опаснее инструкции по сборке, как и чертежи самих зарядов.

Он сказал мрачно:

— Ухватили.

— С инструкциями, — сказал я, — и с чертежами даже неспециалист сумеет собрать в единое целое разрозненные компоненты.

Он проронил:

— А потом останется только активировать на взрыв.

— Где они сейчас?

Он прямо посмотрел на меня.

— Потому мы и собрались здесь и сейчас, Владимир Алексеевич. Наши группы постоянно мониторят насчет тех ядерных зарядов, что остались на Украине. И, как я сказал, они наконец-то вынырнули.

— Все?

Он кивнул.

— Хороший вопрос. На самом деле даже мы не знаем, сколько штук ребята из Украинского отделения КГБ припрятали. Сами они сразу же ушли в частные структуры, стали бизнесменами, так что нынешние силовые ведомства Украины к ним отношения не имеют.

— Плохо.

— Да, — согласился он. — При всех наших взаимных претензиях они на применение ядерных зарядов не пошли бы, а вот частные структуры...

— И где бомбы вынырнули?

— Знаем, где вынырнут в следующий раз, — ответил он уклончиво. — По нашим сведениям, три ядерных заряда проданы дельцам в Арабские

Эмираты. Возможно, еще идут в том направлении, но есть вероятность, что уже там.

— В Эмиратах?

— Да.

— А где именно? — уточнил я. — Эмираты по размерам не уступают Португалии, население там большая часть сунниты, немножко шиитов, есть христиане и всякие там прочие... Знать бы еще, против кого хотят использовать!

Он прищурился.

— Хотите сказать, что если друг против друга, то пусть?

— Меньше будет очагов угроз миру, — ответил он.

Он некоторое время пристально смотрел на меня.

— Говорили мне, что самый бесчеловечный народ среди ученых, но у меня всегда было почтение перед наукой. Но вообще-то и атомную бомбу создали ученые, и межконтинентальные ракеты, и даже пулеметы с пушками...

— Цена прогресса, — ответил я с холодком, не люблю нападок на мою науку. — Значит, будете искать в Арабских Эмиратах?

Он помялся, кашлянул в непривычной для него неловкости, на лице проступила тень смущенности.

— Владимир Алексеевич... мы надеемся, искать будете вы.

— Что-о?

Он сказал подбадривающе:

— Вы сильный, Владимир Алексеевич. Вы справитесь!

— Я умный, — уточнил я. — Я даже не возьмусь.

Глава 6

Они переглянулись, заулыбались, как же это я откажусь от такого счастья. Может быть, пора скромненько так это напомнить, что я вообще-то не из подворотни. Доктору наук с таким научным багажом есть куда пойти работать, тем более что вообще-то не увольнялся из нашего Центра Биоинформационных технологий.

Хотя не стоит им тыкать палкой в глаза, как делают Штаты в отношении России. У меня и так своя политика трансчеловека, который смотрит на окружающих людей, как смотрел кроманьонец на питекантропов.

Хотя, конечно, с поправкой на эволюционную мудрость. В смысле, не хотят переходить в непонятную кроманьонность, ну и не надо, зачем силой тянуть тех, кто и так останется питекантропом. У нас и так хватает питекантропов с высшим образованием, а то и даже со степенями.

Тоже не отсеяли вовремя, теперь мы, потомки, расплачиваемся. Но уже вооружены опытом, так что учтем, примем меры. Незаметные, но такие, что сработают.

Кремнев пробасил гулко:

— Вижу, что не хочется, Владимир Алексеевич, но ситуация такая, что до того, как посылать группу спецназа, сперва нужно понять, куда ее направить. Как вы верно уточнили, Арабские Эмираты побольше Шепетовки...

Бондаренко, что долгое время помалкивал, сказал с подчеркнутым оптимизмом:

— Владимир Алексеевич! Вполне возможно, что это ваша последняя поездка в таком непрезентабельном облике. Дальше либо станете руко-

водить, не покидая Центра, либо начнете появляться за рубежом уже как важное лицо, защищенное статусом... Я хочу сказать, ехать нужно в Дубай, куда начинает съезжаться весь цвет мировой элиты! Эмир Мохаммед аль-Мактум устраивает грандиозный прием по случаю закладки фундамента величайшего здания в мире.

Мещерский уточнил:

— Не только самого высокого, но и самого, как утверждают специалисты, красивого. У эмира миллиарды долларов девать некуда, вот и нанял лучших архитекторов Европы и Штатов, как и лучшие строительные фирмы. Готовится нечто грандиозное!

Кремнев сказал со вздохом:

— Будут самые красивые женщины мира... Все победительницы конкурсов, все самые элитные актрисы... Эх, был бы я так молод, как вы, Владимир Алексеевич!

— Все женщины одинаковы, — огрызнулся я, но уже видел, что постепенно загоняют в угол. — И как я туда поеду?

Мещерский сказал обрадованно:

— Приглашение на вечер вам сделают! Отдохните, развлекитесь. Как верно сказал Антон Васильевич, будут самые красивые женщины со всего мира, у шейхов насчет них пунктик, фонтаны из хорошего вина и бассейны, наполненные шампанским...

— А вы уверены, — спросил я, — что заказчик ядерных зарядов будет именно там?

— Почти уверены, — ответил он.

— Интуиция?

— Опыт, — ответил он серьезно. — Иногда такие грандиозные мероприятия вообще устраи-

вают для прикрытия чего-то незаконного. В данном случае действительно начато строительство самого высокого здания в мире. Достойный повод собрать гостей со всего света и представить его с помпой, чтобы на первых полосах во всех средствах мировой прессы.

Бондаренко добавил:

— Посторонним на такие мероприятия проникать трудно. В том числе и полиции. Ну кто посмеет явиться к самому эмиру, верховному правителю эмирата? Потому те, кто в розыске, там могут достаточно спокойно встретиться, обговорить дела, заключить сделки, проследить, как исполняются их распоряжения по переводу денег со счета на счет, пожать друг другу руки и расстаться до следующей сделки.

— Которая состоится примерно на таком же банкете, — сказал Мещерский, — рауте или даже вернисаже. Значит, номер заказываем в лучшем из отелей... а там все не ниже пятизвездных, приглашенный билет вам вручат в аэропорту... что еще? Как мы все завидуем вам, доктор!

Еще в самолете я просмотрел все материалы насчет здания, что, судя по макету, обещает быть не только самым высоким, но и самым красивым. Семнадцать миллиардов долларов в один домик — это круто, лишнее доказательство, что Дубай купается в деньгах, самое богатое государство в мире...

Думаю, террористы как ИГИЛа, так и других организаций, давно точат зубы на его богатства, но якобы неведомые спонсоры велят не трогать пока что эмираты, там сидят свои сукины дети.

Сам Дубай, куда лечу, насчитывает два с половиной миллиона человек, не совсем село, где каждый на виду, но, как пообещал Мещерский, я сразу по прибытии должен явиться в Центральный дворец эмира, где и состоится торжество...

Как Мещерский и обещал, на выходе из аэропорта подошел араб, закутанный с головы до ног в белые одеяния, ну прямо новый пророк, протянул мне пластиковую карточку, похожую на кредитку.

— Сэр, — сказал он весело на английском, — купите карту Дубая!

Я дал ему дирхам, это на случай, если кто смотрит издали, а приглашенный билет сунул в нагрудный карман.

Таксист издали распахнул дверцу для гостя с проклятого Запада. Там, конечно, сволочи, но зарабатывать можно и на сволочах, быстро и без заторов на дороге доставил к великолепному зданию отеля.

На площади в сотне метров от отеля на специальной платформе высится миниатюрная модель будущего здания, высотой метра в три-четыре, даже в таком виде впечатляет, я засмотрелся, да здравствует хай-тек, и пусть даже не в России, это мало что меняет, сейчас весь мир становится Россией, границы исчезают быстрее, чем рассчитывали сами политики.

Я продолжал рассматривать макет, рядом остановился богато одетый араб, сказал на ломаном английском:

— Сегодняшний день эмир объявил выходным!.. Это будет самое высокое и прекрасное здание в Дубае. Здесь постоянно бьют свои же рекорды...

— А когда-то рекорды во всем ставила Америка, — ответил я с подчеркнутым злорадством. — В том числе и по небоскрегам.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Вы не американец, верно?

— Я русский, — ответил я скромно.

Он буквально расцвел в улыбке, глаза засияли, как звезды, как только не кинулся обниматься, лицо стало именно таким обнимательным.

— Скверная у гринго нация, — сказал он с чувством, — верно?.. Сплошной разврат и бесчестие!.. Гомосексуализм у них на всех уровнях, какой позор!

Я ответил скромно.

— В России его нет.

Он вскинул брови в приятном изумлении.

— Но как вам удастся?.. Они же вылезают всюду!

— Не знаю, — ответил я мирно. — Появляются и тут ж исчезают. Без следа.

Он пару мгновений смотрел мне в глаза, наконец лицо засияло такой радостью, словно встретил давно потерянного брата.

— Ох, вам приходится казнить их скрытно? — сказал он с горячим сочувствием. — Проклятые американцы душат санкциями, потому что сами все гомосексуалисты!.... У нас нет, у нас прилюдно и на площади!

— У вас подлинная демократия, — сказал я с чувством, чтобы он отчетливо расслышал нотки зависти. — У вас воля народа — это все!.. А на Западе правят, увы, захватившие власть чужеземцы...

И на этой грустной ноте, поклонившись, направился к распахнутым дверям отеля.

Мещерский не подвел, портье взглянул в книгу записи гостей и отрапортовал бодро:

— Ваш номер семьдесят седьмой!.. Вот ключ. Ваш багаж, сэр?

— Я безбагажный, — ответил я добродушно, — но на чай носильщику все равно дам.

Номер ошеломляет размерами и роскошью, но Мещерского в расточительстве не упрекнешь, во-первых, здесь все роскошные, во-вторых, эмир доплачивает хозяину отеля, чтобы держал цены низкими и тем самым восторженные туристы разносили по всему свету слухи о необыкновенностях Арабских Эмиратов.

Я посмотрелся в зеркало, костюм сидит хорошо, запонки поблескивают со сдержанным достоинством, рубашка безукоризненно белая, дурацкая бабочка на месте, я и галстуки надеваю достаточно редко, а уж бабочку так и вовсе.

Из зеркала на меня недовольно смотрит крепкий молодой мужчина, высокий и элегантный, широкие плечи и прямая спина, нужно только убрать это выражение с хари, сильные люди всегда невозмутимы.

Он там в зеркальной раме повернулся боком, оглядел меня критически, повернулся другим, тоже мне доктор наук, смотрит так, словно готовится на конкурс стриптизеров.

— Хорош питекантроп, — буркнул я. — Иди, дикарь, и забудь на время, что лет через двадцать начнешь менять это рыхлое вообще-то тело, несмотря на все мускулы, на металлическое. Вот там да, мускулы! Хотя и они уже не понадобятся.

И, чтобы не углубляться в мысли о пугающе сладостной сингулярности, я вышел, запер дверь на изящный, но все же старинный ключ, и отправился к лифту.

Дворец эмира подсвечен снизу прожекторами, что придает его королевской величественности добавочную торжественность и помпезность.

К зданию съезжаются роскошные кареты, запряженные великолепнейшими арабскими ска-

кунами. Как мне кажется, это нехарактерно даже для эпохи Гаруна, тогда даже сам халиф носился верхом на горячем жеребце, но, понятно, теперь даже не всякий араб усидит на конской спине, а что уж говорить о гостях из Западной Европы...

Я отпустил таксиста, с этим разговариваю на арабском, старательно копируя диалект жителя Ирана. К входу, где у меня спросят приглашенный билет, направился с виду уверенный, как сам халиф, но где-то внутри нечто трусливо подрагивает, а вдруг приглашенный билет ненастоящий, а вдруг подделан недостаточно корректно, а что, если меня сразу под белы руки и в кутузку...

Телекамеры выставлены далеко за пределы дворца, здесь они двух видов, старого типа выставлены напоказ, как предупреждение, что все видят и все записывают, но втрое больше тех, что из-за миниатюризации почти незаметны, а если учесть, что еще и замаскированы, то даже эксперту непросто их заметить.

Мне правда все равно что явные, что скрытые, вижу, как и где проложены провода, но даже и беспроводные точки доступа смотрятся как горящие в полутьме лампочки.

Охранники на входе вперили в меня требовательно-бесстрастные взгляды. Я кончиками пальцев вытащил из нагрудного кармана карточку, но ее в руки брать не стали, старший сказал почти-точно:

— Прошу вас, проходите, дорогой гость эмира!

Я прошел важно и с чувством достоинства, стараясь понять, то ли они всех гостей так встречают, то ли приглашение не просто подлинное, но и с каким-то отличием, дескать, я не просто гость, а из числа немногих избранных...

Дворец, понятно, из ряда зданий, сам эмир живет наверняка в самом дальнем, а этот чисто для приемов и торжеств. Самому эмиру вряд ли нужны для жилья эти залы, где можно поместить пару пассажирских самолетов.

Тремя рядами с купола спускаются старинного типа многорожковые люстры с висящими хрустальными висюльками, в которых свет отражается и преломляется особенно ярко и радостно. Хорошо хоть лампочки, а не свечи.

Вообще странное сочетание древнейшей старины и хай-тека, даже прогуливающиеся люди в смокингах и вечерних платьях.

Слуги в национальных белых одеждах и с широкими красными поясами разносят на широких подносах из чистейшего серебра напитки и восточные сладости.

Я всмотрелся внимательнее, вон у того респектабельного мужика пистолет в кобуре под мышкой, а еще один на ноге у голени.

А та надменная красотка, что прошла мимо, лишь скользнув по мне подчеркнуто безразличным взглядом, тоже с упрятым пистолетом за пояском, что служит также и трусиками.

Женщины все роскошные, с великолепными обольстительными улыбками, их присутствие везде создает атмосферу праздника и радостного ожидания.

Больше половины блондинок, явно натуральные, вижу по цвету кожи и пигментации, шейх Мохаммед аль-Мактум наверняка для этого торжества сманил немислимыми гонорарами самых элитных фотомоделей и манекенщиц, не говоря уже о красотках из салонов эскорт-услуг.

Бармен в наглухо застегнутом белом костюме быстро и ловко составляет напитки.

Ого, а вот в том углу собралась целая стайка молодцеватых мужчин и красивых женщин, у которых я насчитал три пистолета и два ножа.

Гости неспешно прогуливаются по роскошнейшим залам, некоторые уже устроились на королевских элитных диванах с безукоризненно белой кожей, разговоры ведутся по-восточному медленно, неторопливо, степенно, европейская торопливость здесь выглядела бы неуважением к собеседнику, а бесцеремонность американцев так и вовсе хамством.

Со стороны внешнего входа появилась одна из тех женщин, кто моментально приковывает внимание не только мужчин: рослая и с идеальной фигурой, в красном платье с голыми плечами и низким декольте, платье держится только за счет узких полосок красной материи на плечах, и кажется, что белья под ним нет вовсе, что вообще-то верно, вряд ли кто назовет бельем пистолет «Астра-60» с магазином на шесть патронов, крохотный и смертоносный, размещенный слева под грудью.

Мозг, получив разрешение, моментально просмотрел весь Интернет, а также те серверы, что закрыты файерволами собственного изготовления и хитроумными паролями, вывалил кучу ее фотографий, но все плохого качества, сняты камерами аэропортов Цюриха, Нью-Йорка, Берлина, Эль-Риада, Тегерана и даже некоторых мест в Южной Америке.

Посмотрел сквозь ее одежду, хотя это не совсем так, сквозь плотную одежду ничего не увижу, это понятно, но мода на сплошной пластик ушла полвека назад, пришло понимание, что тело должно дышать, а раз так, то существует множе-

ство мелких отверстий, которые видим и не замечаем, но мой мозг моментально создает картину только из видимых участков, а потом заполняет соседние затемненные клетки материалом из соседних, так что могу видеть женщину так, как она показывается другим, но могу видеть и так, словно одежды не существует.

Вот бы такую возможность в мои шестнадцать лет, я бы в школе проводил время дольше, и на улице пропадал бы целыми днями... и в науку вряд ли пошел бы с таким азартом.

Глядя на элитную красавицу, чуть было не отвернулся, джентльмен хренов, но вспомнил, что это когда-то, а теперь долой стыд, такого и понятия нет, как устаревшая ревность, разврат или дуэль из-за... чего-чего?.. ага, чести...

Потому смотрел без всякого стыда, даже малость упиваясь преимуществом, что остальные не могут, а я вот, да, могу. Хотя, если честно, что там смотреть? У всех одинаково, плюс-минус...

Ага, посмотрел не зря, что это у нее вон там прилеплено? Даже если раздеть догола и осмотреть, ничего не заметишь, идеальное тело, но вон там между красиво и беззащитно выступающими позвонками, как у голодного котенка, что-то прилеплено... нет, это родинка, а вот в районе крестцового отдела между четвертым и пятым...

Да, крохотное, как зернышко пшеницы, а сверху закрыто кожей, то ли искусственной, то ли собственной, теперь аналоги уже не уступают. Такое ни один металлоискатель не обнаружит, так как там металла и в помине нет, но какой же я умница, заметил... хотя, конечно, если бы не стал рассматривать ее жопу так внимательно, то и я бы не усмотрел...

Вообще-то, подойдя ближе, могу для прикола стереть у нее там все записи, а взамен записать что-то веселое, ну там порнуху или мультики, но нет, так себя выдам. Пусть даже не себя, но укажу, что кто-то может, а тем самым лишу себя источника информации.

Глава 7

По дороге к ней я ловко снял с подноса пробегающего мимо официанта два бокала с шампанским, здесь уже большинство гостей держат их в руках, почти никто не пьет, бокал с вином в руке — это как хорошо повязанный галстук, признак хорошего тона на встречах и увеселениях такого рода.

Она посмотрела строго, очерчивая взглядом личное пространство, как Норвегия зону промысла семги, а я сказал дружески:

— Одинокая женщина привлекает внимание.

Она ответила с холодком:

— Я не одинокая. Просто я только что вошла.

— Я тоже. Шампанское?

Она покачала головой.

— Нет желания.

— Так не пить же, — пояснил я. — Полагается держать и светски улыбаться.

Холод в ее взгляде начал промораживать меня, я пробормотал примирительно:

— Я в восторге от вашего разреза глаз... Хотя прежний был ничуть не хуже. Просто прежний более европейский, а вам, похоже, нравится косить под восточную женщину?.. Или это связано с работой в жарких странах?

Она взглянула на меня все так же холодно и надменно.

— О чем вы говорите?..

— Про операцию у косметолога, — напомнил я, — которую вы проделали полтора года назад. Фотографии все еще кое-где застряли в инете, хотя вы всюду их изымали.

Она произнесла надменно:

— Не знаю, о чем вы.

— Это я пошутил, — сказал я. — Хотя хирург Даррел Сибли считается одним из лучших в вашем городе.

Она посмотрела с мрачной подозрительностью.

— Даже знаете, в каком?

— Конечно, — ответил я. — Хотя с Дженифер Ганнус, предыдущей клиенткой, у него получилось не совсем удачно... но виной ее завышенные требования.

Она протянула руку и наконец-то взяла второй фужер.

— Надеюсь, здесь только шампанское?

— Не я наливал, — ответил я скромно, — однако это один из тех, что разносят гостям сотнями. Вам нравится здесь?

— Да, — ответила она и сделала осторожный глоток. — Красиво.

— И люди красивые, — сказал я. — Отборные, я бы сказал. Может быть, потому что в этом зале разведчиков больше, чем официантов?

Ее губы чуть дрогнули в понимающей улыбке, дескать, понимает мои старания заинтересовать своей таинственностью и проницательностью красивую женщину, которую уже хочется взять за ягодицы, раздвинуть и вжарить.

— А сами официанты?

Я усмехнулся.

— Почти все из местной контрразведки. А вот иностранные разведчики только среди гостей. Хотя...

— Что?

— Один даже среди местной охраны.

— Кто?

Я сказал мягко:

— Зачем это вам, прекрасная незнакомка?.. Здесь столько по-настоящему интересных мужчин, что вам простая охрана?.. Вон там смуглый брюнет с двумя товарищами, это сам принц Абдулла аль Рашид, входит в двадцатку богатейших людей мира... Кстати, не женат. Или вот еще один из самых богатых...

Она перебила:

— Меня богатые не интересуют. Как я поняла, вы хотите пригласить меня в ресторан?

— Да, — ответил я поспешно. — Да, все хочу сказать, но не нахожу повода...

Она сдвинула красиво оголенными плечами.

— Зачем настоящим мужчинам повод?

— Верно, — проблеял я, — прошу вас...

Она сунула фужер с недопитым шампанским пробегающему официанту и просунула узкую ладонь в согнутую кренделем мою руку.

Ресторан в соседнем зале, там тишина, громкая музыка только в дешевых забегаловках. Мы красиво и чинно переступили порог великолепнейшего ресторана, в самом деле не для богатых, а для очень богатых, которым не нужна показная роскошь.

Здесь ею и не пахнет, просто все сделано добротно и с настоящим вкусом, от дубового пола

и до лепного потолка, а о просто накрахмаленных скатертях и говорить не приходится, все экстра-класса, все безукоризненно.

Правда, на столе натуральные свечи, но что делать, трансгуманисты рулят в науке и уже начинают в политике, как Иштван Золтан, но меньше всего трансгуманизма в ресторанах и прочих местах, где обыденно пьют и едят, как ели питекантропы, кистеперые рыбы и прочие наши предки.

Официантка к нам подошла не как официантка, а как приветливая хозяйка, с улыбкой протянула мне меню, где, как я сразу заметил, только названия блюд и напитков, но нет цены, то есть все за счет эмира Мохаммеда...

Я поблагодарил кивком, передал спутнице, она рассеянно просмотрела, по ее виду мне показалось, что ничего нового не увидела, для красивых женщин рестораны и роскошные яхты не в диковинку.

— Да, — сказала она небрежно, — выберите пока, а я на минуту отлучусь в дамскую комнату.

Я кивнул, все понятно, для шампанского и прочих лакомств нужно освободить емкости, сделал заказ, ориентируясь на сведения из инета, иначе хрен бы понял, что это за такие странные блюда.

Во взгляде официантки прочел уважение, при заказе я учел даже смену сезонов, когда невкусная рыба становится вкуснее, а жареная саранча с моллюсками просто умопомрачительным лакомством.

Моя красотка, вообще-то она Робин Маршалл, корреспондент газеты «Дейли Дейл», но я этого пока не знаю, явилась бодрая, с сияющей улыбкой, мужчины за другими столами провожают ее взглядами с интересом, а на меня посматривают

с завистью. Мы своих питомцев любим за их тепло и ласку, породистых и непородистых, балуем и чешем, покупаем еду повкуснее, а мисочки подсовываем под самые мордочки, однако существуют же выставки, где сравниваем своих с чужими и отмечаем, чья сучка красивше.

Для женщин существуют конкурсы красоты, против которых безуспешно борются феминистки, но эту твердыню мужчины, которые в реальности создавали суфражизм, а теперь рулят феминизмом, точно не отдадут.

Я встал навстречу, когда она приблизилась, но она не села, а уставилась на меня с непонятным интересом.

— Вы что, уходите?

— Нет, — ответил я в неловкости. — Это... в наших диких странах Севера все еще принято... но успешно вытесняется потомками победивших конюхов и прачек.

Она с той же настороженностью села, а когда следом опустился на свое сиденье я, тихохонько охнула.

— Ой, я это же где-то видела... в каком-то старом кино... про древнюю Европу... Что-то про короля Артура...

— При короле Артуре нравы были, — сообщил я заговорщически, — как сейчас в Америке. Это появилось намного позже. И, вы не поверите, все еще кое-где существует.

— Ой, — сказала она с интересом, — посмотреть бы вживую! Это же все равно что побывать во временах Клеопатры!

— Смотрите на меня, — предложил я великодушно. — Я и есть живой египтянин.

Она посмотрела, наморщила нос.

— Вы скорее Антоний. Был такой...

— Святой Антоний? Я что-то читал про его искушения.

— Нет, который соблазнил Клеопатру.

— Ух ты, — сказал я изумленно, — а мне казалось, это она его соблазнила и поимела в свое полное и безраздельное удовольствие.

Официантка принесла наш заказ, я изобразил на лице приятное изумление, хотя к изыскам в еде, как настоящий трансгуманист, абсолютно равнодушен, но когда живешь среди простых и даже очень простых людей, надо мимикрировать под общий уровень.

Моя спутница вскинула брови, всматриваясь в блюдо.

— О, здесь карнери и лярбрук?.. Да вы знаток!

— Да, — ответил я скромно, — для чего еще человек живет, как не поесть и поспать?.. А мужчины еще и понаслаждаться самым лучшим и древним способом?

Она взяла нож и вилку, переспросила, глядя не на блюдо, а мне в глаза:

— Правда? Подумать только, какая глубина знаний у Лавронова Владимира Алексеевича, восходящей звезды в нейрофизиологии... У которого несколько ярких работ в научных журналах с солидной репутацией, трудоголика, натурала, в извращениях вроде бы не замечен... Гм, наверняка плохо смотрели...

Я спросил с обидой:

— Почему это? Что во мне намекает?.. Или в дамской комнате плохой Вай-Фай?.. Да вы кушайте, в лярбруке много цинка, он полезен...

— Взгляд, — ответила она. — Вы меня сразу раздели, тут же одели, такое женщины замечают сразу. И что-нибудь особенное увидели?

Я принялся резать нежнейшее мясо, положил в рот первый кусок, охнул.

— Ох, здесь умеют готовить... Особенное в вас? Нет. Не считать же особенным пистолет «Астра-60», так умело спрятанный слева под грудью? Под такую спрятать можно даже мортиру с боеприпасом на двое суток.

Она ела спокойно, время от времени бросала на меня пытливые взгляды, сама ничуть не изменилась в лице и даже не повела бровью.

— Кто вы, господин Лавронов?

— Вы уже сказали, — напомнил я любезно. — Господин Лавронов. Но можно и товарищ Лавронов. Еще вина?

Она чуть кивнула.

— Да, но чуть-чуть. Еще вечер впереди. Это верно, что у вас в России «товарищ» снова вытесняет «господина»?

— На абсолютно добровольной основе, — подчеркнул я. — А не как было в прошлый дотолерантный период.

С первым блюдом мы расправились достаточно быстро, жареных кузнечиков я схрустел парочку, остальные разгреб, показывая, что я клиент привередливый и со вкусом, все подряд не жру.

— Так кто вы, товарищ Лавронов? — повторила она задумчиво. — Хотя вопрос некорректен, понимаю. Правильнее было спросить, с какой вы целью?

Я ответил любезно:

— А какая цель у всей этой толпы, прибывшей из разных концов света? Это же Мекка туризма!.. Столько чудес, столько неожиданных открытий!.. Дивное сочетание гарун-аль-рашидовской древ-

ности и последних достижений хай-тека!.. А какой стол, какой стол!.. И все на халяву!

Она пробормотала:

— Да, туристов здесь уйма, затеряться нетрудно. Да только вас характеризуют как трудоголика. За время жизни вы ни разу никуда не выезжали на летний или зимний отдых... потому что у вас никогда не было отдыха. А если бывали за кордоном, то всегда только в составе научных делегаций.

— А кризис среднего возраста? — напомнил я. — Переоценка... точнее, переосмысление ценностей?.. Уход в буддизм, йогу, рерихнутость, поиски смысла бытия... Сейчас этот кризис в тренде, если не пройти, то как бы сразу записаться в тупое быдло. А с кризисом как бы нечто тонко чувствующее, одухотворенное, возвышенное...

— А у вас уже средний? — поинтересовалась она. — По данным ВОЗ, средний отодвинут где-то за шестьдесят, а то и за семьдесят лет!..

— Да хоть за сто, — парировал я. — Гении быстро развиваются и быстро мрут.

Она оглядела меня оценивающе.

— Да, некоторая небрежность и пренебрежение устоявшимся мнением просматриваются... Но это точно от ухода в буддизм?.. И кстати, где ваш пистолет?

Я покачал головой.

— Да чего таскать такую тяжесть? Я слабый, а еще и ленивый...

— Поняла, — ответила она. — Полагаете, проще отобрать, когда здесь четверо с пистолетами?

— Четверо? — переспросил я. — А остальные, что, уже ушли?

Она оглянулась, окинула зал цепким взглядом, посмотрела мне в глаза.

— А сколько насчитали вы?

— Всего семерых, — ответил я скромно. — Но я не присматривался, мне по фигу. Просто чересчур небрежно спрятали. Может быть, нарочито?

Ее глаза странно блеснули.

— Да, конечно... А вы все это заметили, потому что профессия у вас такая. Простите, какая у вас профессия, потому что я начинаю путать ее с другой...

— Нейрофизиолог, — любезно напомнил я. — Эта профессия позволяет видеть в человеке в том числе, и всякие отклонения. Как в походке, так и... в остальном. Эти семеро каждым движением выдают, что им что-то мешает. Были бы только мужчины, тогда бы понятно, но женщинам... Гм...

— Я заметила только у них, — обронила она. — У мужчин костюмы просто безукоризненны.

— Женщины вообще песня, — согласился я. — В таких утягивающих платьях оружие прятать не просто.

Она снова очень прямо и внимательно посмотрела мне в глаза.

— А теперь скажите, нейрофизиолог, какие отклонения заметили во мне? И не брешите, что не заметили. Я до сих пор чувствую ваш взгляд на некоторых особо чувствительных местах. Не скажу, что это было неприятно, но как-то, знаете ли...

— Ой, — сказал я опасливо, — а можно я совру? С детства приучали говорить женщинам только комплименты, что тоже брехня, но безобидная... Я же слышал, женщины любят ушами...

— У меня для этого другой орган, — заверила она.

— У меня тоже, — признался я. — Как насчет того, чтобы их познакомить поближе?

Она вздохнула.

— Ну наконец-то... Как долго вы шли! Ах да, Россия все еще старомодная.

— Ужасно, — признался я. — Мы до сих пор имена друг друга спрашиваем! Хотя теперь чаще после, чем до, но все-таки это пережиток, от которого надо избавляться решительно и бесповоротно, иначе в дружных рядах трансгуманистов таким делать нечего!

— Стелла, — сказала она. — Стелла Этуаль.

— Красивое имя, — подтвердил я. — Я бы тоже такой блистающей женщине подобрал что-то особенное. Или вы сами выбирали?

— Сама, — ответила она. — Полагаю, закон о беспощинной смене имени пройдет во втором чтении.

— А вам пришлось заплатить за такое удовольствие, — сказал я понимающе. — Правда, не из своего кармана. Шекелей восемьсот?

— Всего четыреста, — ответила она, ничуть не удивившись. — Я не единственная, кто воспользовался правом менять данное родителями имя.

— Справедливость на марше, — согласился я. — А то как-то нечестно, когда мошенники, наркобароны и даже обыкновенные воры могут менять не только имена, но и биографии, а добропорядочным гражданам того нельзя, это запрещено, тут не тронь, туда не ступи...

— Преступный мир всегда в привилегированном положении, — пояснила она.

— Плата за риск?

— И за опасности, — ответила она.

— А мы какой мир? — спросил я.

Она взглянула на меня оценивающе.

— В каком вы мире, не знаю, но я на стороне закона. Потому когда мы переступаем, то это по закону, хотя и незаконно.

— Понятно, — сказал я. — Моральный закон выше всяких там написанных всего лишь людьми... Та-ак, вы вроде бы все съели? А что не съели, то понадкусывали?

— Точно, — согласилась она и красиво поднялась, взглянула на меня сверху, но я вскочил тут же. — В ваш номер?.. Хотя лучше в мой. Я к своему уже привыкла.

— Хотя прибыли всего на три часа раньше меня, — сообщил я невинно. — Что значит женщина... Сразу обживаетесь...

Глава 8

Когда шли к выходу, я заметил, оценивающие взгляды поглядывают не только на женщину, но и на меня, шепнул ей тихонько:

— Ого, за нами присматривают... Сделайте вид...

— Поняла, — ответила она и с чарующей улыбкой потянулась ко мне. — Милый...

— Ну наконец-то, — сказал я громко. — Наконец-то здесь никого нет.

Я обнял ее, она прильнула всем телом. Наши губы сблизились, она шепнула:

— Откуда смотрят?

— Две камеры, — ответил я ей на ухо. — Одна над дверью, вторая в левом углу.

— Извращения, — промурлыкала она и обхватила мою шею обеими руками. — Ты хорош... Так чем торгуешь, говоришь? Лесом?

— Бери выше, — сказал я чуть громче, чтобы услышали и на записи, — бриллиантами!.. Ну, не совсем бриллиантами, но алмазы все равно ими станут, а у меня две разработанные шахты, а третью сейчас ввожу в строй. В эксплуатацию.

— Значит, — поинтересовалась она, — львиную долю забирают себе перекупщики?.. А потом те, кто алмазы превращает в бриллианты? Тебе остается не больше десяти процентов?

— С чего вдруг? — ответил я с негодованием. — Десять процентов скидка оптовику, а сколько накручивают при обработке, это не мое дело.

Она спросила с намеком:

— А не хотелось самому открыть фабрику по огранке?

— Это сложно, — ответил я. — И трудно конкурировать на этом рынке, где есть такие бренды, как «Де Бирс», «Рио Тинто», «Доминион Диамонд» или «Петра Диамондс»!

— Но у тебя преимущество, — сказала она настойчиво.

— Какое?

— Собственная добыча алмазов, — напомнила она. — За счет снижения себестоимости можно кого-то потеснить...

— Чтоб пристрелили? — спросил я опасливо. — Там места давно заняты и поделены. Нового просто не пустят. Пойдем договорим в номере.

Когда вошли в ее отель, она шепнула мне на ухо:

— Надеюсь, в номерах камер нет?

— Надеюсь, — ответил я, — что есть. Так что играть надо правдоподобно.

Она протянула руки.

— Иди сюда.

Я вошел.

Секс теперь обязательный атрибут общения мужчины и женщины, а если они из секретных служб, то более чем обязательный. Как бы мы ни таились, но постель и даже скоростная случка в движущемся лифте дают какие-то крохотные возможности.

Или не дают, но дают возможности возможностей, потому упускать глупо, тем более что секс пока еще не самая трудная работа или унылое занятие.

Она тоже не упускает, хотя повязаться со всеми подозрительными гостями вряд ли успела бы, слишком их многовато, да и занимается сейчас вот со мной умело, с азартом и удовольствием, молодец, умеет извлекать из обязанностей еще и нечто приятное.

Наконец, когда мы расцепились и рухнули рядом в постели, она жарко выдохнула:

— Ух... С ума сойти... Ты где работал, в эскорте?

— Почему вдруг?

— Да как-то чересчур хорош, — ответила она с усмешкой. — Я давно так себя не чувствовала с мужчиной... Все вы достаточно грубоватые скоты. В хорошем смысле.

— Нет, — ответил я, — не работал. Просто, когда все и так понятно, что придумывать?

Она прищурилась.

— Ого? И что же во мне понятного?

— Кроме темперамента, — ответил я, — гормонального выплеска на шесть и семь десятых единиц, а также следов перенесенной травмы в детстве с попыткой группового изнасилования... ничего особенного. Разве что печень на треть забита жировой тканью, стоило бы подлечить. От

алкоголя, да?.. Советую уменьшить потребление аперитивов хотя бы до ведра в сутки.

Она слушала с изумлением и нарастающим гневом.

— Что за чушь!.. Никогда у меня такого не было! И печень в полном порядке!

— Тогда прошу прощения, — сказал я. — Значит, я с кем-то перепутал.

Она долго молчала, я тоже помалкивал, наконец произнесла в пространство:

— Но кое-что совпадает...

— Случайно, — заверил я. — Все мы такие одинаковые! И печень у многих увеличена. Если запустить, то дальше жировая ткань превратится в соединительную, а потом цирроз.

Она повернулась в мою сторону всем телом.

— А что насчет попытки группового изнасилования?

Я сказал великодушно:

— Очень красивая женщина обычно и в детстве красивый ребенок. В местах, где селятся выходцы из Африки, они в повышенной опасности. В смысле, вы, красотки.

— Совпадение, — сказала она, — ну да, совпадение. А что насчет гормонального выплеска?

— Вы принимаете кальцебонд, — ответил я. — Не важно, откуда я это узнал, но не стоит с ним перебарщивать. Сухожилия становятся крепче, это здорово, но из костей кальций начинает вымываться ускоренно. Вас не могли не предупредить.

Она кивнула.

— Конечно. Но красная линия еще далеко.

— Еще полгода приема, — сказал я, — и процесс станет необратимым. Не знаю, какие нормы

приема в вашей стране... как и страну не знаю, но лучше после этой вашей миссии остановиться.

Она поинтересовалась:

— Какой... миссии?

— Откуда мне знать? — ответил я. — Я приехал на конференцию, и все мои выводы идут от знания основ биологии.

Она усмехнулась.

— Да, конечно. Вы только биолог. А я только корреспондент газеты «Дейли Дейп».

Я смолчал. То, что она корреспондент газеты «Дейли Дейп», знаю, в самом деле там работает уже второй год, но что-то в ней тревожит, хотя пока определить не могу.

Сейчас прозрачно намекнула на некую работу в разведке, но проверить пока не удастся, в ЦРУ своя внутренняя сеть, связи с внешним миром нет, а если нужно что-то перенести из внешнего мира в свою локалку, то записывается на жесткий диск, тщательно проверяется всеми файерволами, сравнивая контрольные суммы, а при такой проверке никакая шпионская программа пролезть не сумеет, а потом уже...

Впрочем, секретные службы других стран тоже изолировали свои компьютеры по такому же принципу. Чтобы посмотреть, что там, нужно побывать в самом здании, как вот все тайны Пентагона у меня в голове, хотя не в черепной коробке, а в облаке, но это тоже моя голова, просто там внешние отделы мозга, где храню информацию.

Проснулся с ощущением, что чего-то недостает, не слишком важного, а так, чего-то, распахнул глаза и обнаружил рядом уже остывшую вмятину на подушке и скомканное одеяло.

Повернул голову в другую сторону, понятно, моя таинственная журналистка смылась то ли ночью, то ли рано утром. Странно, что не заметил, но вроде бы в вино ничего не подсыпала, теперь уловил бы еще по изменившемуся запаху от вина.

Улучшение здоровья обострило и все чувства, такое организму сделать намного проще, чем усилить работу такой новой штуки для человека, как головной мозг, так что ловлю запахи лучше волка и слышу дальние разговоры, но вот не чувствую, чтобы мои ленивые полушария начали работать лучше.

Наверное, организм реагирует именно на угрозу, а так как ее не было, то и не стал будить меня, такого умного и нужного вселенной.

На всякий случай посмотрел, что там в записях, ну да, вот она тихохонько поднимается, даже дыхание задержала, на меня смотрит опасливо, но переоценила, я лежу, как бревно, но хоть не храплю, это тоже инстинкт в действии, чтобы не услышали саблезубые тигры, храпунов сжирали в первую очередь, но все же недосожрали, саблезубых перебили раньше, а так бы мир остался без храпельщиков.

Приведя себя в порядок, завтракать отправился в ресторан. Вообще-то предпочел бы заказать в номер, я человек глубоко непубличный, но мне надо высматривать всех, кто как-то причастен к краденым ядерным зарядам, хоть самих крадунов, хоть перекупщиков, хоть товарополучателей...

Вечером опять во дворце, изображая привередливого гостя, заглянул в один зал ресторана, в другой, посмотрел, как там в баре, а если кто и заметит мое несколько нестандартное поведе-

ние, то решит, что я один из охраны кого-то из важных особ, обеспечиваю безопасность хозяина.

Отрабатывая манеры, ловко снял два фужера с подноса проходящего мимо официанта, один оставил себе, второй с таким уверенным видом вручил идущей навстречу женщине, что она, опешив, приняла, но шаг не замедлила и теперь наверняка старается понять, кто это был и что с этим бокалом делать.

Молодец, у меня это получилось неплохо. Нужно будет вообще принять на вооружение. Я человек абсолютно не светский, ученые все анахореты, а те, что сидят в президиумах, — это не ученые, а чиновники. В самом лучшем случае бывшие ученые, так что надо вести себя как принято.

Гости выглядят так, словно все то ли бывшие президенты и канцлеры, то ли вот-вот ими станут. К счастью, хватает одного взгляда, чтобы поместить портрет в программу сличения образов, а дальше, определив кто есть ху, быстро просматриваю файлы, начиная с самого детства, на это уходят доли секунды, тут же перехожу к следующему и следующему.

Темных личностей немало, но что-то выделить определенное пока не удастся. На всякий случай рассматривал и женщин, на роль опасных злодеек некоторые подходят вполне, но не те масштабы, в реальности криминальный мир все-таки мужской мир, тем более если такого размаха, чтобы продавать и покупать атомные заряды.

Медленно прошли мимо, тоже оценивая разглядывая гостей, две молодые красивые женщины, обе словно вышли из компьютерной игры про эльфов: одна из лесных, вторая из озерных

или водопадных, такие тоже есть, видел в одной стратежке.

Обе посмотрели и на меня, одна крупными зелеными глазами, а вторая настолько синими, что почти фиолетовые, дивно смотрятся на бледном нежном лице с туго натянутой кожей даже без намек на будущие морщинки.

И все равно трудно отделаться от впечатления, что смотрю на тщательно отрендеренные щеки персонажа красивой компьютерной игры. Тем более что все остальное тоже безукоризненно.

Даже слишком, подумал я невольно. На мой взгляд, сиськи должны быть крупнее, эльф или не эльф, а жопа шире и массивнее, а то эта культивируемая спортивность уже в печенках.

— Свинство какое, — сказал я с чувством. — Эмир закупил для праздника всех лучших фотомоделей Швеции?

Они заученно улыбнулись, одна спросила:

— Почему из Швеции?

— Потому что самые прекрасные оттуда, — заверил я. — Лучшие из Швеции, уже понятно, самые красивые в мире!

Снова польщенно улыбнулись, а та, что с синими глазами, поинтересовалась:

— А вы хоть и похожи на миллиардера... но не миллиардер, как мне кажется?

— Это точно, — ответил я. — Я крупный, но бедный ученый. Сюда меня командировали на встречу с одним бизнесменом, что готов вложить несколько миллионов долларов в мою работу.

Зеленоглазая моментально перестала улыбаться, а та, что с синими, проговорила оценивающе:

— Вы не похожи на ученого.

Я улыбнулся.

— Теперь ученые выглядят иначе, чем в старину. Молодые, поджарые, амбициозные... К тому же я не гуманитарий, а физик-ядерщик. Моя специализация — увеличение мощности взрыва портативных бомб, а это очень узкая профессия!

Она сказала очень серьезным голосом:

— Лучше бы такой профессии вообще не было.

Ее подруга что-то уловила, сказала капризно:

— Дорогая, я в баре.

— Хорошо, — ответила ее фиолетовоглазая подруга, — я скоро присоединюсь. Странно, что вы на таком мероприятии. Здесь все веселятся, а вы такой серьезный.

Я удержался от желания проводить ее подругу взглядом, у нее такой вздернутый зад, что только из-за него достойна входить в высшую десятку элитных моделей мира.

— Вы тоже серьезны, — ответил я, не отрывая от нее взгляда моих брехливо-честных глаз.

— Я на работе, — пояснила она. — Где еще можно заработать сто тысяч долларов только за то, чтобы прохаживаться в этом дворце и мило улыбаться гостям?

Я сказал с уважением:

— Да, это здорово. Жаль, что физикам-ядерщикам такие деньги и не снились.

— Но вы рассчитываете на более выгодный контракт, — сказала она. — Не так ли?

Я ответил с надеждой в голосе:

— Рассчитываю и надеюсь. Когда предложение неожиданное и выгодное... Я вообще на многое надеюсь. Дум спиро сперо.

Она взглянула внимательно, стараясь понять, правильно ли поняла, но женская интуиция про-

сто-напросто объясняется более чем прозрачными желаниями мужчин, сдержанно улыбнулась.

— Здесь рай. Уверена, вы все здесь найдете. Как выгодный контракт, так и любые развлечения...

— Хотелось бы, — ответил я. — Но теперь, когда увидел вас, мне все развлечения кажутся невыносимо пресными.

Она мило улыбнулась.

— Тогда можете угостить меня коктейлем.

— Идем вслед за подругой? — спросил я.

Она покачала головой.

— Она меня не совсем... поймет. Лучше на другую сторону ресторана. И в другой зал.

Глава 9

Мне показалось, что, когда входили через двери в сверкающий и нарядный бар, она чуть повела взглядом в сторону, а потом на меня, но я откровенно ахал при виде роскоши, совсем не восточно-дурной, а восточно-изысканной, где роскошь как нельзя более умело сочетается с хай-теком, и не замечал этой странности, что она вдруг заинтересовалась мною, я же сообщил, что я бедный, хуже того, еще и ученый.

В баре сели рядом на высоких стульях, она сразу же умело заказала коктейли себе и мне, я привередничать не стал, ученые вообще не разбираются ни в чем, кроме своей науки.

Она сказала с сочувствием:

— Надеюсь, вам удастся заключить контракт на хорошую сумму. Но, наверное, ваш бизнесмен не местный, а прибудет тоже, как и вы, издалека.

— Почему так думаете?

Она улыбнулась.

— Если бы в Арабских Эмиратах решили делать свою атомную бомбу, крики и протесты были бы во всем мире!.. Соединенные Штаты сразу бы прислали сюда весь флот и даже высадили бы армию. Я не слежу за прессой, но это же очевидно.

— Возможно, — ответил я рассеянно, — как-то не думаю о политике. Это грязное дело, как говорит все вроде бы знающая на своих диванах общественность. А наука — дело чистое. Я умею и люблю работать.

Она покосилась на меня с любопытством.

— Как чудесно, когда попадают такие светлые душой люди.

— Ой, — сказал я, застеснявшись, — это не обо мне. Я как-то украл у отца из бумажника одну денежку, чтобы сводить девочку из моего класса в кино, а потом в бар... до сих пор стыдно.

— Правда?

Я кивнул.

— Мне кажется, отец понял, что я украл, но смолчал и все ждал, что расскажу сам.

— И?..

Я развел руками.

— Не рассказал. Как вспомню, так даже спина краснеет. До сих пор.

Она тихо и мелодично засмеялась.

— Просто чудесно... Похоже на рождественскую сказку.

Мне показалось, что она начинает терять ко мне интерес, это нежелательно, лучше держать ее рядом, чем велит установить за мной скрытое наблюдение.

— А как вообще, — сказал я с сочувствием, — кобура не натирает в такую жару?..

Она взглянула в удивлении.

— Вы о чем?

— Под левой рукой, — сказал я, — миниатюрный пистолет «Глок-17», сконструирован для сил специального назначения как оружие последнего шанса. Почему не «Астра-60»?.. Гм, при чем здесь «Астра-60»... Лезет же в голову всякое...

Она посерьезнела, повернула голову и посмотрела на меня в упор.

— Кто вам такое сказал?

Я ответил негромко:

— Здесь в двух местах установлены тайные сканеры. Вы могли не заметить и пройти, но те, кто смотрит на экраны, сделают какие-то выводы.

Она помолчала, я представлял, с какой скоростью работает ее мозг, женщины могут мыслить даже быстрее мужчин, доказано опытами на животных, но при этом мозг такую хрень несет...

— Станный вы ученый. — заметила она холодно, — хотя мне почему-то кажется, вы в самом деле ученый.

— Только и всего? — спросил я разочарованно.

Она поинтересовалась с сочувствием:

— Ох, я затронула ваше мужское достоинство?

— Вообще-то да, — признался я. — Впрочем, можете потрогать еще.

Она протянула руку.

— Так?

— Именно, — подтвердил я. — А где еще у демократа достоинство?.. Полагаю, лучше всего покинуть это место.

Она подняла на меня взгляд этих дивных синих глаз.

— Вы в отеле «Звезда Абу-Даби»?

— Да.

Она произнесла без улыбки:

— Я в «Жемчужине», это вдвое ближе.

— Я не настолько стар, — пробормотал я, — чтобы страшиться пройти до своего номера, но, конечно, в чужом саду яблоки всегда слаще.

Когда вышли из здания, погода все такая же ясная, только вместо солнца — яркие крупные звезды, у нас на севере почему-то все маленькие. Где-то в немыслимой выси незримо проходит российский спутник, и я с удовольствием рассматривал с его высоты как весь город, так и дворец. При хорошем увеличении можно рассмотреть и себя достаточно четко, даже покрой костюма и галстук, но это если перестану горбиться и посмотрю вверх.

Холл отеля, в котором она остановилась, блещет таким богатством, что, подозреваю, такого не было и у халифа. Когда двери лифта распахнулись перед нами, я увидел роскошно убранную комнату, на стенах зеркала в золотых рамах, а напротив друг друга расположились два дивана с безукоризненной обивкой из белой кожи.

— Эффектно, — сказал я. — А где лифтер?

— Это нарочито, — ответила она. — Есть клуб любителей секса в самолетах, есть вот так в лифтах...

Я поймал ее испытующий взгляд, помотал головой.

— А для совсем бедных?

— Наверное, — предположила она, — в автомобиле.

Я пробормотал:

— Вообще-то могу назвать еще более экстремальные по бедности.

— Могу себе представить, — ответила она ровным голосом и, перехватив мой вопрошающий взгляд, пояснила: — Я не родилась с золотой ложкой во рту.

Мы вошли в ее номер.

Я вытащил из кармана мобильник, потыкал пальцем, открывая и закрывая окна, она следила за мной серьезными глазами, сейчас все, что делаем, исполнено смысла, даже недоговоренности и намеки, тем более каждый жест...

— Все, — сказал я победно и сунул мобильник обратно. — Камеры отключены.

Она спросила недоверчивым шепотом:

— Но... как?

— Простая глушилка, пояснил я. — А что, ваши местные умельцы вас не снабдили?.. Недоработка...

Мы быстро раздевались, в нашей работе некоторые обязательные мелочи нужно убирать с пути поскорее. Пистолет она вытащила из скрытой кобуры и тут же сунула под подушку, но сама кобура из пластика осталась под левым предплечьем.

— Красиво, — признал я. — В этих ремнях на голое тело, словно рокерша. Королева байкеров!

— Или садомазохистка, — согласилась она.

— Может быть, все же снять? — предложил я. — Надеть сбрую я помогу. Хотя мне она не очень и помешает...

— Мне помешает, — ответила она.

— Правда?

— Хотя на несколько минут, — ответила она, — забуду о работе.

Я улыбнулся, да и она вряд ли подумала, что поверю. Мы никогда не забываем о работе, как я о CRISPR, так и она о пресечении угроз своей стране.

Для поколения моего дедушки это было «жгучей тайной», как определяли классики, люди ставили целью жизни впердолить кому-то, это называлось «овладеть», хотя какое, на хрен, это владение, но что-то в этом было, донжуанство было общим поветрием, но сейчас для жуткой тайны нет места, всем все известно с детского садика, в школе уже нет ни девственников, не девственниц, а для взрослых это давно рутина.

Мы разомкнули объятия, все еще часто дыша, но быстро приходя в норму. Она хороша в постели, но сейчас нет дур прошлого поколения, которые умели только лежать на спине, раздвинув ноги.

Сейчас все женщины штудируют одни и те же учебники по этому делу и все в постели одинаково хороши, исполнение у всех на самом высоком уровне, что нас вполне устраивает.

Она спросила с нажимом:

— Так чем ты здесь занимаешься на самом деле?.. Ждешь бизнесмена, который пообещал работу в каком-то ядерном проекте?

С красивой женщиной в постели мужчины обычно распускают павлиньи хвосты, начинают хвастаться, привирать и выбалтывать больше, чем положено.

И хотя сейчас эта приманка из-за женской сверхдоступности потеряла часть убойной силы, но все же некоторые самцы пробалтываются. Это распускание хвоста перед женщинами у нас в крови, и никакая нынешняя бесплатная доступность их вагин не останавливает нас от примитивного бахвальства.

— Турист, — ответил я мирно, — только турист.

— Не брешь, — сказала она. — Ты обо мне знаешь, а я о тебе нет?..

— Я тоже о тебе почти ничего не знаю, — сообщил я. — Просто твой пистолет заметить нетрудно, если смотреть правильно. А отталкиваясь от него, можно потащить ниточку дальше. Ты заинтересовалась, когда я сообщил о своей работе в ядерной физике, а это, как все в мире знают, болезненная тема Израиля. Ваши спецслужбы везде в исламском мире выслеживают ядерных физиков и отстреливают, как оленей. Или взрывают...

Она возразила:

— Что за поклеп!

— Точно?

— Ни одного подтверждения, — сказала она, — только слухи.

— Да-да, — согласился я, — и атомной бомбы у вас нет...

— Нет!

— А только оружейный плутоний, — напомнил я, — и сейчас где покупаете, а где воруете... Наверное, для красоты интерьера. Эстеты, да?.. Или романтики?

Она сказала с нажимом:

— Говори, кто ты. Здесь что-то неладное. И очень опасное. Я же все тебе рассказала честно!

— Не рассказала, — уточнил я, — а я тебе рассказал, а ты промолчала, тем самым подтвердив. А я вот в самом деле турист... Вырвался из душного мегаполиса, наслаждаюсь солнцем, морем, чистым морским воздухом... стараюсь понравиться местным женщинам. Ты же местная, правда?

— Местная, местная, — подтвердила она, не моргнув глазом. — Ближний Восток... это именно моя местность.

— Хорошая местность, — сказал я. — Во всяком случае, тепло.

— Это после ваших нордических холодов?

— И даже морозов, — согласился я.

Ее телефон деликатно пикнул, она сцапала его и отошла на другой конец спальни. Я смотрел, как приложила к уху, лицо стало сосредоточенным, хотя старается улыбаться, будто болтает с подружкой, но я сразу же подключился к линии и некоторое время слушал, как ей сообщают, кто я и что я, и каких усилий это затребовало.

А сообщили всего-навсего то, что я доктор наук, работаю в Центре Биотехнологий.

Мозг, пользуясь ослаблением поводка, начал заодно торопливо шарить в инете, подслушивать телефонные переговоры по всему Дубаю, читать эсэмэски и просматривать фотографии переговаривающихся в скайпе и мессенджерах.

Ничего интересного, все стандартно, чуточку выбиваются своим поведением трое мужчин, что поднимаются по ступенькам лестницы нашего отеля, в то время как четвертый отделился от них и пошел к лифтам.

По виду туристы, но что-то настораживает, сперва даже не понял, а потом сообразил, все трое и на лестнице держатся так, словно выслеживают опасного кабана в лесу, слаженные движения, настороженность, видно даже, как чутко прислушиваются к каждому звуку.

Она закончила разговор, вернулась в постель, я протянул руку, чтобы она могла опустить на нее голову.

— Надеюсь, — поинтересовался я, — своим вторжением не помешал твоим развлечениям?

Она улыбнулась.

— Совсем напротив.

— Хорошо, — сказал я с облегчением, — а то у нас говорят, даже собачью свадьбу нельзя портить.

— Фи, — сказала она, — как грубо.

— А какое в Израиле отношение к собакам?

Она ответила с надлежащим высокомерием:

— Израиль огромен!.. В разных частях разное отношение, как и у разных групп людей...

Эти трое поднялись на наш этаж и пошли по коридору. На двери поглядывает только первый, двое идут следом, смотрят только на его затылок.

— Как хорошо, — сказал я и зевнул, — что мы здесь, а не где-то там...

— Где-то там, — переспросила она, — это где?

— Где ревнивые мужья, — ответил я, — любовники...

Она тихонько засмеялась.

— А такие еще остались?

Трое уже дошли до нашей двери, передний кивнул в ее сторону, сам прошел чуть дальше и встал сбоку, а те двое с другой стороны. Все трое вытащили пистолеты с глушителями на стволах.

— Да вдруг представил, — сказал я и незаметно для нее сунул руку под подушку, — открывается дверь и врывается твой разъяренный муж...

Дверь распахнулась, в проеме возникли двое с уже поднятыми пистолетами, но в моей ладони ее крохотный «Глок-17» дважды дернулся, пули ударили одного в лоб, другого в глаз.

Я соскочил с постели, ринулся к двери. В проеме возник еще не разобравшийся в ситуации третий. Пуля вышибла ему передние зубы и пропала в раскрытом рту.

Он упал прямо в мои объятия, я забросил его в номер, торопливо затащил двух других и хлопнул дверь.

Моя спутница с коротким ножом застыла посреди комнаты. Я бросил ей пистолет, она поймала профессионально точно, сразу за рукоять, мгновение держала меня на прицеле, но тут же сунула в кобуру под рукой.

— Все-таки ревнивый муж, — сказал я. — Который из них? Кстати, приношу соболезнование вдове... С другой стороны, теперь-то оторвешься...

Она сказала зло:

— Не выпендривайся. Сам видишь, здесь что-то серьезное. Это точно не за тобой?

— Точно, — ответил я. — На восемьдесят четыре и три десятых процента.

— Это у тебя такая точность?

— Я же физик, — возразил я оскорбленно, — а не какой-то там математик! Скажи спасибо, что не гуманитарий, там вообще стеариновая свеча, как у коал, женщин и морских свинок.

Она быстро проверила внешние и внутренние карманы всех троих, а я быстро оделся, выдернул у одного из ладони пистолет и сказал тихо:

— Не выходи. Я сейчас вернусь. Не одевайся.

Четвертого я подстерег, когда он вышел из лифта. Я сделал вид, что ждал кабинку и сейчас войду, он повернулся ко мне спиной и пошел по коридору.

Догнал я его уже на середине коридора, он дернул головой, собираясь повернуться, но я упер палец ему между лопаток и сказал тихо:

— Одно неверное движение... или звук...

Он продолжал путь, но замедлил шаг, я просто чувствую, как его мозг тоже разогревается, стараясь просчитать как можно быстрее, что теперь делать, но мой работает в тысячи раз быстрее, так что у меня всегда самая выигрышная стратегия,

а если она уступает той, что у противника, стараюсь в такое даже не влезать.

— Стоп, — велел я. — Теперь в эту дверь... Да-да, в эту. Никаких лишних движений. Я все равно успею выстрелить раньше. Пуля семь гран пробьет сердце насквозь и разорвет все внутренности.

Он толкнул дверь, я упер палец сильнее, пришлось переступить через порог. Синеглазка уже одета и с пистолетом в руке, ствол смотрит пленному в живот.

Я захлопнул ногой за собой дверь, вытащил его пистолет из-за пояса и сказал резко:

— Вон на тот стул!.. Без лишних движений.

Она ногой пихнула к нему стул, тот проехал по гладкому дубовому паркету и остановился у ног пленника.

Глава 10

Он медленно сел, крупный мужчина, самый старший из всей четверки по возрасту и, как чувствую, по должности или положению. Лицо квадратное, обветренное, кожа шелушится на кончике носа и правой скуле, точно не местный, эти не обгорают, как европейцы, сколько бы здесь ни прожили.

Я бросил на нее недовольный взгляд.

— Зачем оделась?

— А зачем голая?

— Этого приятеля удивила бы, — пояснил я. — Пусть посмотрит, а то кто знает, что его ждет...

— А-а-а, — сказала она, — а я думала, хочешь продолжить.

— Хорошая идея, — согласился я и спросил у пленника, — ну что, приятель, собрался с мыслями? Я тебе дал время.

Он буркнул:

— Но голую так и не увидел. Может быть, пусть сейчас разденется?

Она сказала резко:

— Но-но, поговори мне!

— Женщины злее нас, — сообщил я пленнику. — Ты не напрягай ноги, не напрягай. Я не стал привязывать к стулу, все равно выстрелить успею раньше. Да и она успеет. Я бы велел ей раздеться, но, увы, не подчиняется мне. Я вообще дикий гусь и служу только своему карману, а вот она правительству.

Он скривил губы.

— Правительству... Какой смысл?

Она сказала резко:

— Крутой, да?.. Но мы круче. Кто послал? Что велел?

Я сказал доброжелательным тоном:

— Нам, диким гусям, нет смысла хранить верность тем, кто ведет двойные игры. Да еще и предает своих людей.

Он отрезал с достоинством:

— Меня никто не предавал. И я никого не предаю. Стреляйте! Я же понимаю, почему не привязан. Некогда выбивать признания, верно? Не отвечу, получу пулю в лоб, вам же надо сматываться из номера, где три... нет, четыре трупа?

— Видишь ли Дуглас, — сказал я с сочувствием и увидел в его взгляде изумление, — Овертон тебя в самом деле сдал. Сам подумай, чем ты ему не угодил или где подставил, но сейчас он решил

от тебя избавиться. Причины не знаю, он просто сообщил нам, что идешь сюда ты. Думаешь, чего я сидел напротив двери уже с пистолетом в руке?

Он пробормотал:

— Не знаю, о чем ты говоришь.

— Ладно, — сказал я, — он сам запутался, влез в эту аферу с кражей ядерной бомбы из Украины, а теперь не знает, как выбраться. Может, потому и сдает?

Он рыкнул:

— Какой бомбы?

— А-а, — сказал я, — так он и этого не сказал? Хотя понятно, триста миллионов долларов — сумма хорошая, если ни с кем не делиться.

Он сказал свирепо:

— Так вот зачем он посылал за кодами!

— Какими?

— Какой-то активации!.. Наверное, атомную не просто бросить, а надо еще, чтобы взорвалась... как я где-то слышал.

— А его кто нанял? — спросил я.

На ответ я не надеялся, но он сказал сломленно:

— Митчел Хиггинс. Это строительный магнат, а еще в его руках вся добыча нефти отсюда и до берега. Зачем ему ввязываться в такое, не знаю. Да и вообще как-то все подозрительно...

— А то, — сказал я, — что ты в прошлом месяце по его заданию был в Омане и привез оттуда только половину груза, что он тебе обещал припомнить, откуда бы я узнал?.. Как видишь, это знал только он. Ладно, у нас нет вопросов.

Она рассерженно сверкнула в мою сторону глазами, но при пленном спорить не стала, я веду какую-то непонятную игру, но результаты

есть, так что набьет мне морду потом, без свидетелей.

Он спросил мрачно:

— И что теперь?

— Вставай, — сказал я. — Пойдешь впереди нас на два шага. Выйдем на улицу, ты вправо, а мы, как всегда, налево.

Он всмотрелся в мое лицо, как будто еще не веря, что не получит пулю в лоб, спросил с неудовольствием:

— А почему тебе налево?.. Давай я налево!

— Мне так надоело быть приличным, — сообщил я ему доверительно, — так что нет, я всегда налево.

Он буркнул:

— Оно и видно, что ты из приличных... Осторожно? Ты не один такой, знал еще парочку...

Едва вышли из отеля, Дуглас кивнул и пошел направо, но, как я чувствовал, все еще подумывает о пуле в спину, хотя понимает, что стрелять в таком людном месте глуповато, но все равно чуточку сдвигает лопатки, будто они у него из титановой стали.

Уже с другой стороны улицы оглянулся, махнул рукой и вошел в один из магазинов, который имеет, как я сразу посмотрел на карте, выход на соседнюю улицу.

Она спросила резко:

— Зачем отпустил?.. И что это за странный допрос?.. Откуда знаешь эту сволочь?

— Это случайно, — заверил я. — У него такая характерная внешность, заметила? Вот я и запомнил, когда мельком увидел у нас в управлении его досье с парой хороших фоток. Да не сердись ты

на него! Подумаешь, пришел убить тебя... Всего лишь! Тоже мне новость. Но убиваем все любимых, пусть знают все о том, один убьет жестоким взглядом, другой обманным сном, трусливый лживым поцелуем, а тот, кто смел, мечом! Один убьет любовь в расцвете, другой на склоне лет, один удушит в сладострастье, другой — под звон монет...

Она поморщилась.

— Подумаешь, Уайльда читал... А что он гомосексуалист, не знал? Наверное, его книги в России сжигают?

— А я раньше прочел, — сообщил я. — Когда еще был школьником и не знал, что такое гомосексуалисты. Теперь что, пойдешь брать за жабры самого Митчела Хиггинса?.. Властелина провинции Эль-Хуфуф?.. Абсолютного властелина как официального представителя власти, так и негласного?.. Это мне напоминает сюжет про Али-Бабу...

Она слегка замедлила шаг, вроде бы посматривает по сторонам, посмотрела почти враждебно.

— Чем?.. Не вижу пещеры с золотом.

— Там был один интересный персонаж, — напомнил я. — Не припоминаешь?

— Али-Баба?

— Нет, — ответил я, — а очень благочестивый шейх, днем проповедовал в мечети о милосердии ко всему живому, а когда шел по улице, двое слуг шли перед ним дорожку, чтобы случайно не наступил на какого-нибудь жучка и не причинил ему увечья, а то и смерть.

— Не помню такого, — сказала она в нетерпении. — Ты слишком многословен.

— Дело в том, — закончил я, — что этот благочестивейший человек ночью руководил самой

многочисленной и жестокой бандитской группировкой. Это он собрал в пещере Сезам несметные сокровища... Не останавливайся, вон там мой автомобиль, сейчас это самое безопасное место.

— Твой?

Я кивнул.

— Точно. Купил сразу, как прибыл. Так, на всякий случай.

Она кивнула, буркнула:

— Тоже мне, сказку рассказал! В реале это сплошь и рядом. Каждый третий мэр в западных странах руководит подпольным бизнесом и грабежами. У любого магната в кармане не только полиция, но и местные банды, что действуют по его указке.

— Вот-вот, — сказал я. — И ты придешь к этому Хиггинсу, скажешь: дорогой Митчел, вы руководите бандами, признавайтесь во всем, а я постараюсь снизить вам тюремный срок.

— Да иди ты, — отрезала она зло. — Что-то придумаю. Слишком неожиданно все получилось. И быстро. А ты влез и все сорвал.

— Много бы ты преуспела с дырой в голове, — сказал я. — Впрочем, если ты зомби...

Она спросила вдруг:

— А почему оставил три трупa в номере?.. Теперь мы в розыске!

Я улыбнулся со всей снисходительностью, когда разговариваешь, имея на руках роял-флеш и глядя на открытые для тебя карты противника.

— Нет.

— Почему?

Я пояснил нежно:

— Милая, ты не одна.

Она спросила резко:

— Ты о чем?

— С тобой группа чистильщиков, — пояснил я. — Или хотя б один, не важно. Он и спрячет трупы. А номера останутся за нами, мы же туристы! Просто уехали смотреть местные достопримечательности. У тебя заплачено за пару дней?

— За неделю вперед, — буркнула она.

— У меня за три, — сказал я. — Сядешь рядом или побоишься?

Она молча дернула на себя дверцу, я едва успел отключить сигнализацию, и опустилась на правое сиденье.

Я занял свое место за рулем, кивнул, чтобы пристегнулась, повернул ключ зажигания.

Она посмотрела на меня зло и оценивающе.

— Самоуверенный тип. Полагаешь, за три дня все сделаешь, еще и по лавкам пробежишься?

Я повел автомобиль вдоль тротуара как турист, что рассматривает витрины, потом так же неспешно занял правую полосу. Слева на большой скорости проскакивают более шустрые водители.

— Или с тобой понежусь, — ответил я. — Всегда считал, что все женщины в постели одинаковы... но, вижу, все-таки не совсем так. Век живи, век учись.

Она фыркнула:

— Ты всегда решаешь за других?

— Мы, — сказал я, — доминанты, потому должны принимать и нести с достоинством бремя белого человека по отношению к женщинам.

— Ну-ну, — сказала она, — и что у меня не совсем так, как у других женщин?

— Особенная ты, — пояснил я. — Почему так стремимся вдуть красивым? Какая самцу разница, в каком организме продлить род?.. Почему,

копулируясь со всеми, все же в первую очередь предпочитаем красивых?

Она смотрела с вялым интересом.

— И?

— Красивые, — пояснил я, — элита человеческого вида. Самое удачное сочетание генов. Поэтому и такая инстинктивная тяга как ко всякому вкусному, новому, лучшему... Инстинкт, всего лишь инстинкт! Но подсказывает правильно.

Она сказала с отвращением:

— Прямо зоолог... Да вижу, вижу, что хочешь спросить! Да, конечно, я велела проверить, кто ты есть на самом деле. А как иначе? Ты сам этого ожидал. Все настолько идеально, что просто слишком. Для местной охраны ты знатный турист, но из разведки или контрразведки любой поймет, ты слишком уж турист, чтобы быть туристом.

— Это плохо?

Она всмотрелась в мое лицо.

— Мы же хорошо понимаем, что индустрия туризма необходима, так как дает миллионы рабочих мест по всему миру. Благодаря им десятки миллионов человек, если не сотни, срываются с мест и едут в дальние страны, давая работу авиоперевозчикам, железнодорожному транспорту и таким службам, как такси, и прочим-прочим.

Я кивнул, спросил с интересом:

— Дальше?

— Но мы понимаем, — продолжила она почему-то со вздохом, — что реклама отдыха за рубежом рассчитана на людей низшего и среднего звена как в материальном, так и в интеллектуальном отношениях...

— Отдыхают и богатые, — напомнил я. — На собственных яхтах. А то и личных островах.

— Бывала я на таких яхтах, — сообщила она. — У каждого владельца там и личный кабинет, куда никому нет доступа. И пока гости веселятся и пьют шампанское в бассейне, хозяин либо следит за биржевыми акциями, если он финансист или банкир, либо отдает распоряжения, где что строить, если строительный магнат, либо перераспределяет торговые потоки, если транспортный миллиардер...

Я выдержал ее прямой взгляд и покачал головой.

— У меня ни яхты, ни острова.

— Да, — согласилась она. — По крайней мере на свое имя.

— Ого, — сказал я, — уже знаешь мое имя?.. А твои контакты так ничего нового и не сообщили?

— Там сообщили то, — пояснила она, — что ты сам возжелал сообщить при регистрации как один из гостей шейха. Ни больше ни меньше, хотя и то неплохо.

— Да, — согласился я. — С подстраховкой работать проще.

Она не спросила насчет моей подстраховки, хотя я видел по ее лицу, как это крутится на ее языке, пояснила со вздохом:

— На этот раз я послала твое фото, чтобы пробили по всем базам данных.

— Сфоткала, — поинтересовался я, — пока спал?.. Хотя мы с тобой вроде бы не спали? Нечестно. А если рот открыл, и выражение было нехарактерно для меня, такого умного и красивого, глупое?.. Сказала бы, что фоткаешь, я сделал бы умное лицо.

— Чтоб тут же удушил?

— Ладно, — сказал я, — и как успехи?

Она проговорила с неуверенностью:

— Искали очень долго, однако...

— Откуда я в ваших моосадских базах? — спросил я. — Глупо.

— Теперь понимаю, — ответила она. — Уже закончили поиск, все безрезультатно, но один из самых шустрых от безнадеги включил общий поиск по Всемирной сети... и сразу же отыскал! Кто б подумал, на самом видном месте, куда никто и не пробовал заглядывать!

— На порнолабе?

— В Википедии!..

— Хм, — сказал я, — может быть, двойник? На порнолабе это точно я...

— Мне тоже так кажется, — согласилась она, — слишком уж не вяжется образ профессора Владимира Лавронова, доктора наук, видного нейрофизиолога, с человеком, который так быстро и точно стреляет, а затем хладнокровно перешагивает через трупы, ничуть не меняясь в лице.

— Значит, — сказал я, — двойник!

— Да заткнись ты, — сказала она устало. — Ты не оперативник, это ясно. Я тоже вижу множество проколов, которые не допустит полевой агент. А еще ты очень интеллигентен...

Я изумился.

— Я? Ты с ума сошла!.. Что за хрень, с чего такое дикое оскорбление?

— Ты интеллигентен, — повторила она с твердым убеждением. — По-настоящему интеллигентен.

— А это как? — спросил я.

Она ответила, не спуская с меня внимательного взгляда:

— Настоящим не требуются атрибуты интеллигента, как раньше очки и шляпа, а теперь галстук и аккуратно подстриженная бородка... да сам знаешь, как эти простенькие люди стараются выглядеть значительными. Так что ты в самом деле тот Лавронов, который работает ведущим нейрофизиологом.

— Не ведущим, — возразил я. — Я сам по себе, хотя, конечно, в рамках здорового трудового коллектива. С нездоровым бываю тоже, но нечасто. Даже редко, хотя хочется чаще. Однако смирю животные порывы, ибо от работы результат, а от попоек и прочего... что, кроме больной печени?

Ее взгляд не изменился, хотя слушала внимательно мой бред, что-то вычленив, анализируя, а я подумал, что по нашей речи можно любого определить, кто он и что, на каком уровне и даже чем занимается, нужно только дать ему поговорить подольше.

— Ты не оперативник, — сказала она уверенно. — И ты в самом деле доктор наук, звезда чуть ли не мирового уровня в науке...

— Почему это не мирового? — спросил я обидчиво. — Да любой, у кого больше двух публикаций в New Science, уже звезда мирового уровня!.. А у меня их шесть!

— Неоперативников тоже используют нередко, — продолжила она. — Хотя чаще как ложные цели. Или на одиночные и не очень важные операции. Передать, сообщить, узнать... Такие обычно вообще не берут пистолет в руки.

— У меня не было пистолета, — напомнил я победно. — Я не оперативник!

Глава 11

Автомобиль плавно подкатил к главному входу в сам дворец. К нам подбежал дежурный, я бросил ему ключ, она взяла меня под руку, и так с улыбками и довольными лицами пошли по вымощенной широкими плитами аллее к парадному зданию дворца.

Я чувствовал, как ее пальцы иногда непроизвольно сжимаются сильнее, все-таки постоянно ждет беды, раз уж либо кто-то рассекретил, либо здесь ее узнали. А узнать могли, я мог бы прямо сейчас назвать ей с десятков стран, где она побывала, и почти везде была под другими именами.

— Ты умело увиливаешь, — сказала она тихо, — но раз влез в это дело... учти, я тебя не просила, то должен рассказать мне все, что знаешь!

— Ого, — сказал я, — это как, с самого начала?

— Да!

— Ну слушай, сперва Господь создал Землю...

Она больно ткнула меня в бок.

— Не это!

— А-а начать с Большого Взрыва?... Ладно-ладно, не дерись, все понял. Драться умеешь. И стрелять, не для красоты же вооружена до подмышек? Но, дорогая, с какой стати я должен с тобой делиться? В постели ты была хороша, но, мне кажется, там боевая ничья.

— Свинья, — сказала она сердито. — Мы же коллеги!

— Точно?

— По крайней мере, — подчеркнула она.

— Израиль тоже в Европе? — спросил я. — Хотя да, сами израильтяне — бывшие европейцы.

Она чуть повысила голос:

— Я не говорила, что я из МОССАДА!.. Что ты мне все время тычешь в глаза Израилем?

— Говорить и не надо, — согласился я. — Ого, да тут пара агентов из «Ми-6», вон там, видишь? А еще один из французской секретной службы... Здесь что, в самом деле затевается что-то крупное?

Она посмотрела с подозрением.

— А ты не потому сюда прибыл?

— Нет, — ответил я честно.

— Но ты не турист, — определила она. — Нет в тебе их коровьего восторга.

Я кивнул, продолжая в скоростном режиме неторопливо размышлять над ситуацией. Наверняка люди британской разведки, а также французской и, конечно, цэрэушники потому здесь, что укравшие ядерные заряды настолько неумело начали искать покупателей, что это скоро стало известно секретным службам, которые давно внедрились своих людей во все крупные гангстерские синдикаты. Или держат там осведомителей.

Понятно, те сообщили в свои центры, там начали следить за развитием событий, а когда узнали, что кто-то уже заплатил аванс и отдаст остальное, когда заряды придут в Арабские Эмираты, тут же одни прислали своих агентов, а другие сообщили тем, кто здесь уже работает под прикрытием, чтобы установили слежку.

Израиль, понятно, прислал своих в первую очередь, там до жути страшатся атомного оружия в руках исламских режимов. Любой из них, заполучив ядерную бомбу, тут же взорвет ее в Тель-Авиве, настолько велика любовь к своим братьям по отцу.

Я взял два фужера с шампанским, она послушно вышла со мной на уединенный балкон, в баре или ресторане мы слишком на виду.

— Как твое имя, — спросил я и уточнил, — настоящее?

Она ответила после недолгого колебания:

— Эсфирь.

— А-а, — сказал я, — Фира. Была в нашем классе Фира, Фирка, рыжая такая, толстая и веселая. Всех младшеклассников обучила, что еще можно делать с их письками... Подвижница. Многих спасла от комплексов в этой интимной сфере.

Она посмотрела искоса, еще не врубившись, похвалил я ту Фиру или совсем наоборот, я всегда серьезный и оскорбительно внимательный, словно она все еще женщина, а не равноправный член общества, которому тоже можно толерантно дать в морду.

— Я не Фира, — отрезала она в конце концов, — у меня родители из консервативных кругов общества.

— Ух ты...

— И воспитывалась, — продолжила она тем же тоном, — по самым строгим нормам. Мама мне сразу еще в школе сказала строго: ты только не пей и не кури!

— Радикалы, — сказал я с удовольствием. — Даже ультралибералы...

— Не в общепринятом смысле, — возразила она. — Это значит, они не приемлют никакого насилия! Даже в отношении к животным.

— К животным и я не приемлю, — согласился я, — а вот людей почему-то не жалко. В то же время я человек с абсолютно нормальной психикой. Даже не понимаю, почему так.

— Почему с нормальной психикой? — переспросила она. — Да, теперь это редкость.

— Фира Ройтблат, — сказал я. — Хорошее сочетание имени и фамилии.

Она вздрогнула.

— Я тебе фамилию не говорила!

— Правда? — спросил я в огорчении. — Почему такое недоверие?.. А мне показалось, мы просто родственные души. Хотя вообще-то я атеист...

Она сказала резко:

— Ты что-то слишком много знаешь.

— Ничуть, — заверил я. — До сих пор не могу найти более точный метод вторжения в ген. Представляешь?.. Вижу в нем опечатки, полузатертые буквы, а исправить не могу!.. Очень хочу, но не могу.

— Я не о том, — напомнила она.

— А-а, — протянул я разочарованно, — ты все о местных реалиях...

— Представь себе.

— Просто недостаточно хорошо, — пояснил я, — прячете концы. Тебя видели в Ираке, Пакистане, про Израиль вообще молчу, а сюда ты летела из Германии с пересадкой в Турции. Билет можно купить и на чужое имя, а вот установленные камеры фиксируют каждого, кто еще только подходит к зданию, а внутри так и вовсе проверяют с разных углов.

Она сказала саркастически:

— И все тут же сообщают тебе!

— Наверное, — предположил я, — нравлюсь камерам. А еще я такой нарядный. Ваши там дежурят?

Она сказала недовольно:

— Не только наши. Не понимаю, на что намекаешь...

— Да какие намеки, — сказал я, — понятно же, что ядерные заряды там точно не повезут.

Она сказала понимающе:

— Контрабанда по горным или барханным тропам?

— Кроме таможенных постов, — сказал я, — в любой стране хватает и хорошо протоптанных маршрутов для контрабандистов. Удобств, правда, меньше, но пройдя пешком пару миль, выходишь на дорогу, где можно то ли попутным, то ли же поджидающим...

— Ясно.

— В общем, — подытожил я, — красиво живут люди. А остальным только попеть, как бригантина поднимает паруса, и сразу схлопочешь от дорожного правительства и вообще силовых структур... Ваши люди следят за контрабандными тропами?

Она ответила после секундной заминки:

— Не за всеми.

— За всеми хватило бы народа разве что у ЦРУ, — согласился я. — Там хвосты друг другу заносят на поворотах от безделья, и за все платим мы, покупая доллары!..

Она поморщилась, но ничего не ответила.

— Значит, — предположил я, — бомбы повезут контрабандными. С таким товаром рисковать на таможне не станут.

Она отрезала:

— Ты так говоришь, словно ядерные компоненты еще будут ввозить в Дубай!

— А если они уже здесь? — спросил я. — Не думаю, что ваши агенты перекрыли все тропы.

Она зябко передернула плечами.

— Не пугай.

— Что, — изумился я, — Дубай жалко?

— Дубай пусть, — отрезала она, — хоть все Арабские Эмираты, но они тут же повезут в Израиль!

— Сперва бомбу нужно собрать, — сказал я утешающе. — Ее ж не везли как бомбу!.. По частям. Разными группами... А то и тропами.

— А если она уже здесь? — спросила она. — И покупатель сейчас собирает части в одно целое?

Я сказал бодро:

— Уверен, вы на границе с Иорданией устроили патрули.

— Тебе хорошо так говорить, — возразила она. — Твоя Москва никому не нужна, ее взрывать не будут, а вот Тель-Авив...

— Как это никому? — обиделся я. — Госдеп спит и видит!..

Она отмахнулась.

— Госдеп мечтает весь мир подмять, в том числе Израиль, но мы боремся куда злее вас. Вас уже почти подмяли, а мы, напротив, выходим из-под его тени.

— Хочется пострелять? — спросил я понимающе. — Азартная ты. Я это сразу почувствовал, как только сняла то, что у вас называется трусиками.

— А как это называется у вас?

— Не знаю, — ответил я. — Разве что стрингами?

— На стринги мода ушла быстро, — сообщила она. — Сейчас либо кружевные трусики, либо вообще без.

— А у тебя кружевные или без? — спросил я. — А то как-то не врубился с этой модой.

— Тебе было не до того, — сказала она обвиняюще. — Трусики бы он рассматривал! Извращенец. Нет, ты сразу, как пещерный человек...

— Маркс сказал, — напомнил я, — все идет по спирали. Не уточнил, правда, то ли вверх, то ли вниз.

— Плохо ты читал, — сказала она уличающе. — Вверх! Мы, евреи, оптимисты. Хотя и вечно жалуемся.

— Зачем?

— Можно выцыганить больше.

— Тогда уж выевреевить, — уточнил я педантично. — Знаешь, я не вижу других вариантов, как проехать к бедуинам и спросить, не провозили ли что-нить особо необычного.

— Каким бедуинам? Там нет никаких бедуинов!

— Но есть племена, — уточнил я, — что живут по старым добрым традициям.

— Думаешь, вот так все тебе и выложат?

— Не уверен, — ответил я, — но попытка не пытка, как говорил вождь всех народов.

— Это кто, Моисей?

— Какой Моисей, — сказал я обидчиво. — Моисей только для евреев старался, а Сталин — для всех людей на свете, как истинно русский человек.

— Это Сталин русский?

— Да, — ответил я с достоинством. — А ты не знала, что «русский» — это прилагательное, а не существительное, как у всех остальных?.. Это значит, русским предназначено править миром!

— Поехали, — сказала она в нетерпении. — В твоей машине есть что-то... ну, что-то нужное?

— Озверела? — спросил я. — Напротив, я всегда беспокоюсь, чтобы это «что-то нужное» не подбросили. Зачем такое простому туристу? Который даже в армии не служил и любого оружия боится?

— Хорошо боишься, — сказала она с сарказмом. — Быстро и без промаха.

Глядя друг на друга, допили шампанское и, оставив фужеры на одном из столиков, пошли

к выходу, оба настороженные, я еще и просматривал, что показывают камеры в здании и вокруг него, но пока ничего особо подозрительного и опасного, хотя просто подозрительного хватает.

Служащий отыскал наш автомобиль на стоянке и пригнал к нам, я быстро просмотрел, что в нем еще кроме того, что на виду, но ни ракет «земля—воздух», ни даже крупнокалиберного пулемета почему-то нет, а жаль, что в прошлом, когда стрельба и драки были своеобразной романтикой по принципу: раз все равно когда-то умирать, то жить надо ярко, дико, безбашенно...

Она вела машину по дороге из города, я сверялся с картой и показаниями видеокамер на дорогах, подсказывал, где лучше свернуть, где можно ускориться, а где впереди дорожные камеры.

Глава 12

Она подумала, сказала деловито:

— Я не знаю, какая у тебя роль в этом деле... но ты, возможно, спас мне жизнь. Хотя, уверена, и сама бы справилась, но все-таки... Не думаю, что это было подстроено, чтобы войти ко мне в доверие. Правда, в нашей работе возможно все...

— Ну спасибо, — сказал с сарказмом.

Она вскинула брови.

— А-а, удивляешься? Еще одна песчинка на чашу весов, что не профессионал. Но очень удачливый, признаю, любитель.

— Какой любитель? — сказал я с отвращением. — Как можно любить такое непотребство

и питекантропство, когда у меня CRISPR на лабораторном столе? Вот там загадки, вот там приключения и великие тайны!

Она кивнула с сочувствием.

— Ну тогда аматор, если не нравится слово любитель. Но, хоть и с трудом, все же смутно понимаю. Я же сказала, родители у меня очень консервативные... Нет, не ортодоксы, а... правильные, что ли. И родня такая же. Есть даже два магистра, трое работают в институтах... Так что иногда краем уха слышала обрывки разговоров, суть которых ты бы одобрил. Но сейчас я о другом. Если что-то еще знаешь... чисто случайно, конечно, то поделись, если это не раскроет ужасных тайн вашего КГБ.

— КГБ, — сказал я, — мирная бюрократическая организация. В отличие от боевого и весьма энергичного МОССАДА. В КГБ и хотелось бы убивать направо и налево, как делаете вы, но инструкции связывают по рукам и ногам. Так что, увы, вам только завидуют.

— Когда это мы убивали направо и налево?

— Всегда! — заявил я безапелляционно.

— Ну хоть один факт?

— Еще чего, — ответил я оскорбленно. — Я не настолько невысокого мнения о вашей скрытности. Потому общество и не знает, как убиваете направо-налево...

— Ты не увиливай, — сказала она, — совсем заувиливался. Какая твоя роль, не скажешь? Тогда другой вопрос, помочь чем-то нам твое начальство разрешит?

— Спинку почешешь? — спросил я.

— Что, — спросила она, — в таком случае начальство разрешит?

— Если не расстреляют, — ответил я лихо. — Как у нас, не помню, с Израилем отношения еще не разорваны?

— Напротив, — сказала она, — какие-то общие договоренности по ИГИЛу... То ли против него, то ли вместе с ним против Америки...

— Если общие, — ответил я, — тогда помогу. За спинку.

— Почешу, — пообещала она. — Ради Израиля на какие только жертвы не идем!.. Так что?

— Мы же едем, — ответил я. — Какой тебе еще ответ?

— Ты как еврей, — упрекнула она. — На вопрос вопросом.

— Ага, — сказал я, — не ндравится, когда и мы евреим! Или еврействуем. Ваше еврейство нам всем в печенках! Но терпим. За старые заслуги.

— Какие еще старые?

— За семь заповедей, — сообщил я. — Или это вы у египтян сперли вместе с их золотом?

Она нахмурилась и замолчала, явно сочла ниже своего достоинства отвечать на такие инсинуации.

Город остался за спиной, по обе стороны идеально ровного шоссе раскинулась и начала медленно сдвигаться за спину сверкающая золотым песком барханная пустыня.

Арабские Эмираты едва ли не самое богатое государство даже в пересчете на каждого жителя, но это в среднем, а в реале в этом регионе народ живет не только в дикости, здесь и сами эмиры дикие, но и в странной бедности, когда ходят в лохмотьях, но ездят на дорогих авто, и почти у каждого на плече новенький штатовский автомат, из которого так любят стрелять в воздух, а

у меня сердце кровью обливается от такого расточительства.

Может быть, потому и пишется в отчетах, что на убийство одного человека затрачивают двести пятьдесят тысяч патронов, когда считают и таких вот стрелков?

— Останови вон там, — сказал я, — хорошее место... и для перевалки контрабанды... и вообще. Теперь посиди, я поговорю с... местными.

Она покачала головой.

— Уверен, что не зарежут сразу?

— Сразу нет, — ответил я серьезно. — Не зарежут.

— А потом?

— А меня за что? — изумился я. — Я им расскажу, что Израиль — это кленовый листок на спине арабского слона! И стряхнуть его — раз плюнуть.

Она зло стиснула челюсти.

— Надеюсь, они тебя не зарежут, потому что сама хочу придушить. Медленно и сладострастно.

— Снова? — спросил я. — Ну да, ладно...

И пошел к группе арабов, что пьют кофе под навесом прямо на улице. Я чувствовал, как Эсфирь следит за моими перемещениями непонимающими глазами, с ее точки зрения нет никакой логики в том, что заговариваю с одними кочевниками и пропускаю других, более важных и значительных с виду.

— В самом деле, — сообщил я по возвращении, — есть информация, ненадежная, но достоверная, что сегодня всего пару часов тому здесь провезли некий груз. Тайно и под большой охраной. Совпадения, конечно, могут быть...

Она спросила жадно:

— А куда повезли?

Я сдвинул плечами.

— Все держалось в тайне. Впрочем, как и всегда.

Она посмотрела с подозрением.

— А эти сведения у тебя откуда? Вот так просто поговорил с незнакомцами и все узнал?

— Не все, — напомнил я. — Куда заряды повезли, не знаем. Если то вообще заряды. А если просто большой груз героина?

— А кто сообщил про доставку?

Я посмотрел с сочувствием.

— Тебе нужны имена информаторов? А как насчет ключей от квартиры, где деньги лежат?.. Может быть, ты тайный агент МОССАДА, что работает теперь на КГБ, а может, женщина, желающая отомстить любовнику... Важно то, что груз сейчас в Эль-Дхаиде.

Она сказала быстро:

— Едем!.. Здесь близко.

— Почти Европа, — согласился я. — Там тоже все мелкое.

— В Европе?

— Вся Европа поместится в одной Тюменской области, — заверил я. — Поехали! Я покажу дорогу.

— Сама знаю, — отрубила она.

Эль-Дхаид сам по себе городок небольшой, даже крохотный, у нас бы считался поселком, но здесь все дома из камня, выглядят солидно, потому это город, такая логика, ничего не поделаешь, к тому же здесь удобный перекресток двух, даже трех дорог, место достаточно оживленное, несколько лавок, торгующих фруктами, непременный оружейный магазин, мясная лавка,

отдыхающие прямо на улице под стенами своих домов старики.

Эсфирь припарковала автомобиль в стратегически удобном месте, в нужный момент можно сразу по газам и ринуться то ли в погоню, то ли в удиралку, опустила стекла с обеих сторон, чтобы удобнее не только смотреть, но и сразу открыть огонь.

Я выставил локоть в окно, так все делают, не прячусь, держусь свободно, ничего необычного, город осматривал как сразу с двух спутников, увеличивая изображение до рези в глазах, так и задействовав перехват всех телефонных разговоров в городе, запросы в Сети, наблюдение телекамер, наконец сказал негромко:

— Давай вперед до перекрестка, там припаркуешься возле обувного магазина. Он сейчас закрыт, что нас устроит.

Она фыркнула:

— Что, на двери висит табличка «Закрыто»?

— Нет, — ответил я серьезно. — Там написано «Простите, у нас ремонт. Откроем завтра».

Она поморщилась, глупый у русских юмор, автомобиль медленно двинулся вперед, у перекрестка свернул, Эсфирь покосилась на дверь магазина, там в самом деле табличка с надписью «Простите, у нас ремонт. Откроем завтра», посмотрела на меня со злобной подозрительностью, словно я заодно с террористами.

— Постоим, — сказал я мирно.

— Ты что-то скрываешь, — пробормотала она.

— А ты?

Она хмыкнула.

— Мне можно. Я женщина.

— А как же равноправие?

Она ехидно улыбнулась.

— А я из консервативной семьи, не говорила?

— Удобно, — ответил я с уважением.

— Сам говоришь, евреи умные!

— Я не так говорил, — уточнил я, — но ладно, с красивой женщиной спорить трудно.

Из здания, которое я за приметил, вышли и зашли в ближайшее кафе трое мужчин, поджарые, настороженные, настоящие люди войны, что родились в ее огне, живут в нем и другой жизни не знают, хотя она и есть где-то в другом непонятном и потому враждебном мире.

— Спесь, — сказал я.

Он не поняла, переспросила:

— Что-что?

— Когда Сократ, — ответил я, — увидел на празднике богато разодетых, изысканных и надушенных афинян, он сказал брезгливо: «Это спесь». И тут же увидел с другой стороны идущих спартанцев, что явились в звериных шкурах, наброшенных на голые плечи, нечесанные, бородастые и подчеркнуто грубые, и сказал о них: «А это тоже спесь».

Она изогнула губы в улыбке.

— Да, эти дикари дадут сто очков вперед всяким спартанцам в спеси и наглости.

— Откуда она берется? — предположил я. — От желания противопоставить себя в любом случае, или же были попытки стать европейцами, как было в Иране, а потом, не сумев влиться полностью, решили подчеркивать, что так они еще лучше?

Она буркнула:

— А это важно?

— Еще бы, — сказал я. — Если это от провалившихся попыток стать культурнее и цивилизован-

нее, тогда еще есть надежда их перетащить в мир цивилизации, а если баранье упрямство... тогда только огнем и мечом.

— Только огнем, — отрезала она. — Вы там глубокомысленно и неспешно размышляете над этой проблемой, сидя с бокалом вина у камина в мягком кресле, а мы с самого начала создания Израиля сталкиваемся с этой проблемой.

— А как? — спросил я с интересом.

Она зло сверкнула очищами.

— Таких размышляющих все меньше и меньше. И то появляются только за счет того, что в каждом поколении откуда-то берутся умники, что отвергают опыт поколений родителей и пытаются наступить на грабли так, чтобы не ударили. Эти проблемы решаются только огнем из пулеметов! Крупнокалиберных.

— Чего-то ждут, — сказал я. — Оглядываются, все трое начеку, все вооружены, как будто на штурм Тель-Авива.

— Тель-Авив никому не взять, — отрезала она с надменностью в голосе и во взгляде. — А что насторожены... так здесь все такие. Посмотри лучше, дитя асфальта.

— Да ну, — сказал я, но, присмотревшись, пробормотал: — Ты хоть и женщина, но как-то угадала... или кто-то тебе сказал. Дети гор...

— Это у вас кавказцы — дети гор, — сказала она с насмешкой, — а здесь дети пустынь, что вообще оторвать и выбросить.

— Дети песков, — согласился я, — да, это да, как-то даже ого, а то и ого-го. Все еще кланы?

— Кланы, — пояснила она, — это уже высокая организация. У них чаще на уровне родов. Так понятнее. Примерно как у славян.

— У славян было на уровне племен, — уточнил я вежливо. — А в племени народу было больше, чем в какой-нибудь Франции. И территория в таком племени бывала... как бы объяснить, Франция поместилась бы запросто, а еще и на пятьдесят Израилей хватило бы. И еще на сектор Газы.

— Только без Газы, — запротестовала она. — Франция ладно, на такое соседство согласна... Погоди, вон те настоящие!.. Видишь, два джипа направляются в нашу сторону?

Она ухватила меня за рукав, я убрал локоть и чуть отодвинулся в тень салона.

— Значит, мы хорошо выбрали место, — заметил я.

Она с недоверием смотрела, как я вытащил смартфон, повозил по нему кончиком пальца, и там появилось лицо поджарого мужчины, сперва в военной форме и чисто выбритого, потом с бородкой и в одежде ваххабита, а третий снимок снова в европейской одежде, а за спиной угадывается площадь перед зданием аэропорта ля Бурже.

— Та-ак, — сказал я, — интересно... Том Леннон, интересная личность... участвовал, участвовал, боевые награды, но все больше своевольничал, то есть вел себя самостоятельно и вызывающе, пока не был отчислен из отряда спецназначения...

Она спросила быстро:

— Откуда такое... Ладно, забудь. А это еще кто?

Смахнув снимок Леннона, я вывел лицо молодого парня в спортивной одежде, еще разок — с огромным кубком в руках и лентой чемпиона через плечо.

— Еще интереснее, — ответил я. — Мэтью Гренгер, перспективный спортсмен, кандидат в Олим-

пийскую, но попался на допингах. Дисквалифицирован на год, терпеливо пережидать отлучения от спорта на двенадцать месяцев не стал, начал выполнять некоторые заказы от крупных фирм...

— Убийства?

Я посмотрел с неудовольствием.

— Какая ты кровожадная. Почему сразу убийства?.. Конечно, нет. Сперва перевези туда, передай тому. А постепенно, по мере того как справлялся, несмотря на некоторые возникающие трудности, ему начали поручать и вещи посложнее.

— Значит, убийств нет?

— Одно, — сказал я. — Какого-то бомжа. Полагаю, только для того, чтобы проверить, пойдет ли на такое. Пошел...

— И с того момента пошел вверх?

— Знаешь, — сказал я понимающе. — Тоже так же?.. Ладно-ладно, пошутил. Хотя вообще-то методы разведок и преступного мира удручающе похожи.

Она спросила язвительно:

— Ты тоже бомжей убивал?

— Мне повезло сразу убить двух рецидивистов, — сообщил я, — в момент нападения на семью мирного гражданина. А так как я пошел после этого в столовую, а не ринулся к психоаналитику, то мою психику сочли идеально устойчивой.

Она чуточку отстранилась, словно возжелала окинуть взглядом с ног до головы и ничего не пропустить.

— Так ты нейрофизиолог или...

— Мировая величина, — подтвердил я. — Но в виде экстремального отдыха предпочитаю не виндсерфинг, а борьбу с мировым терроризмом.

Стрельба по людям интереснее, как говорят в Израиле, чем по тарелочкам.

Она сказала раздраженно:

— В Израиле так не говорят!.. А что насчет третьего?

— Ищу, — ответил я и подвигал пальцем по экрану смартфона.

— А вот третий вообще чудо, — сказал я задумчиво, — смотри, прибыл из Германии с тремя пересадками. Везде платил наличными, чтобы не светиться, но камеры по распознаванию лиц, что устанавливают в первую очередь в аэропортах, постоянно совершенствуются...

— Уже знаешь, — спросила она с недоверием, — кто он?

— Да, — ответил я. — Марк Винн. В прошлом хороший детектив, раскрыл немало преступлений в Берлине. Был переведен в Гамбург за слишком жесткие методы при поимке и предварительном дознании. Там раскрыл пару громких дел и несколько более мелких, но опять же был обвинен в незаконном применении давления на задержанных...

— И переведен вообще в село?

— В мелкий заштатный городишко, — подтвердил я. — Выехать по месту назначения выехал, но оттуда заявил, что уходит в отставку. И вскоре вынырнул на Ближнем Востоке.

— Да, — сказала она, — здесь есть где развернуться человеку с его талантами.

— Здесь вообще места для талантливых, — согласился я.

— Потому мы здесь?

— Разве мы не лучшие? — спросил я.

Она наконец-то улыбнулась, это было похоже, словно солнце выглянуло из-за грозовых туч и осветило ее лицо. Даже глаза заблестали весельем.

— В этих местах не соскучишься, — ответила она. — Не засыпающая от сытости Европа.

— Вы молодцы, — буркнул я с неохотой, — самые старые и в то же время самые молодые, энергичные и злые. Вы и тараканов переживете.

— Переживем, — подтвердила она с гордостью. — Но все же ядерную бомбу в Израиль не пропустим.

Некоторое время молчали, потом я шепнул:

— Выходит из кафе, видишь? Это он, Гренгер. Ишь, морду прячет... От женщины не спрячешься.

Она покосилась с подозрением, я в самом деле начал говорить чуть раньше, чем Гренгер вышел из кафе, но лишь пробормотала:

— Если он был там, можно было взять на месте. Подойти сзади и надеть наручники.

— Не думаю, — ответил я, — что здесь так уж любят полицию. Могут заступиться. К тому же он был не в этом кафе, а в соседнем, пошел через черный ход. Так, на всякий случай. Отсекая хвост. Или даже хвосты.

Глава 13

Гренгер словно бы невзначай посмотрев по сторонам, открыл дверцу припаркованной машины, неспешно сел и тут же, даже не пристегиваясь, вывернул руль на проезжую часть и прибавил скорость.

Эсфирь, выждав чуть, медленно пустила автомобиль следом, позволив вклиниться между нами вместительному «Форду» и роскошному седану прошлого года выпуска.

Я сказал с отвращением:

— И здесь пробки!

— Что-что?

— Заторы, — пояснил я. — Вереницы автомобилей, как сладко объясняет мой навигатор. Думал, здесь все еще, как в старое доброе время, на ишачках, а тут прямо центр Москвы! Ни пройти ни проехать просвещенному европейцу. Блин, как же эта цивилизация достала!

Она взглянула с иронией.

— А мне казалось, ты обеими руками за нее.

— И ногами тоже, — отрезал я. — Меня достала именно бестолковая цивилизация, а не вообще...

— Думаешь, со временем станет лучше?

— Сделаем лучше, — пообещал я.

Наверное, у меня получилось очень твердо, она покосилась с удивлением, но смолчала, наблюдая за движением, умело продвигаясь вперед, едва намечалась хоть малейшая щель.

«Форд» с семейством удалось обогнать, но впереди нагло вклинился открытый лимузин, за рулем — толстый араб в арафатке, но рулит виртуозно и азартно, влезая в такие щели, что вроде бы и палец не просунуть, поцарапать свое сверкающее чудо не страшно, богатый, гад...

Некоторое время мы двигались, не догоняя, но и умудрившись не отстать, затем в какой-то момент, что застал меня врасплох, этот гребаный спортсмен внезапно выскочил, хлопнув дверцей, я едва успел перехватить быстрый взгляд в нашу сторону, ринулся между автомобилями вперед по улице.

Эсфирь крикнула зло:

— Сволочь!.. Как он заметил?

Мы покинули автомобиль синхронно, она метнулась за ним следом, а я пробрался между

машинами к тротуару, а там между пешеходами побежал, стараясь не терять убегающего из виду, на ходу подключаясь ко всем камерам вдоль улицы, но, к сожалению, те только на входе в три самых крупных магазина.

С проезжей части улицы визг тормозов, крики, Эсфирь наконец-то выскочила на тротуар и гонится за ним, как пантера за быстроногим оленем.

Он на бегу умело делает все, чтобы затруднить погоню: толкает прохожих, сбивает с ног, чтобы она нагкнулась, когда они начнут подниматься с четверенок, или потеряет темп, обегая их по дуге, однако Эсфирь мчится быстро и свирепо.

Ощувтив, что расстояние сокращается, он резко повернулся и дважды выстрелил. Вскрикнул раненый прохожий и, отшатнувшись к стене, сполз по ней на тротуар, а Гренгер продолжил бег с удвоенной энергией.

Она наконец крикнула вдогонку:

— Стой, стреляю!

Ага, щас остановится, прекрасно понимая, что нужен живым, перепрыгнул через ящики прямо на дороге, обрушив на землю целую витрину из крупных апельсинов, однако Эсфирь пронеслась по ним, ухитрившись не задеть ни единого.

Развернувшись на бегу, он снова выстрелил дважды. Эсфирь чудом избежала ударов пуль, как-то просчитывая его движения, но еще один прохожий рядом с нею вскрикнул и повалился на тротуар.

Я пробежал через переулок, рассчитав, что за углом обязательно свернет, дальше вообще район магазинов, там не догнать, и выбежал как раз

за пару секунд до того, как он вылетел, крупный и стремительный. Я только и успел ударить повыше ногой навстречу, потому что простой подножкой такого не остановить...

Он рухнул, однако ухитрился зацепить и меня пятерней, я больно ударился о жесткий асфальт. Несколько секунд отчаянно боролись, он ухитрился подмять меня, я успел увидеть один за другим кулаки, и хотя мой мозг работает быстро, но мышцы медленно, а у него и мышцы работают инстинктивно, натренированные годами беспощадных тренировок.

Но я отбивался отчаянно, он наконец дотянулся до рукоятки ножа в чехле у пояса, молниеносно выдернул, я увидел блеск отточенного лезвия и попытался как-то перехватить, но чувствовал, что не успеваю.

Вдали грохнул выстрел, я все же ухватил за кисть, вывернул в сторону и только тогда понял, что пуля ударила его в висок и прошла навылет, ухитрившись не забрызгать меня кровью.

Эсфирь подбежала с пистолетом в обеих руках.

— Ты цел?

— Если не считать самолюбия, — простонал я.

Она быстро наклонилась, обшарила его карманы. Лицо перекосилось в злой гримасе, у женщин это выглядит намного злее, чем у нас, людей.

— Все, — велела она резко. — Уходим, быстро!.. Сейчас здесь будет полиция. Да быстрее же ты!

Она помогла мне подняться, убитый остался лежать на спине, пистолет в двух шагах, Эсфирь пинком отправила его ему под руку, в другой ладони все еще зажата рукоять ножа.

Я побежал вслед за нею, мозг уже работает вовсю, просчитывая варианты, за вторым домом я придержал ее, сказал тихо:

— Вот этот магазин с потайным выходом на другую улицу. Иди за мной, не отставай!

— Все-то ты знаешь, — прошипела она. — Здесь бывал!

— Не груби, — ответил я.

Прохожие в испуге отпрыгивают, я быстро завел Эсфирь в магазин, прошли мимо прилавков, я прижал палец в губам, встретив взгляд продавца, и, пройдя за его спиной, утащил Эсфирь в служебные помещения.

Дальше попали в просторный склад, где рабочие разгружают две машины одновременно, а еще одна бригада собирает новый стеллаж.

Через пять минут вышли, как я и обещал, на другую улицу. Уже как обычные мирные граждане, никаких пистолетов, просто туристы, степенные и чинные, чуточку усталые от впечатлений, но довольные.

— Все пропало, — прошептала она убито. — Полный провал!.. Это же была единственная ниточка.

— Будут неприятности? — спросил я.

Она огрызнулась.

— А ты как думал?

— Да ладно, — сказал я нехотя, — можно сказать, проявила человеколюбие. Так и скажи своим боссам, что возжелают тебя вздрючить за такой пустяк.

— Пустяк?

— Подумаешь, — сказал я, — не взяла живьем. Она поморщилась.

— Какое человеколюбие, если убила? Намекаешь, что в МОССАДЕ его бы жутко пытали, а потом все равно убили в тайных подвалах Лубянки?

— Да не к нему человеколюбие, — пояснил я. — Он что, так... такой же, как и остальные двуногие, что туды-сюды по тротуарам, как тараканы. Я бы их тоже всех, но в данном случае можешь напомнить, этот гад во время бегства пристрелил двух прохожих, а ты, чтобы не дать убить третьего демократа, всадила ему пулю прямо в голову.

Она сказала хмуро:

— Боюсь, мое руководство относится к этим снующим прохожим, как и ты, так что мое оправдание не очень прокатит.

— Тогда, — предложил я, — меня спасала.

Она посмотрела на меня в упор.

— А ты того стоишь?

— А в благодарность? — напомнил я. — Там, в отеле?

— Увы, — отрезала она, — в нашей профессии нет места всяким там чувствам.

— М-да, — сказал я, — что у вас за бесчеловечные боссы. Давай перевербую к нам?

— Не пройдет, — отрезала она. — Плохо стараешься.

— А чего? — возразил я. — У нас там, в КГБ, половина евреев. А может быть, и все, кто знает! Маскируетесь, гады.

Она покачала головой.

— Не аргумент. Есть наши евреи, а есть не наши.

— Во блин, — протянул я пораженно, — а я думал, вы все одна нация... Или организация, как говорил Генри Форд, изобретатель бесчеловечного конвейера, убившего Чарли Чаплина. Но все равно, у нас будешь среди своих!

— В гробу я видела таких своих, — отрезала он. — Мои сражаются за Израиль, а не строят против него козни!..

— У нас не строят, — заверил я. — У нас, как бы помягче, занимаются более крупными проектами. Помасштабнее кленового листа на спине арабского слона.

— Масштабнее Израиля нет ничего, — заявила она. — Надеюсь, ты уже проникся чувством вины и готов предложить помощь в поиске частей ядерной бомбы?

Я посмотрел на нее оценивающе.

— Люблю патриотов... На любое преступление готовы ради высоких целей. Ладно, скисать рано. Забыла, у нас есть еще Митчел Хиггинс?.. Подумаешь, олигарх... Найдем, как к нему подступиться. А потом отыщем и эти пропавшие штуки. Это так же просто, как упасть шекелю!

— Шекель не рубль, — огрызнулась она, — с чего ему падать?.. Он не падал и не упадет.

— Может быть, — предположил я, — заменить в России рубли на шекели?.. Чтоб тоже не падал? Она фыркнула.

— Трусы своему рублю наденьте. Нам бензина хватит на обратный путь? Или попробовать купить у здешних?

— Нам хватит, — ответил я бодро, — а вот в машине маловато.

— А запасной бак?

— Запасной на то и запасной, — пояснил я.

Она посмотрела с надеждой.

— Надеешься, догоним?

— Не догоним, — сказал я, — хоть согреемся... Что так смотришь?

Она сказала озабоченно:

— Ты не перегрелся? На такой жаре это бывает...

— Ты сама не догоняешь, — заявил я. — Это наш блистательный русский юмор. У нас же

страшные холода, даже вода зимой замерзает, а по улицам медведи с балалайками бродят.

— Вот-вот, — согласилась она. — А в Испании быки с гитарами, сама видела.

— Кто ж тогда в Израиле, — пробормотал я, — все-все, молчу!

Возле нашей машины уже отираются подростки с явным желанием что-то спереть, я их шуганул, Эсфирь села за руль и с надеждой посмотрела на меня.

— Прямо, — сказал я. — Солнцу и ветру навстречу. Что-то своим уже передала?

Она огрызнулась:

— Только то, чтобы на всех границах Израиля усилили контроль за любыми грузами. Это раньше и мышь не могла проскользнуть незамеченной, но сейчас будут просматривать и дамские сумочки с косметикой.

— Теперь надо следить и за небом, — напомнил я. — Дронами можно доставлять не только пиццу.

— И за морем тоже, — ответила она сумрачно. — Подводные лодки засечь легко, а вот отдельных аквалангистов, подплывающих темной ночью с опасным грузом в водонепроницаемом пакете...

— Постарайтесь отыскать раньше, — сказал я неуклюже.

Она спросила со слабой надеждой:

— Ты сможешь? Я же вижу, ты тоже в этом как-то завязан.

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Шутки шутками, но мир спасти в самом деле... да, пора. И честно говоря, мы уже начали.

Она спросила быстро:

— Кто?

— Организация, — ответил я уклончиво. — Сама понимаешь, свою страну оберегает само государство с некоторой помощью немногих союзников, а весь мир должен оберегать... весь мир.

Она смотрела неотрывно, я мог предположить, какие мысли и чувства проносятся в ее мозгу, это все отражается в микромимике.

— Хочешь сказать... существует некая наднациональная организация...

— Их много, — сообщил я. — Может быть, ты слышала про ООН, МАГАТЭ, ПАСЕ...

Она отмахнулась.

— Я говорю о настоящей организации! Которой вот уже сто лет пугают во всех боевиках!

Я покачал головой.

— Ты говоришь о всемирном еврействе, что готовится захватить весь мир?

— Иди ты к черту, — сказала она. — Не до шуточек.

Я покосился на ее раскрасневшееся лицо с блестящими гневом глазами. Хороша собой эта самая древняя европейка, если учитывать то, что все древнейшие города Европы возникали как предместья их синагог. Иудеи начали расселяться по Европе со времен разрушения Первого храма, а вторая волна пришла с римлянами, когда в тамошних лесах жили предки вандалов, вестготов, таллов, кельтов, франков, а тевтонов вообще не существовало, а так как каждый иудей обязан быть грамотным, то именно от них пошла и европейская грамотность... Это самый древний народ Европы, самый коренной, но она древней ну никак не выглядит...

— Никогда не было организации, — пояснил я серьезно, — что собиралась захватить власть

над миром. Но сейчас возникла необходимость спасти мир... от реальных угроз!.. потому вот возникла. Если желаешь присоединиться... вэлкам.

Она ответила после паузы:

— Если там у вас не предусмотрено исчезновение Израиля... то я хотела бы узнать больше.

— Мы боремся только с угрозами, — заверил я. — А политика не наше дело.

Она остро взглянула мне в глаза.

— Каждая структура, усиливаясь, приобретает больший вес и в политике. Об этом не подумал?

Я несколько мгновений смотрел на нее остановившимися глазами.

— Ух ты...

Она кивнула с удовлетворением, но и некоторым разочарованием.

— Так и думала. Ты на мелких ролях, верно? Если даже не догадываешься о возможностях, о которых наверняка знает твое руководство.

— Почему на мелких, — сказал я обиженно, тут же входя в роль мелкого, — я вообще-то самостоятельная и заметная величина!.. Посмотри, какой я нарядный!

Она сказала с отвращением:

— Снова прикидываешься?.. Что-то уже надумал?

— Да, — ответил я скромно. — Но не за бесплатно.

Оглавление

Часть I

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	64
Глава 8	73
Глава 9	82
Глава 10	90
Глава 11	100
Глава 12	109
Глава 13	119
Глава 14	128
Глава 15	133

Часть II

Глава 1	146
Глава 2	155
Глава 3	162
Глава 4	171
Глава 5	181
Глава 6	189

Глава 7	200
Глава 8	208
Глава 9	218
Глава 10	228
Глава 11	237
Глава 12	247
Глава 13	257
Глава 14	269
Глава 15	274

Часть III

Глава 1	284
Глава 2	294
Глава 3	303
Глава 4	313
Глава 5	324
Глава 6	335
Глава 7	345
Глава 8	355
Глава 9	364
Глава 10	374
Глава 11	385
Глава 12	392
Глава 13	403

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

КОНТРОЛЕР. ФАНТАСТИКА ЮРИЯ НИКИТИНА

Никитин Юрий Александрович

**КОНТРОЛЕР
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
Человек из будущего**

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Л. Зотова*

Компьютерная верстка *А. Москаленко*

Корректор *Е. Захарова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.09.2016. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «GaramondBook». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 4000 экз. Заказ №8347.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-89607-3

В электронном магазине ЛитРес
www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ЮРИЙ НИКИТИН КОНТРОЛЕР

Девяносто девять процентов населения мыслями и чувствами еще в XX веке, потому к таким, как Владимир Лавронов, зачастую относятся со сдержанной враждебностью... И это в лучшем случае. Неудивительно, что и в собственной стране Лавронову приходится жить как на густо заминированной территории: смотри под ноги и по сторонам, следи за тем, что говоришь, врага уничтожай быстро и безжалостно, с побочными потерями не считайся, ведь этих двуногих на планете – восемь миллиардов...

ISBN 978-5-699-89607-3

9 785699 896073 >